

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ 6+

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Г. Спичак.</i> Коми багатыр Сім йылысь мойд. <i>Вуджодіс О. Уляшев</i>	4
<i>Н. Мирошниченко.</i> «Бог есть путь»	14
<i>А. Попов.</i> Повцы человекав. <i>Стихи</i>	15
<i>Г. Бутырева.</i> «Живу на своей земле...» . <i>Интервью</i>	27
<i>Г. Бутырева.</i> Думать о настоящем. <i>Стихи</i>	34
<i>Ю. Екишев.</i> Записки о семейной рыбалке (Главы из книги «Наскальные рисунки»)	42

СОРОКИН

<i>А. Терюков.</i> П.А. Сорокин в годы учёбы в Петербургском университете	74
<i>М. Ломоносова.</i> Литература как объект социологического анализа в теоретическом наследии Питирима Сорокина и литературные грани его творчества	90
<i>П. Сорокин.</i> Предтеча. <i>Роман</i>	104
<i>М. Ломоносова.</i> Новые грани творчества Питирима Сорокина	150
<i>П. Сорокин.</i> Стихи	151

АРТ-ФАКТ

<i>И. Котылева.</i> Выставка Анжелы Размановой «ПУТЕШЕСТВИЕ или как зыряне Кандинского околдовали»	156
<i>И. Котылева.</i> «Мужчина и Женщина. Археология архетипа»: мифопоэтические блуждания в контексте выставочного пространства	170

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

Издания Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина	181
К 175-летию Ивана Куратова	183
Нам пишут	187
Проблемы аксиологии в произведениях Г.И. Спичака	189

Приложение к журналу: «Александра Куликова. Графика».

Сыктывкар
2014

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»*

Главный редактор — Галина Бутырева
Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 12.08.14. Формат: 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29. Тираж — 1200 экз. Заказ 4653. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

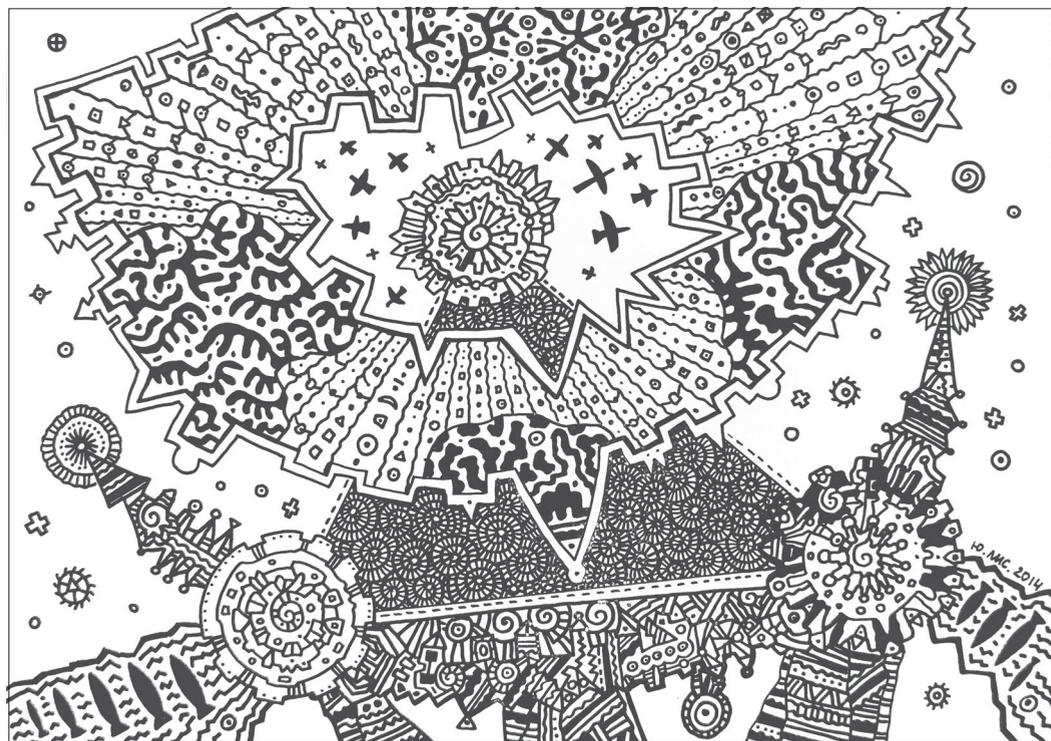
В оформлении обложки использована работа П. Микушева «Знак женщины». 2014 г. Х., акрил.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йоздтм гижодтяс редакция оз рецензируют и авторьяслы найос оз модд. Редакция оз век во ёти кывйё авторьяскд.

Проза. Поэзия

Григорий Спичак

Спичак Григорий Иванович чужис 1960-ӧд воын Коми республикаса Емва карын. Йӧзӧдліс гижӧдгяссӧ республикаса да федеральнӧй литературнӧй журналгъясын, а сідзжӧ «Колокол» журналын (Великобритания), Будапештскӧй университетын лӧдзӧм поэзия сборникын. Авторлӧн петісны кывбура кык сборник, «От Княжего погоста до Святого Афона», «Портрет мужчины с иконой и зеркалом», «Блог С», «ЦИТАЛА. Украденный посох» проза гижӧда книгагъяс.

Коми багатыр Сім йылысь мойд

Коми муын, Лӧз ты дорын, Еджыд ю бокин оліс Сім-багатыр. Керкаыс вӧлі ӧдзӧстӧм: Сім керкасӧ сӧмын лӧптыштлас, пырас пытшкас дай вевтгыяс. Сӧтшӧм ӧн сійӧ вӧлі. А ковмывліс кӧ ортсӧ видзӧдлыны, сӧмын кыпӧдыштлас юрнас вевттӧ.

Сім вӧлі гӧрд юра. Эз эськӧ, шуам, дзик гӧрд, позис и еджыдӧн шуны, но юрӧж пӧлӧныс да тош визьӧдыс гӧрдаліс тшӧкыд юрси. Сійӧн и кажитчис юрыс рудзӧг идзас рӧмаӧн. Синмыс Сімлӧн вӧлі эз лӧз, и весиг эз быгалӧм лӧз, а пӧшти еджыд. «Еджыд синма чудӧ-чуд!» — шулывліс мамыс Сімӧс дзӧлядырйиыс. Айыс Сімлӧн вӧлі косіник да дзӧляник, да век шензис: кодӧ пӧ и рӧдйӧма сылӧн питорйиыс. А мамыс Сімлӧн, сьӧд синма сімыд яя, сераліс: шондісянь пӧ вайи Сімтӧ. Зӧв нин гожъя вӧлі витеӧ во сайся сійӧ гожӧмыс, кор мырпомыс и урыс, шондіыс и йӧла туруныс гӧрда-вежӧн тыртліс мусӧ. Сӧсся тайӧ мич шӧрас и чужис Сімыд. Вынсӧ петкӧдлыны водз заводитіс. Пузчужӧм кагаӧн на.

Сім да пач

Коркӧ Сімлӧн мамыс пывсян ломтіс. Шоналыштіс пывсяныс, но эз жарӧдз. Лӧдсыштны колӧ. Мамыс чепӧсйиыс песла, а посни пескыс абу, гырысьыд ӧд чурвидзны кутас пач вомсьыс. Чагйӧн он ломты ни. Резюв уськӧдчис чукӧртны, но ӧд и резювнад оз ӧна донав горйид. Сюяліс сӧк гырысь пес пачад. А найӧ чурвидзӧны да тшыналӧны сӧмын. Куим арӧса Сім гӧгӧрвоис мамыслысь шогсӧ да отсыштны босьтчис. Матыстчис, тувъяліс кузь песъястӧ пачас, да сідз, мый песъясыд пач ситан сорыд петісны. Нымӧн пывсянтӧ эз сот...

Сім, сён да кызд

Кор Сімуk неуна быдмыштіс, кутіс пöчыс дорö Веслянаöдз öтнас ветлыны гöсти. Гожöмнас котраліс понъясыскöд рад. А вöлі налön куим пон: сьöд, гöрд да еджыд. Тöвнас лямпаöн. Пöчъясöдзыс кызь вит километратö шутөвтліс часөн... но, гашкö и, неуна дырджыкөн. Сэсся часысь дыр гöграліс зэв шогмытöм сён гөгөр. Гожöмнас зэрласигъясö сёнйыс вöлі зöм да вильыд, тöвнас гылалысь лымйыс вуджны эз лэдз. Кокниджык вöлі кытшовтны. А кытшовтнысö ылын. Сімуk и вöчис аслыс кык кыддзысь ньöввуж сяма. Йывъяссö йитіс гезйөн, а сэсся гез вылас пуксөн косліс, мый вермис, пуясö, понöлясö, вужъясö тшапкысьöмөн-кыскысьöмөн. Сэсся, кор кызъясыс нёрөвтчывлісны дзик му бердöдзыс, лэдзліс кияссö да ньöv туйö лэбліс сён мöдарöдзыс. Медводдзаысьсö кор таdzi вöчис, понъясыс муртса вежöрсö эз воштыны. Дуввидзисны да видзöдісны Сімлөн лэбöм-шмуткысьöм вылö. Гöрдыс весиг вурзавны кутіс повзём йывсыс, а сьöда-еджыдаыс сулалісны синсö сюзяс моз шаргöдöмөн. Дыр мысти нин сэсся нимкодя никсышталöмөн котöртісны сён гөгöрыс кытшолөн, мед Сімысь не кольччыны.

Но кадыс муніс. Сім быдмис, быдмис, дай лоис тошка мича зонмөн. Коркö важмозыс мöдöдчис пöчыс дорö да кöсйис сён вомöныд воддза моз лэбзыны, но öтар кыддзыс чегис. Сім усис сён пыдöсад. Ладнö сы вылнасянь бурскысис, да öд чегöм кыддзыд на юрас колкис. Но и скöрмыштліс сэки Сім. Ёрччис, вомас веськалöм лыанас сьöласис, юр шöрсьыс кулак ыджда йөгсö гыжъяліс. Мый сэсся тан керан? Дерт, уськöдчис Сім кызъястö чегъявны леторос моз. Чегъяліс кызъястö, сайкалыштіс, дай вöчис чегъялöм пуяссьыд сён вомöныс пос. Сэсся понъясыд эз нин сылөн лэбалöмъяс вылад видзöдны, а водзвылас тривксьöдліс-ны пос кузяыд.

Сім да ытва

Коркö лым сапкис-усис вель уна. Тövбыд лымъяліс. И сы мында лымйыс вöлöма, мый ошъяс пö тулысладорсö öтиа-мöд дорас ветлöдлöмаöсь, мед толаяс увсьыс мездавны. Тулыс воис. И став тайö лымйыс, дерт, сывны кутіс. Сы мында ваыс туис, мый черитö вöлöм тшак моз позьö вотны, ваыд воöма вөръясö и сёнъясö, пом ни дор абу. Ставнас вöрыс ойдöма.

Сім-багатырлөн керкаыс эськö и кыркöтш йылын вöлöма да, весиг сэн öшинь-öдзыс ваыд воöма. Сімыд некымын вой и абу нин узьлöма гортас, вөрöд ветлöма кузяла, пемöсьясöс мездалöма. Некымын пу пöрöдас, пуръялас, пуксьöдас ошъясöс, кöинъясöс, кöчъясöс и шуас: «Пукалöй лöня! Жебъясöс эн дзерöдöй! Шогыс öтувъя...» Аддзö Сім-багатыр, мый тадзнад ставсö он мезды, мыйкö мöдтор колö вöчны. Дерт. Кöть тэ сысыс багатыр, öткöнтö сюрс верст пасьтасьыд лымтö-ватö куравны он вермы. Сэсся и думыштчис Сім: «Колö видзöдлыны, кытчö ваыс визувтлывлö? Мыйла таво тулыс оз визувт? Гашкö, ва вожсö паськöдыштны колö?» Воис Емваö Еджыд

ю, Весляна да Едва усянінө, видзодө: сэн йинас став берегсө кырөдөма, ватуйсө пыкөма. Сы вылө сэсся йи кыръястө вайөма, ватө йөртөма. Ышловзис Сім, помөсьяссө разявны босьтчис. Лунтыр пакөритіс. Ваыд коркө ылькнитіс сэсся пармасьыд. Мудзис Сім, ойбыртіс ыджыд из вылын. Садьмис, а гөгөрыс ручьяс сулалөны, ошъяс пукалөны, зэв думнөйөсь. «Мый нин лоис?» — юасьө Сімыд. Пемөсьяс нуөдісны сійөс гортланьыс, Лөз тылань. Вөлөм, вөр пасьталаыс пемөсьяс өшалөны пуяс йылын, лэчынысө оз вермыны. Ваыд мунөма да, пуръясыд пу вожъясас крукасьлөмаөсь, өшалөны лэбач позьяс моз. Бара на лун воштис Сім, джуджыд вөрпу йылысь көчьясөс, коиньясөс, ручьясөс, ошъясөс лэдзалөм вылө. Збыль өд, оз жө позь көчлы катша-ракакөд өти пу вылын пукавны, сылы шуөма өртъясыскөд му вывті ризъявны.

Сім да Ныв ярманга

Витсө во саяд быд вичкоа сиктын вөліны и вогөгөрся вичко праздникяс. Благовешценнө да Ыджыд лунө чукөртчывлісны Емдінын, ньөбны-вузавны көйдысьяс тувсовъя гөра-көдза кежлө. Яй тыра вөралысьяс кор мунісны вузасьны, найө вочаасьлісны Отласа Веденнө часовня дорын, өд декабр нельөд лунад көдздөдө нин, доддьөн исковтмөн лым нин усьө, дай яйыд туяд оз тшык. Август помын, Успеннө лунө, да октябрын, Пөкрөв лунө, чукөртчывлісны Княжпогостын да Турьяын. Сэки и ярмангаяс чукөртчывлісны, вузасисны-ньөбасисны быдсяматорнас: төварөн и эмбурөн, сөянөн и юанөн, кипельөн и дозмукөн, кьёмөн и вурөмөн. Дерг, шуөмөн веськыда эз шулыны, но йөз костын тайө луньясыс лыддьыссисны Ныв ярмангаясөн. Августнас Княжпогостын төдмасьлісны, а октябрлань и корасисны-волысисны нин, ныв юрьяс юисны.

Мөдөдчис Княжпогостө и Сім мамыскөд, гөтырпу корсигмоз. Сэк кежлө айыс кувсьывлөма нин өдан висьөмысь*, ты вылын чери кыйигөн кынмалөмсянь. Но, Сім и мөдөдчас мамыскөд сылөн уставитөмөн Успеннө ярманга вылө, Княжпогостө. Босьтас сьөрсьыс кык мешөк төлөдөм-косьтөм йөрш, Лөз тывывса став кыйдөссө. А вузасьны сэсся и нинөмөн налы. Ярманга вөлөма гажа да мича. Ыджыд гыдсанъяс вылын том йөз лайкъясьө-качайтчө. Уна сера шушуньяс йөктысь кытшын да вузасянінын синтө чөгөны. Ю пөлөныс Емдінса кудъя вузасьысьяс ветлөны: чөсмасянтөйөн, кизьясөн да чышьянъясөн вузасьөны. Чук йылас, сиктас, дзык пу вичко дорас да Удорса мельничаөдз нюжөдчөмаөсь вузасян радьяс. Сөян и юан, чери и яй, сөркни и куяс, пуртъяс и көрт прутьяс... Сэк өд көртыд зэв дона вөлі, крестянин овмөсын медся видзанторнас. Пуртыд дзык нин өнія телевизор кодыд вөліс. Гөгөрвоан он-а, өти татшөм ярманга вылын мужик ыджыд көрт пөртйысь да латкаысь квайт ыж дай чань сетлөма. Лайкъялө Сім ярманга кузя, ставсьыс юрөн ыджыд — йөзыс өтарө-мөдарө сюв-сявмунөны. Нывьяс бокинджык пыльсьялөны: «Со өд шутилөыд!» Сэтчө и доддя вөв джөмдіс да кыр вывсьяныс исковтны кутіс, чеччыны оз вермы, сійөс-заводыс джагө-

* *Өдан висьөм* — воспаление лёгких.

дö. Мужикъяс уськöдчисны лэптыны, сьумысьяссö вундавны нин лöсьöдчöны, а Сім матыстчис, киняулас босьтис да кычиос моз вöвтö кок вылас сувтöдис. Шемос усьом войтырыд сöмын «О-о-о-о!» — горöдчис.

Сэсса и том йöз бертчыны кутисны да керъяс пельпом вылас кыскавны. Княжпогостын олісны вит вок, зэв эбöсаось. Кыкөн на пиысь и шуисны тешит-чыштны Сім вылын. Сім сулаліс бокин да чуймаліс лыбзьём гырысьяс вылö, кодъяс лэпталісны сьökыдторъяс, öта-мöдсö шошаöдыс тшапйöдлісны. Сэки кык вок сёрнитчöмөн босьтисны помъясöдыс ыджыд кер да шыбитісны Сімлы морöсас: «Кут!» Чайтисны, мый багатырыд усяс кернад зутшнитöмысь. А мöдыд кутис да юасьö: «Кытчö тэчнысö?» Йöзыс серöктис... Ён вокъяслы яндзим лоис, чуймисны, синмасисны öта-мöдыскöд да мöд керйö босьтчисны. Бара шыбитісны: «Кут!» Сім кыйис и мöд, и коймöд, и нельöд керъяс... Йöз эз нин серавны. Сім мездортыр керйөн сулаліс пестыра мездора зонка моз. Сэки вокъясысь öтикыс, медся скöрыс да вежöгыс, шуис: «Ну ю дорас, миянлы найö сәні колöны». Сім думыштис, мый тайö татшöм ворсöм да нельнан керсö нуис юланьыс. А скөр вокыд чайтис Сімтö йöйөн. И давай водзö тешитчыны. «Ладнö, оз ков! Вай бөр катöд!» — горöдис джуджыд кыр йывсянь. Серамыс бара петис йöзлөн. Сім и гөгөрвоис, мый тешитчöны сы вылын. Горöдис: «А вай ме тәныд керъяссö чужъяла!» «Кызди?!» — горöдчисны йöзыс. «А то кызди...»

Адзисны йöзыс аддзывлытöмтор: Сім-багатыр керъястö посни бедьясöс моз кокнас кыр йылö чужъяліс. Улас мездорас лэдзис, а вывланьыс кокнас чужъяліс. Некор да некод татшöмторсö эз на вöчлы, дай оз вöч. И гөгөрвоисны йöзыд, мый на водзын ёнсыыс-ён багатыр. Сöмын скөр вокыд оз öвсы, вермасьны зэвтчö. Оз весиг гөгөрво, мый яналас. Сідз и лоис: уськöдчис скöрыд Сім вылад, а Сімыд ки пöвнас му бердас сöмын личкыштис да кутö. «Ой-ёй-ёй!» — горöдчис скөр вокыд. Уськöдчисны отсöг вылö мукöд вокъясыс, а Сім найöс сöмын чукөрö тэчис: кыкыс горулас, коймöднас поньталіс, кыкнас боксяньыс пыкис зорöд моз. Ярмангаыд косясьö-сералö. А гöтырпутö Сімыд сідз и эз аддзы. Повзисны сыысь рочаканьясыд. Ёна нин повзьöдчысьөн кажитчис да вöйөн. И нывъяслөн ай-мамыс гөгөрвоисны, мый тайö зятьсыд нәмыс повны лоö. Сідз и мунісны ярманга вывсьыд әня-пиа. Сöмын öти дзоляник нывка Сімлы тугъя гөрд вөнъ козьяліс. Матыстчис, дзоляник сәтшöм, ар даса, лөз синнас видзöдліс еджыд синмас Сімлы. Сім сәтшöма гөрдöдис-яналіс, мый юрсиыс быттö дзикöдз едждіс. А нывлысь гөрд вөнсьö бöрас ен гөгөр гартыштис-öшöдис. Ёна козинтö видзис.

Öтка багатыр

Висьталöны, мый Сім сідз абу и гöтрасьлöма. Виччысьöма, кор сійö дзоляник нывкаыс быдмас, а сэсса коркö пашлякөн лыйсян төлö аддзас вөр туй вылысь кымалöм вöла-доддясöс. Кык семья кымалöма, весиг вöвьясныс гөжöмаось кодзыдсыс. Кутис тэчны коз улö коньбöрьяссö, мед

тулысланыыс морт ног гуавны, да өти том мамысь төдіс Княжпогостса гөрд вөнъ козналысь нывкатө. Гөгөрвоис Сім, мый Пармаыс сылы шуис: «Кынмаліс пө тэнад муслуныд, Сім. Ковмас нин өткөн овны...» Сідз и оліс өтнас. Айыс моз лөсьөдіс куим понйөс: гөрдөс, еджыдөс да сьөдөс. Корсюрө пөрысь энъ ош воливліс гөсти, ськөд чери кыйлісны өтлаын. Ошсьыс понъясыс весиг эз повны. Ёльяс вомөн Сім тшупліс посяяс. Эз торъя ас радиыс, адзис, мый йөзыслы сьөкыд ёльяс-сёнъяс вомөн ветлыны, налысь олөмсө кокнөдіс. Содтөд видзөдіс, мед вөралысьяслөн пыльөмъясө-гуясө пияна энъ йөраяс да ошъяс эз веськавны, мездаліс найөс. Турөбалан кадъясө таявліс некымын верст кузя вөла туйяс, Лөз ты вылысь йисө писькөдліс чери пөдөмысь. Сэтшөм нин вөліс Лөз тыдорса өтка Сім-багатырыд.

Сім да чери кыйөм

Коркө гожөм помланыыс муніс Сімыд Төбысь вылө — эм сэтшөм ю Печера туйланыын. А асьсө туйсө комияс Уква-вөлөкөн шуөны, пыжъяс кыскавлө-маөсь водзын кос вывтыыс юысь ю вылө. Воас Төбысь вылө, сиясьны да төвса вөралігкежлө заппес вөчны. Арын пөтка кыйліс, а төлын и йөра да низь вылө октысьліс. Оліс пачтөм чом сяма колаторыйын. Кола шөрас Сімыд бипур пестывліс. Вот сэсся төвнас би дорад шонтысьнытө и заптывліс пессө. Воис, аддзө: Төбысь дорын кык семья ноксьө, некымын гырысь да вель уна челядь-гавез.

— Мый нө вөчанныд? — Сімыд юалас, а найө та ыджда мужиктө аддзасны да повзясны.

— Нинөм пө ог вөчөй. Эбөсысь усим, ылысянь локтам. Ю вомөныс вудж-мөн весиг эбөс эз коль. Со и шуим чери кыйыштны, вын содтыштны. — Но, мый сэсся, кыйөй нин дай, — чөвтис Сімыд да кыр йылас пуксис чери кыйөмнысө видзөдны. Төв пөльтө. Төбысь гыалө тшупөдөн. А чериыд абу и абу. Шонді рытгорув нин лэччис, регыд нин кыр горулө саймовтчас, козъя зу сайө. Бипуръяс кушнас сотчөны, пөртъяс тыртны нинөмөн. Сэсся Сімыд вөнсьө разяс, пырас ваад да пондас изъястө кыскавны, юсө потшны. Муртсаөн помөсалас. Сэсся воськов ветымын вешйыштас да мөд помөс тэчас.

— Мый нө вөчан? — юасьоны мужикъяс.

— Черисө изланыыс зыра. Визулөдыс кө муннысө оз вермы, петан туй кутас корсьны. Ачыс миянланьө кывтас.

И збыль! Рөмдандорыс сы мында черисө няняліс ляпкыдінас, мый весиг челядьыс кутісны кинас тшапйөдлыны да берегас шыблавны. Уна шедіс. Ставныс сөйисны. Весиг понъяс пөтнысла ружтісны да зэв дөвөля мыш выланыс туплясисны. Сэсся изъя помөс вывтыыс Сімыд отсаліс йөзыдлы юсө вуджны. И мунісны йөзыд водзө, Изьва да Печера вылө. Сэн нин Сім-багатырлөн вын да вежөр йылысь көрдор яранъяслы юөр нуисны.

Сім да санка

Сімлөн парма от-модарас да ты вылас вөлі некымын вөр керка. Пожог вылын, Көин вылын, Тобысь вылын... Уна вөлі керкаыс. Войон суом вөралысьяс корсюрө войковтлісны сы керкаясын да нурьясьлісны кольом сёян припаснас. Нэмыс тай сідз вөвліс. Сэсся од и асьныс узысьясыс водзөссө юкисны багатыркөд, мыйон озырөсь вөліны. Найө кольлісны Сім керкаясө и йөра яйтө, и байдөгтө. Гожомнад, дерт, регыдджык оліс чери-ййыд, сөмын көзөдын, петшөрөн-нявдаон вевттьөмөн. Тшыкас кө көзөдъ-ястөгьд, сөмын пон сёян вылө шогмас, либө ошъяслы — найө тай дука яйтө няръялөны. Но коркө локтіс Сімыд Емва шуйгаладорса керкаас да аддзө: керкатө ставнас пузувтөмаось. Черитө разйөмаось-шыблалөмаось, весиг абу быттьө сөйөмаось, а пурөмаось лёкысь. Яйтө чашйөмаось да гөн пиын путкылялөмаось. Муруд гөн гөгөр, зэв чорыд дука. «Мый нө тайө? Көді тайө пакөститчөма?» — юрсө жуглө Сімыд. Видзөдөма-пөръя, ни өти төдса ош, көин ни руч тадзсө вөчны эз вермы. Гашкө пө, вөркань воліс. Ачыс эськө и эз тадзтө лыбзы, а вежөрө пыртөм пияныс вермисны. Чукөстіс сэки Сім вөрканьөс... Сэтшөм гора нявөстіс, мый котөрөн воис эз өтик, а квайт лов, кодкө весиг и кык пиөс вайөдөма. Воисны тугъя пеля мича каньясыд, пу вожъяс вылө пуксялісны, видзөдасьөны: код нө пө татшөмасө ройкөдөма керка гөгөрсө? «Көді пакөститчис?!» — стрөга юалис Сімыд. Каньяс чөв олісны. Медыджыд вөрканьяс чеччыштіс пуысь, кытшовтіс чашйөм чери-йй гөгөр, исыштіс муруд гөнтөрьяссө да кутіс бөръя кокъяснас тыртны муон. Каньясыд тадзи век вөчлөны асмогасьөм бөрас. Вөрканьяс зывөка видзөдалісны пежалөминсө, быттьө шуисны: «Ен мед видзас миянөс татшөм дурк олөмысь». «Сідзкө, сөмын тіян воча вокныд, санка, вермис татшөмторсө вөчны», — аслысмоз кайтіс Сім-багатыр. «Тыдалө, сідз и эм», — юрнас довкйөдлыштісны авъя вөрканьяс. Сэки Сімыд горөдчис санка моз. Корис санкаөс сёрнитыштны. Эз шыөдчы, эз матыстчы санка. Төдіс өд, кодлы пакөститіс, кытөн пежасис. Сім дөзмис да пармаса вөрканьяслы тшөктіс чорыда: «Таладорас мед санкалөн пеж дукуыс эз вөв! Вөтлөй, кытысь сөмын аддзанныд!» Сэксянь Емва шуйгапөлас санкаыд абу. Воськыдлапөлас па-ныдасьлө, а шуйгапөлас сө верст мунап, он аддзы.

Сім да гөсьтъяс

Сімлы и комыныс на эз тыр, а сёрниыс сьлөн вын да вежөр йылысь Печера-Эжва ковтысьяс пасьта нин муніс. Йөз сы дорө кутіс воыны. Да сы мында, да сэтшөм тшөкыда, мый Сімлы дөсаднө лоис. Оз төд, кыз и мынтөдчынысө наысь.

Вөчис пур, ыджыдысь-ыджыдөс, куим сыв кыза керъясысь, босьтіс понсө, пыжсө, тшупис керка пур вылас дай ты шөрас сувтіс. Коркө садьмис Сім, а ді кодь пур гөгөрыс пыжаяс тшукөмаось. Пур вывсаяныс нин вугыръяс

да кулёмъяс чөвталёмаось. «Но и но! — шензьö Сiмид, — коасьтöг йөрö пырёмаось!» Скөрмис татшөм морттуйтөм олөмсьид, кутiс пурсö зөркөдны кокнас, лайкйөдлыны. Сы выя лайкйөдлiс, мый саридзын кодъ гыясыс кыптiсны, а гөсьтъяс повзисны: муыс пö сыркакылö. Сэсся гөгөрвоисны, мый абу дi вылынöсь, а Сiмөн тшупөм пур вылынöсь да, прöща корны кутiсны. Корнысö корисны, а Сiмид найöс берегланьыс ыстiс да, важ мозыс лёка овны кутiсны, быттö абу чужан пармаас да чужан ты выласöсь — лөп-өг быдлаö шыблалöны, кулёмъясөн посни ю-ельяс помöны, черисö полошуйтiсны, весиг пöрысь инь ош морт зык-шумысь ыли нюр сайö бөрдны мунiс. Бара сэк скөрмис Сiм. Чукөртiс гөсьтъясслысь лөп-өгсö, налы кулёмъясас тувъялис — дзугсис ставыс, да сы выя, мый чери оз синмась, ни разьны он вермы. Сы бөрти Сiмид пыжъяссö косас катөдiс сы ылнаö, мый некодлөн вын ни эбөс эз тырмы бөрсö кыскысьны. «Шеть татысь! Ушкуйникъяс! — скöрысь горзiс Сiмид. — Ад горшъяс! Из сьөлөмъяс! Некодöс он жалитöй, арпиянöс, ни мусö, ни васö!» «Йöй кутшөмкө тайö, — шензьöны йöзыс, — ещö öд шуöны Сiмöс вежөраөн... Кыдз сийö, «мусö ни васö он жалитöй»? Мый жалитнысö? Ваыс — то мында, а муыд дой оз кыв, ни вежөр сылөн абу». Но Сiмкөд вензыны эз лысьтны, мунiсны сийөн, мый кыйыштнысö удитiсны.

Сiм да Йөра-Сар

Öти төлö воисны Емва вожö Печерасянь кöинъяс. Тшыгъялёмаось войвылад дай уськөдчисны ставсö пуркөшитны Еджыд ты гөгөр, Лөз ю да Емва пөлөн. Вогильяс көръяснысö нуөдiсны Из сайö, яранъяс вешйисны Вой Саридзлань, а Сiмлөн войтырыс, комияс, жугыля видзөдiсны, кызди кöинъяс бырөдöны налысь пемөсьяссö. Кыдз чинöны ыж чукөръяс, кызд кöинъяс джагөдöны мөсьясөс; пыр тшөкыдджыка сюралiсны пармаын йөра да көр лыяс.

Сьөлөм вылас дыгыд вöли и Сiмлы да сылөн куим лайкалы. Понъясыс вöлины ыджыдöсь да повтөмөсь. Ош понйөн сэтшөмсö шуöны, сы вöсна мый и ошкысь оз повны. Но кöинъяс чукөртчалiсны комынөн дай унджыкөн. Видлы водзасьны налы! Сiм сэсся ёна ылөсö эз и ветлывлы вöрас. Медводдза во эз вöрав Тöбысь вылын. Гөгөрвоис, мый кöинъяс водзаласны сийöс, удитасны сёйны сылөн вöралан кипельысь став кыйдөссö. И понъяссö видзис. Ыли туяд, дерт, паныдасисны эськө кöинъясыдкөд да усины накөд тышын. Мый вермас вöчны куим зумыд да ёрта-ёртсö дорйысь пон топыда жö йитчөм бисин-кöинъяскөд? Сöмын ыджыд донысь сетны ловнысö.

Но öти бушкала войö ковмис жö Сiмлы понъяссö чеччөдны да шуны налы: «Гөрд нюр вывсянь локтiс катша. Шуис, мый Йөра-Сарөс кöинъяс кытшовтёмаось...» Понъяс ышловзисны. Сiмлөн шоньд гор дорысь бушкала пемыдас мунiгөн шогалiсны, мый бөрсö вермасны и не косны.

Йёра-Сар и збыль вёлі сар кодъ, ыджыдысь-ыджыд. Ачыл видзодлы: сёмын сюр пёлыс вёлі куим сывъя, дай мёдыс сы кузя жё. Сэсся и гөгөрвоан, мый кыза вёлі тайё сюрсё новлысь сывыйс! Сюрпов вылас коркё Йёра-Сарыл вайис сиктёдзыс доймалём вёралысьёс. Кор сиктса медыджыд ёшкыс — Васька аддзис тайё багатырсё, дай сюр вылас мортон на, шуёны, повзёмысла «пуръялёма» ёшкыл да пышйёма сикт мёдарёдзыс.

Петис Сімыд понъясыскөд Гөрд нюрлань, ёні сійёс Сёська нюрён шуёны, и кылё лымъя пуртика ру пиысь Йёра-Сарлысь баксёмсё. Тыш пансьёма чорыл, и гөгөрвоис Сім, мый муртса удитис. Морёстырнас эрёттис, лев-звер моз. Миян войвылад тай левъясыд абуёсь, а багатыр-мортыд вёлёма, Сімыд. Весиг понъясыс ляпмунлісны. Нетшыштис Сімыд шапкасё юрсыс, коз рой шапка пыткас тувъяліс, пестысис бивасянь. Ыпнитис шапкаыл. И уськөдчис сійё бинад багатыр көинъяс вылө. Понъясыс бөрсяньыс.

Повзёдчан серпас... Тшын пуркйё кузь тош моз, биыс югзёдө Сімлысь векуштчём чужёмсё да востымасё пожём пучеръясын. Понъясыс оз кольчы-ны, пельпом-пельпомё кырсьёны важ воинъяс моз.

Сёмын и көинъясыд пиняёсь, повтёмөсь да чорыдөсь, торйён нин чукёрын кө.

Эрд вылө петём мыстиыс Сімыд аддзис: Йёра-Сарыл бергалө, шыблалө, шеналө сы вылө усьласысь көинъясёс. Кыкён куйлёны нин чегём сурсаяснас, ёти кысьё чегём черлынас. Но мукёдыс гөгралёны Йёра-Сар гөгөр. Кодкё син вежиг водзас чеччалө, кодкё боксяньыс матыстчө, мед уськөдчыны мыш вылас. Көръясёс тадзи уськөдлёны, а ыджыд йёракөд нинём вёчны оз вермыны. Гашкө, и сы понда, мый йёра эз пышъяв, а ачыс усьласис. Шыбитчывлас пожёмъяс костө, друг бергөдчас да топодас став сёкыл тушанас кутшөмкө көинёс пу бердө. Кусынътас раскысь ыджыд кыз да лэдзас сійёс, а кыз вожъясыс орсёны ставсё гөгөрсыйс. Сёмын тай вөрөгыс вывти уна: вирыс едёма нин көин да йёра гырднас сё воськов пасьта.

Көинъяс кылісны Сімлысь горөдөмсё, сэсся и асьсё аддзисны да, зэв эз лов сертиныс ло тайё. Багатыр тюліс лызьён, ёти киас — шы, мөдас — би. Казялісны көинъяс и понъясёс. Ёна найёс повзёдіс тшын дукуыс: сотчис өд эз сёмын ройыс, но и шапкаыс нин, дай көин куысь на өд вёлі шапкаыс. Мортысь полёмөн көинъяс вувтисны понъяс вылө. Эз нин Йёра-Сарёс дорйыны ковмы, а понъяссө, кодъясёс кытшалис көин чукөр. Чукөрас и шыбитис Сім-багатыр ыпъялысь котшыса шапкасё. Кык көин өзйис, коймөд чеччыштис бокө тшынасян. Сім зургис сылы шынас да содтис сотчысь шапканас. Көинъяс чепөсйисны Йёра-Сар да понъяс дорысь, кодкө пышйис, кодкө эралис ылісянь. Пурём понъяс нюлісны пиньгуйяссө да топөдчисны Сім дорө, а багатыр сюся кулис сямөд да нетшкис рой. Насыс ломзис зэв югыд бипур.

Колө шуны, мый и понъясёс Йёра-Сар чайтис көинъясөн, дай Сімөс вөрөгөн. Бергөдчис сурнас понъя-морта вылө, но гөтшөб сувтис, ыпкөмөн да ныр розьсыс лөз ру пөлялөмөн. Гөгөрвоис, мый отсөг воис. А көинъяс кытшлалісны да эралісны неылын.

— Ми тэ дор! Тэ дор! — шуис Сім, Йёра-Сарлы синмас видзёдёмён. Йёра пидзёсчаныяс да копыртис юрсё. Кар стын кодь сюр чашкаясыс лоисны Сім кок улын. Сім сюр вылас эз пуксы, а кавшасис Йёра мыш вылөдз. Киас пыр на ыпъяліс бис.

— Мөдім сэтчань! — кинас индіс Сім Йёралы да понъяслы Чукля шорлань. Сэні тшупода бокшаын кёинъяс оз вермыны отпырйё вувтнысё, а кутшөмкө вежөртөм кёин кё и уськөдчас, сійөс лямөдасны да чөвтасны горув.

Чукля шорөдз төвзис мышкас биа верзёмаа Йёра-Сар, отар-мөдарас котөртисны понъяс. Серпасыс вөлі дзик мойдын кодь шемөс. Сэтшөм шемөс, мый кёинъяс вөтчигкосттіныс джөмдісны. Тыдалө, гөгөрвоисны, мый пармаса Саръяслыс: Мортлыс, Йёралыс, понъяслыс ёртасьөмсө он вермы нинөмөн венны.

Висьтавлөны, мый Гөрд Сёська нюр вылын эм кос пожөмъяса куим дітор. Сэн и өні на төдчө Сімдорсянь Ёдваөдз паськыд пөрөм туй, а сійө пөрөмөдыс сэзь төвся рыгъясө лэбалөны пытшкөс биөн югъялыс лөз ру лестукъяс. Сійө пө Йёра-Сар вылын верзёмөн рөдтө биа морт. Парма төд вылас кутө на.

Сім да фузея

Кор Сім ёна нин пөрысьмис, вочаасис Онежьеса вөралыськөд. Найө төдсаөсь вөліны дзөлясянныс. Угоддьөясыс вөліны орччөн, кымыныськө весиг өти пурйөн кылөдлісны прөмыссө. Зэв уна сэкся төлө сюрліс ку да яй, нортъяснад дыр эськө ковмис кыскавны. Сэксянь эз аддзысьлыны багатыр да Онежьеса вөралыс дас көкъямыс во. Онежьесалөн и пияныс нин кутисны ветлыны, а Сімыд век на важ мозыс оліс өткөн.

Рыгъясыны пуксисны бипур дорын, юква панялыштны. Нурйыштчөм бөрын Онежьеса вөралысьыд и чуймөдны көсйис Сімтө, петкөдліс биаизъя пищаль. Петкөдліс и сырысь* да из гөгыльяс, кодъяс стволыс лэбыштөны сэтшөм өдөн, мый розьөдөны йёраөс кызь сыв ылнасянь. Сім юнас довкйөдлыштис эскытөг, но вежавидзөм ради корис петкөдлыны, кызди пищальыс лыйө. Ёна нин рөмдіс да, сёрнитчисны асывнас видлыны, пулясө пемыдас воштөмыс.

Асывводз Сім бөрийис мыр, лөсыштис черөн: видзөдлам пө, пьдө-ө пырас пуляыд. Сэсся помсянь помөдз видзөдіс, кызди Онежьесаыд стволас кисьтис кутшөмкө сьод пызь, рой тувъяліс, пуля суйис...

— Йёраыд пышъяс тайө нокигкосттіыд,— сералө Сімыд. Мыръяд шысө шыбитис, пара ньөв лэдзис. Сатшкысисны вель пьдө шыыд, ньөвъясыд.

Коркө и Онежьесаыд лыйис. Пуляыд сы пьднаө пырис мыръяд, мый ковмис шөри поткөдны, судзөднысө. Сөмын эз тайө шемөсмөд Сімөс. Да весиг эз виччысьтөм да весьөпөртан гымыштөмыс.

¹ Сырысь — свинец.

— Кытысь татшөм выныс пищальыслөн? Сісь гоб моз мырсө розьодіс. Пельпомнад эн легнит, китө эн вөрзөдлы, а кытысь та ыджда одыс?! Пуля лэбөмсө весиг эг казавлы...

Сэк Онежьеса перйис порок сюр, дай висьталіс, мый сәні сорлалөма изөм шом, сера да аслыспөлөс сов. Сөмын пө ог төд, унаөн-ө колө ставсө сорлавнысө. Видлі пө ачым вөчны — чискө, ыпнитлө, но мыйлакө оз тадзи буткы. Кужысь йөз пө, тыдалө, кутшөмкө гусятор төдоны... Гашкө, ещө мыйкө содтоны? Воййыв гөн ли, мый ли... Ог пө төд.

Пармайд уна гуясө видзө, — сёрнитіс Сім-багатыр зэв вежавидзөмөн, — коді писькөсджык вежөра, казялө. Төдысьясыд тай то быд турунсө и вужсө пөжасны да, вирыд ворсө и ки-кокыд тэрыбджыкөсь лооны... А мыйла көртысь колө дорны пищаль гумсө? Оз өмөй позь пучер писькөдны, гымтө од кутас жө? Тан и гижтөмаөсь мыйкө. Он төд, мый?

— Пуыд оз кут, — вочавидзис Онежьеса вөралысь. — Пучерыд кык-куим лыйөм бөрын чашмунас либө сотчас. Ыпнитө тайө «сьод пызьыд» жара да өдйө. Порокөн шусьө... А гижөмаөсь татчө абу комиөн ни абу рочөн. Дяк висьтавліс, пищальыс пө шпанскөй — фузея шусьө на ногөн.

— А кодъяс сэтшөмыс, шпанечьясыс? Вежөра, видзөдөма пөръя йөз... Со мыйөдз воөмаөсь.

— Шпанияыд — лунвыв му, сәні мугөм йөз олоны. Кывсьө, мый миян Сар Иоанн Васильевич бердын дзонь ватага сэтшөм вежөра мунгөм йөзыс, видзөны Сар-Государнымөс...

Сім-багатырлөн некор эз вөвлы ни фузея, ни кутшөмкө мөд пищаль. Көрта кипельсыс сөмын пурт да чер. Дай черыс на абу көрт ли укладысь, а ташкөртгысь. Сереговса сов пуысьяс сім сотчөм руда сетлөмаөсь, сыысь и дорлөма черсө. Дөза жө эськө ён да лэчыл артмис. А шысө-нбөвсө лыөн ёсьтывліс. Лыыд — поводной жө зумыд да ёсь. Дай тырмө лыыд, быд кый-дөсысь тай шедө. Сөмын лытө пелькөднысө колө кужны. Но Сар шпанаяс йылысь да гора пищаль йылысь Сім сәсся төдіс нин, көть нәмнас и гежөда кывліс лыйөм шытө. Сідз, куим-ө-нөлысь ылын көнкө йөла моз юргывліс. А гашкө и, гымалөм шытө пищаль шыөн чайтіс.

* * *

Гежөд войвыв ю да ты пөлөн нин колисны дзик вөрзөдлытөминъясыд. Гежөдлаысь корсян ловъя ватө. А Сімлөн важ вөраланінъясысь и өні на позьө аддзыны и вөрзөдлытөминсө, и ловъя васө... Весиг Еджыд ютө нимтісны сылөн нимөн — Сімва, дай Лөз тыыслысь нимсө вежисны Сімдор вылө. Вадорыс и ваыс сәні сөстөмөсь, вежаөсь. Унаөн нин вунөдісны, мый вөрзөдлытөмнас муыс-ваыс колис коми багатыр Сім чередөн-дөзьөрөн. Да, дерт, вунөдөм пондаыс ты нимсө гудралісны: кутшөмкө воөм морт өти-кык шытө асногыс кыліс, дай пасйис карта вылө Синдорөн. Витсө вонад, дерт, быдторйыс лоліс, уна муніс, уна вуніс. Но Сім йылысь мойдыс колис.

Комиөдіс Олег Уляшев

Андрей Попов

Попов Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор нескольких сборников стихотворений. Публиковался в журналах «Наши современники», «Север», «Арт», «Арион», «Мир Севера», «Войвыв кодзув», «Крещатик» (Германия), «Московский вестник» и других. Стихи переводились на венгерский язык. Лауреат Премии Правительства Республики Коми имени И.А. Куратова в области литературы. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

«Бог есть путь...»

Я давно не читала такую книгу стихотворений. А, может, никогда. «Ловцы человек» Андрея Попова — событие не только в литературной жизни Республики Коми, а и в литературной жизни России, как и, вообще, в жизни сегодняшнего общества. Начиная думать, как выразить своё мнение об этой книге, я сделала массу выписок из неё в иллюстрацию своих мыслей — по поводу чтения. И поняла, что ничего из этого не выйдет. Книгу надо читать целиком, ибо это не просто исповедь автора, чем всегда является творчество настоящего поэта, а цельная Судьба Человека, по высокой собственной потребности взявшего на себя служение высшим духовным ценностям, почти утраченным сегодня большинством из нас. По бескомпромиссной требовательности с себя на этой бесконечной дороге. Поэта, с самой юности и до сегодняшнего дня вставшего на тернистый путь Истины и возвращения к Богу, возвращения в духовное поле православной России, объединившей в своём трудолюбивом поиске все ценности, которые мы называем сегодня Русским миром. Будучи коми по национальности, православным по Вере и русским — по Церкви, Андрей Попов словно добровольно взялся показать нам на трагическом и светлом примере собственной жизни, как остаться самим собой в любых счастливых и беспощадных событиях жизни. Как не разучиться любить и улыбаться после непереносимых испытаний судьбы. Как не отделить себя от своего горячо любимого такого разрушенного сегодня русского (русского по Церкви, а не по национальности) православного народа. Он не превратил своё творчество в нудное поучение «посвящённого», а соотнёс учение Русской Церкви с жизнью талантливого и мятущегося человека, и медленно и убедительно проходит путь личности, открывшей для себя высшие духовные ценности, строящей себя по высшим духовным образцам. Тридцать лет зная этого поэта и наблюдая его постоянный творческий рост, я поражаюсь, как неуклонно и верно идёт он по главной духовной дороге жизни, принимая упрёки товарищей в «заикленности»

своей православной дороги, медленно и неуклонно обретая внутреннюю и художественную силу своего таланта. Что мы и имеем счастье наблюдать в его самой главной на сегодняшний день книге «Ловцы человек», объединившей результаты духовного поиска поэта в течение всей его творческой жизни и доказавшей нам с вами необходимость этого поиска и его великую силу. Спасибо тебе, Андрей! Плакала и смеялась, читая твою исповедь. Сострадала, каялась и благодарила. Бог в помощь!

Надежда Мирошниченко

Ловцы человек

* * *

Нет покоя в родном просторе! —
Грянет гром, упадёт звезда...
Не из праха выходит горе,
Не из почвы растёт беда —

Веришь в Бога, теряешь близких,
Понимаешь, что человек
На страданье рождён, как искры
Рождены устремляться вверх.

* * *

Поэзия таится в быте,
И быт поэзию таит.
Внимательнее посмотрите
На незамысловатый быт.

Предметы мебели, посуда,
Герань, гардины и карниз —
В них чувство меры и причуда,
И нерасчётливый каприз.

Вот список кораблей Гомера!
Метафоры мелькнувших лет!
Несбывшихся надежд...
В них вера,
Что есть любовь, а смерти нет.

Ловцы человеков

— Наставниче! — Симон сказал в ответ. —
Всю ночь трудились, а улов — трава и ветер.
Нет рыбы в море. Видно, рыбы нет...
Но я по слову Твоему закину сети...

Наставниче! Не покидает страх,
Всю жизнь трудились — а не стали, словно дети.
Как уловить любовь в делах, стихах?..
Но я по слову Твоему закину сети...

* * *

Что там в Интернете?
Любовь и галдѣж,
Чудны там дела в Интернете.
Но ищешь ты душу — подвоха не ждёшь,
Попав в электронные сети.

Блуждает душа,
Да не видно ни зги —
Потѣмки, возмездия кармы.
Сапожник оставил свои сапоги,
Таѣжник — сокровища пармы.

Лежит на душе виртуальная ночь,
Лежит и мечтает о свете.
И кто-то душе твоей хочет помочь,
Попав в электронные сети.

* * *

Июльское утро — а небо, как знание, хмуро.
И жизнь ни вдали, ни вблизи от окна не видна.
Такое вот лето... Такая вот литература,
Ненастье, печаль и немного сухого вина.

Такая погода, что лишнего слова не скажешь.
И дождь начинается, тихо подходит к окну.
Июльское утро — любви не хватает пейзажу,
Ненастью, печали, стихам и сухому вину.

* * *

Станиславу Новикову

Выбросили мытаря из бара,
Принялись смертельно избивать.
Фарисей увидел: «Божья кара.
Надо о душе не забывать».

Фарисей подумал: «Совершилось,
Перешли грехи его предел.
Это торжествует справедливость.
Как же долго Бог его терпел!»

Мытарь застонал: «Помилуй, Боже...»
И ещё чего-то про судьбу.
И вступился за него прохожий,
В руки взяв железную трубу.

Фарисей был верен строгой мысли,
А прохожий дрался до крови —
Забрала полиция:
Превысил
Меру обороны и любви.

Вина

Глядишь на небо виновато —
Почти нисходит Божий страх.
И вдруг навстречу бесноватый,
Живущий где-то во гробах,

В канализационном люке,
В коробке из-под макарон.
И не тая тяжёлой муки,
Немного денег просит он.

И говорит, что очень надо,
Что он с рожденья инвалид,
Внутри него свиное стадо
С утра болеет и рычит,

Он с каждым часом бесноватей —
Кому-то, может, на беду...
И ясно, деньги-то потратит
Не на какао и еду.

Я вместе с ним, поборник правил,
Вдыхаю жизненную мглу.
И думаю — щеку подставить
Или разбить ему скулу?

Или придумать что иное?
— Да никакого нет житья! —
Мне стадо говорит свиное.
А с виду русский, как и я...

Илия

Илия был человек, подобный нам...

Иак. 5, 17-18

В Самарии Божья непогода:
Засыхают речка и ручей,
Нет дождей три с половиной года —
Не бывает никаких дождей.

И зимой, и летом только солнце,
Ни росинки в поле не найдёшь...
По молитве Илии прольётся
В Самарии долгожданный дождь.

Милый друг, не умирай от жажды,
Не суди сухой, как порох, век.
Помолиться Богу может каждый,
Каждый православный человек.

* * *

Бог есть путь — поревнуй и дойди до Бога...
Почему мне кажется, что подчас
Бог далёк, как звёзды мои над дорогой,
Если Царство Божие внутри нас?

Но когда неприступную даль я вижу,
Но когда гляжу на Небесный свет,
Бог становится рядом, подходит ближе —
Никого в пути ближе Бога нет.

Искушение

Престольный праздник. В храме ныне тесно,
Порою даже гул и толкотня.
Лишь демону стоять неинтересно —
Зачем стоит он около меня?

Стоит и мыслит: «До чего убогий...
Характер мягкий. И в коленках слаб.
И лечится вином от безнадёги,
Глядит во сне на neodетых баб...».

Я слышу его мысли. Он — химера,
Химера, что стоит невдалеке.
Со мной знаменье крестное и вера!
Молитва на славянском языке!

И как ни укоряй, но только ближе
Мне русский храм — где гул и толкотня,
Баб neodетых я во сне не вижу —
Пускай не так давно. Всего три дня.

Но, может, я ещё сумею честно.
И я смотрю на праздничный престол.
А ты бы шёл. Тебе неинтересно.
И в храме нашем тесно. Ты бы шёл.

Возлюбившие

...кому мало прощается, тот мало любит.
Лк. 7, 47

Иисус, в дом войдя к фарисею, возлёг.
И сосуд алавастровый с миром
Принесла Ему женщина, встала у ног —
Его ноги слезами омыла.

Фарисей про себя удивился весьма:
Неужели не видит порока?!
Моет ноги — на ней негде ставить клейма,
Он бы знал это, будь Он пророком...

Мы — весёлые люди, а в душах разброд,
Мы — тяжёлые люди, не боги,
И случайная женщина слёзы прольёт,
Омывая нам грешные ноги.

А у нас на душе непонятная тьма,
Фарисейский вопрос — не иначе.
Что за слёзы? На ней негде ставить клейма —
Никакими слезами не спрячешь.

Но сказал Иисус фарисею в ответ,
Да и нам говорит это строго:
Много ей прощено — и греха на ней нет,
Раз смогла возлюбить она много.

По электронной почте

Друг из деревни пишет:
«Сенокос
Закончили — лечу себя работой.
Уже не повторяю: жизнь — навоз,
Хоть жизнь навоз. Но легче стало что-то.

Не разберусь, кто в этом виноват —
Метеорит, погода или драка
Вчерашняя. Но почему-то рад,
Что жизнь — навоз, что дождь идёт, что слякоть.

А сколько вспоминается обид!
Но так светло — ни матерного слова.
Наверно, всё-таки метеорит,
Не выходило от дождей такого...»

Письмо философа!
Как действует село
На городских — хмельных и тонкокожих!..
А другу, видно, очень тяжело.
Я знаю, как становится светло,
Когда уже темнее быть не может.

* * *

Пропивали пальто и пеняли судьбе:
— Ты зачем изменила?! Я пьян и продрог...
Но молились на утро — и в нашей избе,
Невысокой избе с нами Бог —
С нами Бог!

Ничего, что мы снова сидим на мели,
Ничего, что на низкий глядим потолок.
Но зато без пальто разобратся смогли —
В невысокой судьбе с нами Бог —
С нами Бог!

А у них и пальто наше — тряпка для ног,
И высокая цель, и меняют паркет.
И кудрявая сука, и белый творог...
Только нет с ними Бога.
И знают, что нет.

И за что это нам? Мы пропили пальто,
А они изучали небесную высь.
И за что это нам?! Просто так. Ни за что —
Как любовь,
Что с утра разбудила: — Молись!

Перед выбором

Перед выбором не говори о пустом,
Надо делом заняться — молитвой, постом,
А потом разговеньем и пиром.

Мы пропали б давно — коготок-то увяз,
Но незримые силы столкнулись за нас —
И война не закончится миром.

Помолись, оставляя суды и долги —
Пресвятая! Себя не пойму — помоги.
Пресвятая поймёт и поможет.

И мы выберем душу — душа победит,
Хоть неверная Ева убийцу родит,
Если, правда, родить ещё может.

В ожидании самарянина

Лежит он в канаве, бухой и избитый,
С сердечною раной и мыслью дурной,
А мимо проходят менты и левиты,
Лежит он забытый женой и страной.

Священник пройдёт — и невольно отпрянет.
Избитый с лица кровь сотрёт рукавом
И вспомнит, что должен прийти самарянин...
Но, кроме тебя, рядом нет никого.

Страшный суд

Когда овец поставят справа,
Козлам, что в левой стороне,
Достанется дурная слава —
Гореть в огне.

Найдётся вечная управа
Искавшим истину в вине,
И за несдержанности права —
Гореть в огне.

Иные — лишнего ни грамма,
И не срывались на хулы,
Гуляли вечером до храма

И были по утрам милы.
Но жаждущих водой из крана
Не напоили... Вот козлы...

* * *

Господи, Лазарь, которого любишь Ты, болен,
Жизнь его оставляет, и это совсем не хандра...
Даруй ему исцеление — на всё лишь Твоя воля.
Он говорить не может и встать не может с одра.

Как не отчаяться, Господи! Что же Ты нас оставил?!
Умер в Вифании Лазарь. И мы умрём вместе с ним.
Как нам понять и поверить, что это не к смерти, а к славе?
Что же Ты медлишь, Господи, любящим сердцем Твоим?

Прикосновение

*И сказал Иисус: кто прикоснулся ко Мне?
Лк. 8, 45*

Господи, это я, который в молитвах солгал,
Ближних не возлюбивший
И не простивший врагам,
Пьяный вином, сикером и сочиненьем стихов,
Женщинами, судьбою,
Пропахший насквозь грехом,
Я, потерявший сына,
Теряющий жизни вкус,
Я прикасаюсь к Тебе...
И, может быть, прикоснусь.

* * *

Луговые цветы завтра выбросят в печь,
Но Господь не скупится для них на одежды.
А тебя извели о достатке надежды
И о хлебе насущном высокая речь.

И на воронов взглянешь — не сеют, не жнут
И на чёрные дни не имеют хранилищ,
И Господь их питает. А ты не осилишь
Жребий птицы — крылатый обыденный труд.

* * *

Душа моя! Какая теснота!
Вот это повод для любви и слова.
Стеснённая со всех сторон вода
Стремится вверх — ей нет пути иного.

И нам, душа, не до колючих фраз,
Не до метафоричных междометий.
Судьба со всех сторон сжимает нас,
Чтобы к Отцу поднялись. Словно дети.

* * *

Пылает последним огнём
Судьбы невесёлое чудо.
Предстанем пред Божьим Судом,
Сгорев от людских пересудов.

Взойдём в предназначенный час
Над ропотом каменных улиц,
Как Он ни решил бы о нас,
Мы выдохнем: «Вот и вернулись...»

* * *

Когда-то исполнится мне сто лет...
Я встану с утра устало,
Сто лет, подумаю, будет в обед,
Как будто бы много... А мало.

В окно погляжу я на Божий свет,
Как принято у домоседа...
И снова подумаю: Вот сто лет —
И надо дожить до обеда.

* * *

Не мостил я на небо дороги,
Но любил только то, что любил.
Не хотел быть несчастным и строгим,
Никогда не хотел — и не был.
И когда было невыносимо:
Предавали — кто дорог и мил,
На могиле погибшего сына
Я себе повторял, говорил:
— Слава Богу!
Всё будет в порядке,
А как выйдет? Не знаю и сам...

Пусть покажется вам, что всё гладко,
Всё легко — пусть покажется вам.

* * *

Кто станет сберегать душу свою, тот погубит её; а кто погубит её, тот оживит её.

Лк. 17, 33

Любящий душу свою погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную.

Ин. 12, 25

Пусть это житьё, где сплошное бытьё,
Порой от души не любил.
Но душу свою?!
А полюбишь её,
Считай, что верней погубил.
Смущается этим разумная речь,
Выходит, я полный дурак,
Что знаю я только, как душу сберечь.
А вот погубить её как?
Не знаю...
И этим тревожен итог —
Какой из меня человек?
И что я в конечном итоге сберёг
И что погубил я навек?

* * *

О чём замолчал, человек?
Что к сердцу зима подступает?
А птицы поют и про снег —
По зимнему небу летают.

Крылатым певцам невдомёк,
Кто время, как облако, гонит,
Как души согреет их Бог,
Как Бог их накормит с ладони.

Не зная, щебечут... А мы
И знаем, и верим. С чего бы
Молчим перед тайной зимы,
Считая года и сугробы?

Пойдём, человек мой, домой —
Любить, о друг друге молиться.
Найдётся, что делать зимой,
Как дело есть небу и птицам.

Птицелов и коммунизм

Когда я родился — в краю лютых зим,
ГУЛАГа и угольной пыли,
Не стал этот день в Воркуте выходным.
— Не праздник, — на шахте решили. —

Всегда отмечается новая жизнь
В семье, это русский обычай,
А нам надо строить скорей коммунизм
И выполнить план по добыче...

В Тибете монах, в Антарктиде моряк,
Босой птицелов в Сенегале,
Наверно, на небе увидели знак,
Но смысл его не разгадали.

Кричал я, родившись: — В какие места
Попал?! — Как и прочие дети.
Но если бы с неба упала звезда,
Никто ничего не отметил.

Плаксив от тревоги, но сыт молоком,
Уснул я, как будни, серьёзный.
Не мог написать я с надеждой в горлом —
Смотрите на небо и звёзды!

Да ладно бы звёзды! Чего-то ещё
Не видели умные люди...
Куда вы смотрели, товарищ Хрущёв,
Теперь коммунизма не будет!

Работала шахта. Кончался сентябрь.
И план на-гора выдавали.
И нет государства рабочих-крестьян,
Но есть птицелов в Сенегале,

В Тибете — монах, в Курдистане — калым.
И мой день рождения — в силе!
Хотя и не стал в Воркуте выходным.
— Не праздник, — на шахте решили.

Галина Бутырева

«Живу на своей земле...»

— *Галина Васильевна, Вы родились в 1944-м, Ваше детство пришлось на послевоенные годы — было ли оно счастливым?*

— Да. У меня было очень счастливое детство... Несмотря ни на что...

Уже став взрослым человеком, я поняла, как это важно — для становления характера, для жизнестойкости... Счастливое детство — это, наверное, некий стержень, который не даст опустить руки даже очень в непростых ситуациях...

Я благодарна судьбе прежде всего за то, что росла в семье, где были и отец, и мать, где любили друг друга. У меня есть такие строчки в одном из ранних моих стихотворений. «Мама любила меня и отца. Отец любил меня и маму. И я пока любила всех-всех: и маму, и отца, и соседей наших, и коня-красавца — Буяна, и его нелепую родительницу Лапоть, и речку Вашку, и белые июньские ночи, и белые облака в июле, и лодки, и деревья, и травы... Казалось, не было ничего такого, на что бы не хватило моего маленького сердца. И казалось, что так будет всегда».

— *Кем были Ваши воспитатели и как Вас воспитывали? А книги воспитывали Вас?*

— Прежде всего моими воспитателями, конечно, были мои родители. Их пример, их авторитет был таков, что даже спустя много лет после их кончины я всегда мысленно советовалась с ними перед каким-нибудь ответственным в жизни шагом.

Если есть во мне что-то хорошее — тоже от них.

Они никогда никому не завидовали, никого не обсуждали, ни с кем не ссорились, во всяком случае, я этого не помню.

Мои родители не были особо верующими людьми, но, видимо, жить они старались по божеским законам. Надеюсь, я что-то унаследовала от них и в этом плане...

И, конечно, я безмерно благодарна и нашей маленькой сельской библиотеке. Как только научилась читать, я там бывала если не ежедневно, то через день точно.

Есть такое выражение, что все мы родом из детства. Мне нравится говорить: все мы родом из библиотеки... Те, кто любил и любит читать, согласится со мною.

Где-то до пятого или даже шестого класса я читала только сказки. Наш библиотекарь Серафима Ивановна однажды даже пожурела: ну сколько же можно читать сказки, не пора ли уже братья за более взрослые книги...

А теперь я думаю, как хорошо, что перечитала столько сказок, — и коми, и русских, и китайских... Столько мудрости в них, поэзии... Недаром же говорят: сказка — ложь да в ней намёк, добрым молодцам урок. И ключевое слово для меня здесь — урок!

Позже, в седьмом-десятом классах были самые разные авторы: и Максим Горький (семь томов — сразу после «отлучения» от сказок), и Вальтер Скотт, и Александр Фадеев, и Шолом Алейхем... Последние два автора — из моей первой собственной библиотечки, которую я получила от редакции районной газеты «Выль туйёд» за II место в литературном конкурсе (в шестом классе...).

Так что книги — это мои добрые спутники на протяжении уже всей моей жизни. И воспитатели! Особенно, думаю, сказки...

А иногда книга — это и психотерапевт. Как было с «Псалтырью русской поэзии», я уже где-то об этом говорила.

— Вы учились на филологическом факультете КГПИ: мечтали стать учителем литературы?

— Кем только я не мечтала стать — и врачом, и даже лётчиком... Но после первого перелёта Кослан–Княжпогост на Ан-2 с этой мечтой пришлось расстаться...

Мечтала ли стать учителем литературы? Наверное. Хотя, могла и не попасть в КГПИ. Во всяком случае, заявления я не подавала. После школы собиралась в Ленинград. Там жила моя учительница Г.Д. Бочковская, она предлагала год где-то поработать в Питере, присмотреться и поступить в вуз. В какой? Честно говоря, теперь я уже и не скажу, в какой. Скорее всего я бы пошла на журналистский факультет университета. Но вышло как вышло. В КГПИ объявили дополнительный приём, и мои одноклассницы, уже поступившие на разные факультеты, уговорили меня не ехать так далеко. И мама туда же... К тому времени отца уже не было, я понимала маму, ей было страшно отпускать меня одну в неизвестность, а тут — вуз в Сыктывкаре, мои одноклассницы поступили в пединститут, там же училась наша соседка, подруга детства Римма Пахонина...

Вот я и сдалась. И оказалась студенткой КГПИ. Закончила. Два года работала учителем русской литературы и языка, сначала в Княжпогостском районе, затем в Ёртомской школе. Но тут новое несчастье, не стало и мамы, и оставшись совсем одна, я вернулась в Сыктывкар. Хотела устроиться в школе, но, увы, не сумела. Никто не взял...

— Какие уроки жизни Вы выучили, работая в школе?

Дала ли мне что-то работа в школе? Наверное, что-то дала. Не зря же мне ещё много лет подряд снились учительские сны... Когда ты ведёшь урок, а дети тебя не слушаются, или как ты опаздываешь на урок...

Самый главный вывод, какой я сделала для себя, работая в школе, — нельзя останавливаться, необходимо продолжать учиться, набираться всё новых и новых знаний. То, что даёт институт, этого может хватить только на первых порах... Необходимо самосовершенствоваться, самообразовываться. Только тогда ты сможешь стать интересным детям. Недавно к нам в редакцию приходили студенты КГПИ, кажется, с 3-его курса. Скоро они пойдут работать в школу, а с чем пойдут? В нашей беседе выяснилось, что за все эти годы большинство из них ни разу не были ни в одном из театров, ни на одной выставке...

У меня было как раз всё наоборот и то, столько мне ещё пришлось добирать после института...

— Вы сделали блестящую карьеру: от учителя литературы до заместителя Главы Республики. Скажите, литературное образование не мешало Вашей деятельности как государственного чиновника?

— От учителя литературы до заместителя Главы ещё много чего было. И главное, что из всего этого я бы хотела отметить, — это работу на телевидении. Именно благодаря телевизионной журналистике я научилась всему тому, чего не даст, может быть, даже академия госслужбы... Прежде всего — ответственности (мы же работали «живьём» и в кадре и за кадром!), оперативности (если «летела» передача из-за испорченной киноплёнки, поскольку видео ещё не было...), взаимовыручке (телевидение — командная работа!), умению принимать самостоятельные решения и т.д. и т.п.

Так что не будь у меня семнадцати телевизионных экстремальных лет, вряд ли я сумела проработать хотя бы год на таких, иногда просто неподъёмных должностях, особенно для женщины. Прежде всего, конечно, я имею в виду должность заместителя Главы республики...

Для кого-то, наверное, весь этот мой нетворческий, нелитературный путь и был «деланием» карьеры, но только не для меня. Я не делала карьеру. Никого локтями не расталкивала. Иногда вспоминаю, как всё происходило и что происходило в моей жизни, и сама начинаю сомневаться, а «был ли мальчик»...

А филологическое образование, как могло оно помешать в чиновничьей работе? Мне кажется, наоборот, — ведь я в основном общалась с работниками культуры, образования, печати, религиозными деятелями. Нет, не мешало.

— Вот уже 17 лет Вы главный редактор журнала «Арт». Какое значение, на Ваш взгляд, имеет журнал для культуры Республики, и что для Вас значит для Вас работа в журнале?

— Семнадцать лет на телевидении, семнадцать лет в журнале «Арт»... Получается, что большая часть моего трудового стажа связана с журналистикой. Помните, я упоминала, что собиралась в Питер, и, если бы уехала, поступила бы на журналистский факультет... Возможно, так и было predetermined мне судьбой, только я выбрала отнюдь не самый прямой путь в профессию.

Есть такое расхожее выражение: «Я делаю то, что мне нравится, а за это ещё и деньги платят...» Так вот это про мою работу в журнале «Арт»...

Думаю, это во многом благодаря людям, с которыми мы вместе делали журнал.

Каждому человеку. За 17 лет я не припомню ни одного случая, когда бы кто-то из них меня серьёзно огорчил, ни в профессиональном, ни бытовом плане. И я очень ценю это. Я благодарна судьбе, что и раньше как-то везло на хороших людей...

Мне кажется, и на журнале нашем это как-то отражается, — то, что собрались люди образованные, знающие своё дело, умеющие слышать друг друга...

Значение журнала для республики как ни странно лучше понимают, мне кажется, за пределами республики. Дома — меньше. Может, срабатывает старое выражение: «Нет пророков в своём Отечестве».

Хотя это не совсем справедливо — и дома есть множество людей, кто может однозначно сказать, что журнал «Арт» — это культурное достояние республики! Однако есть и множество других людей, не подозревающих о существовании «Арта»...

Наша вина? И наша тоже. Но главное — отсутствие достаточных средств для саморекламы, невозможность выезжать в города и районы, чтобы встречаться со своими читателями и т.д. и т.п.

Утешает одно, что наш журнал, а это уже около 100 «толстых» журналов, навсегда останется в библиотеках республики (и не только!), а в архивах Национальной республиканской библиотеки — точно останется! И придут исследователи эпохи перемен, 90-х, 2000-х годов, в жизни нашей республики и обязательно напишут о феномене этих лет — о литературно-художественном журнале «Арт» (Лад), как о высочайшем примере бурной литературной и общественной жизни нашего края, как об одном из самых достоверных документов нашего времени.

Вот на этой высокой ноте я бы и поставила точку, но у Вас, я смотрю, ещё столько вопросов...

— Когда было написано первое стихотворение? Ваш первый сборник стихов «Пас туй» вышел только в 1989 году, почему не раньше: карьера не сразу стала сочетаться с творчеством? Когда Вы, наконец, осознали, что Поэзия — это Ваша судьба?

— Почему человек начинает писать стихи? Сначала, наверное, из-за самомнения, а что? И я так смогу... Все первые опыты — это некий спор, иногда с собой, иногда с небезызвестными мастерами...

Когда я осознала, что пишу хуже, чем мои любимые поэты, а потом — что обо всём уже написано! — я перестала писать, тем более, что в журналистике не было недостатка в писанине...

Потом, уже довольно в зрелые годы, возникла внутренняя потребность вернуться в поэзию (читателем я всегда оставалась...). Почему? Сегодня я прихожу к выводу — чтобы выжить. Чтобы противостоять тому миру, где столько ещё зла, ненависти, нелюбви, непощения. Чтобы обрести «гармонию» в самой себе, не дать никому нарушить её, потому что только в этом состоянии «гармонии» я, кажется, могла жить, любить, прощать, работать...

Поэзия стала своеобразным диалогом с миром, с настоящим и прошедшим временем, с людьми, живущими рядом и уже ушедшими в мир иной.

Да, правда, обо всём уже было написано. Но я-то писала о своём — это был мой опыт, моя память, моя боль, мои переживания и чувства к любимым людям, к любимым с детства местам...

— Основные темы Вашей поэзии — это Родина, река Вашка, Ёртома, детство. В чём смысл понятия «Родина» для коми человека? Вы любите свою Родину?

— Я давно не живу на своей маленькой родине, конечно, время от времени я возвращаюсь туда, где родилась, росла, постоянно жила до 14 лет... Но прошло столько лет вдали от этих мест. А я всё помню. Почти каждую тропинку.

Увижу знакомые берега, и сразу перед глазами, как живые, возникают отец, мама, наши соседи... Река Вашка... Это она, Вашка, — моя Родина. Для кого-то, возможно, Родина — это лес, парма. Для меня — река... И Мёдлапов (там, где река круто огибает наше село), и Табъяг, — здесь наше сельское кладбище, здесь покоятся мои родители, и увы, уже большинство тех людей, кого знала когда-то в детстве...

Родина — в переводе на коми язык, ас му, своя земля. Чем дольше живу на свете, тем больше благодарю судьбу, что живу на своей земле.

— Вы возвращаетесь в прошлое, потому что Ваша Родина — в прошлом? Или возвращение в прошлое для Вас — это космогония, сотворение мира?

— Моя Родина — не в прошлом. Она всегда была и остаётся со мной, во мне, в каждом мгновении моего существования.

Наверное, я пишу о ней довольно часто потому, что живя вдалеке, мне необходимо не просто помнить о ней, но ещё и зримо представлять её в том виде, в каком она была в моей прежней жизни, а для этого необходимо как-то организовать, структурировать это пространство, где моя жизнь берёт начало. В этом смысле, возможно, я и, правда, занимаюсь сотворением мира детства, я как бы постоянно возрождаю его... И этот мир, как «далёкий-далёкий свет костра, притягивает к себе, и ты идёшь на этот свет, чтобы подбросить дров в этот костёр, чтобы он продолжал гореть»... (подстрочный перевод моих стихов, написанных на коми языке). Но, наверное, человек пишет стихи прежде всего для того, чтобы сотворить себя, человека. Иногда — неосознанно. Иногда — осознанно! Другого. Лучше... Иногда это ему удаётся. Или почти удаётся.

— Один из Ваших сборников стихов называется «Бог с тобой», а первый раздел в нём — «К Истине». Стихи в сборнике не религиозны, почему такое название и что есть Истина?

— «Бог с тобой» — это мамины слова, которые она столько раз произносила, отправляя меня сначала в школу (среднюю школу я заканчивала в Важгорте, в 100 с лишним километрах от дома), а после — в институт... Это мамино благословение, которое со мной и сегодня. Поэтому, правда, ничего религиозного название моей первой книги не несло.

Спустя много лет я оказалась среди участников международного форума писателей в Лахти (Финляндия). Там на круглых столах шёл разговор в основном вокруг одной темы «Что есть святое?» В раздумьях над этим вопросом я пришла

к мысли, что мой путь в литературу по большому счёту был дорогой поисков самой себя, мои стихи уже почти с самого начала были некими молитвами, а после — просто молитвами (в книжке «Да будет имя Твоё»). Тем не менее, я не могу сказать, что мои стихи — религиозные стихи. Поэзия всегда была для меня своеобразной исповедью. Но перед кем? Перед тем «незримым», в кого нас так рьяно учили не верить? — в школе, институте, везде...

— *Литература — это развлечение или это один из путей к Богу? В чём смысл творчества?*

— Возможно, для кого-то литература и развлечение.

Для меня — нет.

У меня есть стихотворение, написанное довольно давно, где я благодарю своего Ангела-Хранителя за то, что я «никогда не отвергала Бога». Да, это правда, хотя и сегодня я малоцерковный человек. И когда мне тяжело, я по-прежнему ищу спасения в Поэзии, а не в Церкви. Но теперь я всё чаще думаю о том, что, может быть, мне и писать-то было дано только для того, чтобы я наконец разобралась во всём и сама сумела прийти к Богу. И что мой путь в Поэзии — это путь к Богу?

Надо было прожить столько лет, чтобы только подступиться к пониманию этого.

— *Сегодня много говорят о том, что наши современники читают мало или не читают вовсе. Как на Ваш взгляд: вернутся ли люди к литературе и что для этого нужно?*

— Я плохо представляю себе мир без людей, у которых не будет сердечной тяги к книге, к чтению. Человек, у которого сохранится сердце, душа, ум, — не сможет жить без живого слова, без диалога с другим себе подобным (писателем, поэтом...), чаще даже с незнакомым, и тем более интересным для него человеком.

Мне кажется, для этого ничего не нужно, кроме присутствия самого человека и хорошей книги.

— *Литература и народ: зачем народу хорошая литература? Есть ли взаимосвязь между литературой и национальным самосознанием?*

— Если мне нужна хорошая литература, значит, она нужна и ещё кому-то. Почему я не могу утверждать, что народу нужна хорошая литература? А вот зачем она нужна? Опять же буду судить, поскольку я не литературовед, со своей «колокольни». Мне она нужна для самопознания, для познания других, для расширения границ мира (до сих пор, несмотря на наличие Интернета, не говоря уже о деревенском детстве), для эстетического наслаждения... Да, я люблю это чувство — очарования поэтическим видением мира и умением писателя это видение передать словом — самым точным, самым ёмким, самым глубинным... Настоящее художественное произведение для меня (литературное или любое другое) — это как выстроенный рукой Мастера дом, где всё радует и глаз, и ум, и сердце...

Где всё — польза и красота! Я получаю истинное эстетическое удовольствие, вчитываясь в такие тексты, от которых иной раз просто перехватывает дыхание.

Поэтому, конечно, любому человеку нужна такая литература. И неважно, это жанр поэзии, или детектива, или ещё какой-нибудь иной... Главное, чтобы это

было написано рукой Мастера. Не пропустить бы только её, хорошую литературу.

И, конечно, между литературой и самосознанием читателя не может не существовать самая прямая взаимосвязь.

Сначала литература воздействует на самосознание читателя, а потом и на его национальное самосознание, — когда приходит понимание его исторических корней, а со знанием культурного опыта своих предков приходит и уважение, и желание пользоваться и делиться этим достоянием со всем миром...

— В чём самобытность коми литературы, в чём её значение для мировой культуры? Какие 10 произведений коми литературы, на Ваш взгляд, соответствуют уровню классики мировой литературы?

— И маленькие и большие народы, все обладают собственным комплексом культурного опыта — языка, традиций, обрядов и т.д. и т.п. В том числе и мой коми народ. А его культурный опыт — это часть мировой культуры. Но чтобы мир узнал о нём, недостаточно развивать науки, необходимы литературные тексты. Коми литература, мне кажется, ещё не сказала своего слова, не реализовала свою главную миссию — рассказать миру, кто такой коми человек, какой путь он прошёл, чем богат его культурный опыт в области ли языка, или воспитания детей, или медицины...

Хотя в нашей литературе уже сегодня есть эпохальные произведения, как «Бива», или «Чугра» Геннадия Юшкова, как «Но-о, биа бордаяс» Ивана Торопова. Именно их я бы прежде всего и поставила в ряд классиков мировой литературы. А также Ивана Куратова и, может быть, Альберта Ванеева...

— Кто из коми писателей Вам особенно близок? В чём значение его творчества?

— А особенно близок мне Тима Вень, В. Чисталёв. Его поэзия для меня, как вода из лесного родника.

— Будущее коми литературы, коми языка и коми народа — взаимосвязанные понятия? Может ли народ обойтись без литературы на своём языке? Придёт ли в коми литературу новый Куратов?

— Я не знаю, зачем коми литературе новый Куратов? Слава богу, пока есть его продолжатели, и я, надеюсь, будут и через сто лет и более...

А вот литературе без родников народной речи, без материнского языка выжить будет сложно, если не невозможно. Пока матери будут колыбельные петь на родном языке — коми песня, коми поэзия будет жить.

— Ваши последние книги — это путевые очерки. Возвращение к журналистике?

— Думаю, это не возвращение к журналистике. Это из той же стихии «сотворение мира», своего пространства. Как вы выразились — космогония... (рождения мира? — не так ли).

Мира моих странствий, мира обретения новых стран, если хотите — планеты, которая, оказывается, не так уж и велика. И которая как-то незаметно тоже

стала частью моего мира. Я даже одну из книг стихов хотела назвать «Моя дорогая планета» (это о планете Земля...)

Может, ещё назову.

— *Будь у Вас возможность взять интервью у Бога, какой вопрос Вы бы ему задали?*

— Можно, я не отвечу на этот вопрос. Это настолько личное, что об этом я даже никогда не напишу в своих стихах. А в стихах мы бываем достаточно откровенными... Но если бы у меня появилась вдруг однажды такая чудесная возможность поговорить с Богом, я бы обязательно задала ему свой главный вопрос.

Галина Бутырева

Думать о настоящем

Осень на Мезени

Мне снился маленький сад в Гурзуфе:

не старый, не молодой, —

миндаль, кусты шиповника, яблони, груша, инжир и вишня,
и мелкий виноград, весь в прозрачных
сентябрьских листьях...

Мне снился этот сад, хотя я знала,
что уже давно его растолкали бульдозерами.

В последние годы сад часто слышал, как хозяин, бывший военный,
с горечью говорил о возможном (а потом уже и неизбежном) переезде,
о тяжбах с начальством, о будущей бетонной коробке,
которую поставят на месте сада...

Но сад не верил в свою погибель! —

не верить было легче,

я это знаю:

у меня на глазах умирала моя мама,

а я не верила в её смерть

и строила планы — приехать с мамой на море,
потому что мама моя ещё никогда не видела
моря...

Мне снился сад.

А за осенним окном шёл снег.

И стояла оглушительная тишина!

Так бывает в ночь первого снегопада.

* * *

Нас так долго пугали
грядущей гражданской войной,
что мы и не заметили,
как в конце двадцатого века
перешли в военное положение.
Линии фронтов
разделили напополам
эфир и газетные полосы,
напополам — сердца,
напополам — веру.
На войне, как на войне:
и грязь, и мат, и потери.
И повсюду
следы разрушений —
на сельской околице Псковщины
и в заполярной Воркуте,
на душе ребёнка и старика...
Господи,
спаси и сохрани нас!
Господи,
дай искупить молитвами
вину
свою и чужую
всем,
кто ещё умеет плакать.

13.06.99 г.

* * *

Так редко я слышу эту песню сегодня.
А в детстве,—
соберётся компания за столом,
придут друзья-соседи
и непременно кто-то затынет:
«Ой да-й ты, калинушко»...
Да так светло,
и так печально,
что совсем ещё у маленькой,
у меня сердце сводило
от предчувствия,—
неизведанных ещё страстей и слёз?..

«Ой да-й ты не стой, не стой
на горе крутой...»
По незнанию языка
слова частенько простодушно перевирали
(это я уже потом разобралась,
что к чему...),
но мелодия,
видимо, так хорошо ложилась
на зырянскую душу,
что пели всегда с огромным чувством
и нередко — на несколько голосов...
Один голос обычно начинал раньше
и вёл за собой остальные,
а те согласно подхватывали,
вкладывая в песню
каждый своё,—
сокровенное, дорогое...
«Ой да-й не пускай ты листа
во синё-о-о море...»
Никто из поющих о море да кораблях
никогда в жизни, думаю,
ничего подобного не видал,—
кроме пармы-тайги,
кроме быстрых лесных рек,
по которым
ещё подростками сплавливали они плоты
до устья реки Вашки,—
где сливались они с Мезенью,—
до Лешуконска...
Вот и все дороги,
которые выпали
на долю моих родителей,
их друзей-соседей...
Вместе с нехитрыми гостинцами
на заработанные деньги,—
с разноцветными ситцами
да с кашемировыми платками,—
привозили они со сплава
песни,
поморские,
русские народные песни...
Давно уже нет на этом свете
моих друзей-соседей.
Давно уже разносились
ситцы да платки.
А вот песни живут.

И когда светло на душе,
и когда печально,
я тихонько напеваю про себя:
«Ой да-й ты, калинушка...»

09.02.02 г.

* * *

Никуда не спешить.
Думать о настоящем:
как шуршит медь листьев
под ногами,
как вздрагивает сердце
от всплеска рыбы в лесном озере,
как остывает октябрьский день,
только что тёплый и солнечный,—
и смиренно, и благодарно
преклонить колени
перед Творцом:
за каждый миг
существования,
с каждой былинкой...

* * *

Челядьдырсянь
ай-мамлөн муслуныс,
мелілуныс, югыдлуныс,—
и öні на пестö
олём бицурöс,—
оз лэдз кусны,
оз лэдз ваймыны...

Челядьдырсянь
бур йöзлөн бурлуныс,
буркывйыс, бур вöчöмыс
и öні на отсалö
олём мусюр вылас,—
оз лэдз ныртшук усьны,
оз лэдз кытшласьны...

Челядьдырсянь
 Вашка юлөн сөдз видзөдласыс,
 визувлуныс, шаньлуныс, —
 и öнi на шызьөдö
 сьөлөмөс-лолөс, —
 оз лэдз вунөдны,
 оз лэдз вежны мөд ю вылө...

Челядьдырсянь
 мелілун, буркыв, муслун...
 Челядьдырсянь
 ай-мам, бур йөз, Вашка ю —
 медся топыд пыкөд.

* * *

Ме пыр вöлі кора
 Ыджыд Енлысь
 сөмын öтитор,
 век öтитор,
 и важөн, и талун:
 мед сетас
 сөмын дзоньвидзалун, —
 мед ме дырджык на верма
 нимкодясьны шоныд гожөмнас,
 и сөдз арнас, и водз тулыснас,
 и турөба төвнас...
 Мед!..
 А мый эськө и полам ми
 кувнысö?
 Мөдар югыдсьыс тай
 некоді на абу бергөдчылөма,
 некоді на абу висьтасьлөма,
 мый сэтөн лёкджык...
 А ми полам.

* * *

И мудор сай,
 а, гашкө,
 и став муюгыдсö нин
 лои кытшовтлөма,

а син водзын
сöмын öти мусер,
век öти мусер:
ойдöм видз вылын
кокни пыж,
пыжас — ни öти морт абу,—
ыджыд ваыс
кылöдöма кодлыськö пыжсö,—
гашкö, менсьым да?
Бовъялö тувсовъя ва вылас,
ыджыд чери моз
уялö бадьяс косттыс...
Гашкö, менö виччысьö.
Бөр гортö.

* * *

Гожöм шөр.
Вашка ю —
пöлöзничаясь на лöзджык,
кунваысь на шоныдджык.
Öшинь улын
рудзöг му —
шöри потöма векни пода туйöн,
кöмтöм коктö сотысь-чышкалысь
туйöн.
Томось на ай-мам.
Выль керка-пивсян.
Выль пыж. Выль юкмöс-струба.
И бара —
выль гожöм шөр...
Со тайö и эм
мена муса Челядьдырö.

Кык кывбур

(У. Уитмен серти)

1. Некор ог вежöктыв некодлы,
век аттьöала Ыджыд Енмöс,
мый менам абу тайö лёк висьöмыс.
Век жальö петö,

кор аддза кодöскö,
 вежöктысьöс:
 мый вылö сöмын, коньöръясыд,
 оз ыштыны, —
 тэнад кö ставыс лючки,
 тэнад кö удждоныд ыджыдджык,
 тэ кö — öтнад олан, а сылön —
 керка тыр, —
 вежöктысь мортыдлы
 öтарö лёк и мöдарö лёк.
 Збыль быттö татшöмъяссö сөйö-йирö висьöм.
 Но кор öтчыд
 ме паныдалі
 Мирзоян гозъяös,
 коді олöмаös Печора бердса
 кордонын, дзик кыкön,
 Нафисад чужтöдз,
 а бöрыннас — куимön,
 Настя чужтöдз,
 матö дас во:
 и тöv, и гожöм,
 ар и тулыс,
 йи вöрзигön и йи сувтігön,
 лöддза-номъя кадö
 и турöба кадö, —
 быттö некоді наысь öтдор
 эз и вöv
 став му шар вылас,
 сöмын найö,
 асланыс шуда котырнас,
 да Вөр-Ваыс,
 ме казялі,
 мый и ме кужа
 вежöктыны.
 Кужа.
 Но ме ог кут. Ме верма.
 И аттö Ыджыд Енлы,
 мый верма.

2. Коді нö öні эскö шемösö?
 А ме тай эска.
 Челядьдырсянь вöтчö ме бöрся
 шемös кельöб,
 быттö арся турияслön кельöб.
 Ставыс — шемös:
 кор сап пемыд енэжсянь

шувкнитас-усяс кодзув, и
 кор пыж сайын, шонді водзас
 югнитас-чеччас зарни чери,
 кор яла ягын уялігөн
 копрасян еджыд тшаклы, и
 кор рытъя шондіыслөн
 медбөръя югöрыс
 кусö тэнад вугыр шайт помад, и
 кор дзебсясян гымйысь-чардысь,
 гожся зэрысь ньыв пу улын, и
 кор поездын мунігөн
 ляп сьöлөмөн кывзан
 ичöt кагалысь ай-мам кыв вылын
 сёрни-тэльгөмсö, и, —
 тöрыт на эз вöв таладорас,
 а талун нин со эм, варовитö...

Выль морт.

Кор видзöдан джыджъяслөн
 зэр водзын дурöм-лэбалöм бөрся, и
 кор нимкодясян бобувъясөн,
 дзоридз весьтын мырсьысь
 мазіön, быд енгагөн, и
 кор войнас узян мусаыдлөн небыд сой вылас, и
 кор луннас сёрнитан олöма войтыркöд,
 öти сиктса войтыркöд,
 му вылас медся мывкыд,
 медся шань войтыркöд, и
 кор кывзан саридзлысь помтöм
 лов шысö, и
 кор көмтöм коктö сотыштли
 рудзöг мусö вундысь векни пода туйыс, и
 кор пуксян пыжö да чöv-лөнъ
 кывтан Вашка ли Мыдмös кузя, и
 му веркösас быд пельös — шемös, и
 му пытшкösас, медся джуджыдас, и
 ва улас, и сынöдас и...

А кор кувсьöм ай-мамыд
 петкöдчыласны вötөн, —
 мöдар югыдсянныс тэнö
 видзны-велöдны,
 абу öмöй шемös жö тайö?
 Ставыс — шемös.
 Кытчöдз тэ ловъя лов.

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент», которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в журнале

«Арт». Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Рёдвуж андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Ависсага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Записки о семейной рыбалке

(Из книги «Наскальные рисунки»)

Первые шаги

В первый раз меня оставляют одного, в деревне. Не в прямом смысле — с бабушкой, конечно, но именно с тем расчётом, что меня уже нет возможности удержать во дворе — я всё равно буду стремиться к реке, а там-то я и буду один, большую часть суток. Папка это понимал — что я ни при каких обстоятельствах дома сидеть не намерен. Поэтому повёл меня знакомить с рекой, будто впервые, хотя, конечно, я уже везде бывал с ним. Но теперь предстояло совсем другое — как я справлюсь один на один, без всякого надзора, без опеки — к тому же, несмотря на все мои таёжные походы и подвиги, я всё же родился и вырос в городе, правда, в глубокой с ним вражде, в котором перемирие соблюдалось только из-за любви — к родителям, к друзьям, да ещё к играм... Ну и впоследствии, в школе — к некоторым женским особам, но до этого ещё далеко.

А пока что мне что-то около семи-восьми лет, и я — почти один. У деда, кроме моего отца, были ещё дети и постарше: Миньон, Нина — из тех, у кого были наследники взрослее меня, но они, эти мои братья и сёстры, всё время были

далеко — в других городах. У Миньона — где-то в Инте, а потом и где-то на юге, а тётки Нинин Саша — пошёл-пошёл по другой дорожке, в обход Вотчи, увлечённый мамой в церковь (через единственный пригород Сыктывкара, где ещё уцелела работавшая тихо церковка — Кочпон — в Сергиев Посад, в семинарию-академию — и дальше в Курган-Куртамыш...)

Несколько раз Саша приезжал в деревню, даже пару раз ходил с нами на рыбалку, но ничего из этого хорошего не выходило — то не клюёт (конечно, не из-за него, но всё же...), то в последний раз он заснул в фуфайке у костра, стрельнул уголёк, и он, когда истлела чуть не половина ватника, и огонь добрался до тела — вскочил, заметался, да так расстроен был, что больше и не заикался о рыбалке — короче, человек к реке не приспособлен, к шатаниям по лесам, к романтике ночёвок по стогам, не стремящийся, одним словом, к бродяжничеству, да и к тому же по тем временам, ходивший в церковь (а это было для меня что-то невообразимо отстранённое, его тетрадки: гомилетика, притчи о пчёлах, о трудолюбии, агиография — рукописные, крупным, слишком старательным почерком — вызывали и уважение, и опаску, и какой-то запах доморощенной отстранённости от нашей общей жизни... Хотя, в играх он был мастер, но это книга не о них...)

Так вышло, что из присутствующих внуков я получался для бабушки самым старшим, близким и самым рвущимся к ней (и конечно, в Вотчу, на реку) — а отсюда и самым самостоятельным. Остальные мои двоюродные-троюродные братья-сёстры были более-менее одного возраста, да и привычек тоже одних — домоседских, коллективных — вместе по гостям пройтись, вместе купаться, толпой в лес — что меня не влекло. А купаться, как многие северные люди — я не умел и не любил, и если приходилось — окунался вместе со всеми, делал пару гребков, пару проходов туда-обратно, и на берег (до посинения, как некоторые, торчать в воде меня вовсе не манило, я знал её другую цену — в ней была рыба, и опасность утонуть, поскольку мы от рыб всё же отличаемся очень сильно).

Итак, меня оставляли одного — фантастика, воплощение мечты, ответственность и взросление!.. Волнение и новые мечты и фантазии — о пойманной рыбе, о подвигах на реке... — моё сердце играет! Мы приехали в деревню. Через пару дней отец вернётся в город, а я останусь наедине с бесконечными и такими короткими днями, каждое мгновение которых, как капля — и не может напоить, и рождает желание напиться впрок, до следующего лета. Отец ведёт меня к реке, он захватил с собой загнутые специально вилы — попробовать надёргать на этом берегу кочек с миногами и поставить донки на ночь. Мы спускаемся прямо от дома короткой, полукругом спадающей к реке красивой тележной дорогой, у которой на выбоинах — между комками рыхлой коричневой глинистой земли — как сокровища, россыпи мелких камушков, кремниев (я потом в свободное время наберу лучших, самых искряных и пахучих, с собой в город — друзьям), обломанных мелких мизинчиков — «чёртовых пальцев»... Справа остаётся сумрачная, обнесённая полуразвалившимся слежистым забором, конюшня с вечно распахнутым сырым, пахучим входом. Слева, чуть ниже, ближе к реке — тоже пахучая, но по-другому, по-доброму — пекарня, оставшаяся без забора, только обнесённая с трёх сторон стенами полениц... — кругом дрова, следы телег в раскисшем чернозёме, признаки бесшабашной разрухи — валяющиеся в крапиве носилки, чаны с отбитой эмалью (смены разные — и хлеб разный, а если запьют все — то и хлеб «пья-

ный» — мокрый, кислый, непропечённый, а то и никакой — но меня это волнует мало, меньше всех в деревне...) Дальше уклон такой, что хоть беги, или тормози о придорожные кочки, как об ступени — дорога спускается к луговой болотинке перед рекой, в которую и упирается — по ней везут хлеб до лодочной переправы на тот берег. Вдали, за заливными лугами, на высоком холме, полукругом — таким полумесяцем, будто девчачьим обручем — растянута теперь уж почти заброшенное село — Вадыб, где ни пекарни, ни магазина, только горит ещё по ночам парочка уличных фонарей...

День был пасмурный, без дождя, но с изморосью, намочившей всё вокруг, окрасившей всё в серую сталь, особо подчёркивавшей далёкую заброшенность одинокого, мокрого Вадыба, отделённого от нас — Сысолой, а от всего остального мира ещё и широкой болотистой поймой Большой Визинги. Папка говорил, что в войну всё было наоборот — им, там, за реками — очень хорошо: ни одна комиссия туда не решалась проехать, а нам было туго — что не забирали бесконечные комиссии и военные развёрстки, то выменивалось потом у временно зажиточного Вадыба. Так про них и говорили, что они заелись, ходили в штанах — то есть могли себе позволить выменять вещи у вотчинских, кунибских, пустошских, всё более и более голодавших, надрывавшихся на повале, собиравших свою картошку по ночам, при свете костра, после бесконечной работы, вынужденных украдкой косить по укромным местам. А власть, в виде какого-то безумного местного коммуниста, подчёркивая издевательскую какую-то сущность свою, свой загиб-перегиб, личный садизм, недореализованный в терроре — бегала по ночам, сторожила древних старух с их тайными копёшками сена, и подкравшись тихонько сзади — «тихими стопами-с» — поджигала сено прямо на плечах у запыхавшихся баб...

Но мне было не до феерии нищеты и садизма, не до Вадыба, теперь уже навсегда угасшего и мокнущего под низкими всевластными тучами...

Я внимательно слушал каждое папкино слово — где, как, на что, каким образом можно было ловить рыбу. Мы медленно продвигались по берегу — папка высматривал, где можно выхватить кочку с миногами, и одновременно разговаривал со мной. Я — за ним! Он подошёл к какому-то чёрному, полузатопленному брёвнышку, одним концом вытарчивавшему на берег — и будто на уроке, сказал, что вот под таким укрытием вполне может стоять, притаившись, щучка, и ждать свою жертву. И, если осторожно подойти, не топоча по берегу, то можно попытаться поймать её. Если не на блесну, то на мёртвую рыбку, на пескарика, как тогда, когда я вытащил свою первую.

И вдруг, неожиданно — из-под бревна мелькнула серая тень, и на фоне сплошной, ровной, широкой песчаной отмели — поскользила, поскользила, едва помахи-вая хвостиком по направлению к реке, к выходу из протоки на большую воду, куда мне ещё было нельзя — мне во владение отдавались пока что вполне безопасные места. Это действительно, как в учебном фильме, была небольшая щучка.

И я разревелся. Обидевшись на папку, что он спугнул её. Он же знал, что она может быть здесь — и это была, выходит, уже почти моя рыба. Ведь завтра я уже мог поймать её сам, один, без всякой помощи!

Папка, наткнувшись на моё нытьё, несколько раздражился, что я так неожиданноотреагировал. Но потом стал утешать: рыбы хватит, поймаешь ещё.

Главное, ведь — она есть, и что ещё более важно — у тебя, рыбак, руки-то развязаны, всё в твоём распоряжении.

Мы пошли дальше, пробуя кое-где выдёргивать прибрежные кочки, или даже задирать, будто подол юбки, прибрежный, приутопленный в воде, пласт луговины с зелёной муравкой, нежно размокавшей в реке. Папка давил кочки сапогами, смачно выдавливая и воду, и фонтанчики грязи, а я следил — не шевелится ли что-нибудь, не мелькнёт ли на поверхности грязной лужицы от следа бродней неожиданно ожившей змейкой юркий вьун. Несколько раз меня обманывали своими мертво-медленными движениями заляпанные грязью, будто вражеские танки, личинки стрекозы, противно-тихоходные и тяжеловесные, жёсткие на ощупь, и ну совсем ни капли не похожие на таких эфемерных, шепчущих о чём-то радостном своими лепестками-крыльями, нарядно-блестящих стрекоз: из танка вылупляется ли лёгкий самолётик?

Мы прошли практически весь отведённый мне для начала бережок, который после долгой отдели, наконец, упирался в первый овраг по дороге из деревни в Первомайск. От деревни этот мой бережок был отделён заливной заболоченной излучиной, по краю поросшей мелким пихтарником, который тоже имел своё название — Вотник. Хотя это был даже не лес — в низкорослом Вотнике и заблудиться-то было нельзя. Всё, что в нём водилось — так это насекомые, да коровы, которых сквозь него гнали утром пастись на луга под церковью, а вечером обратно — на дойку, на отдых и чистку.

И только однажды наш Вотник стал прибежищем двух воров, которые, видимо, не разбирались в местной обстановке, и решили здесь укрыться, пробираясь лесами вдоль рек с северных лагерей. Завернув в наше село, они успели залезть ночью в хозяйственный, пропахший нафталином, не очень богатый сельский магазин, кое-чем поживившись, что им понадобилось между фальшиво-бархатными шальями и одиноким аккордеоном, так никогда и не востребованным — и вернулись в Вотник, где их и прихватили; здесь и детям-то с собаками спрятаться негде, а они костёр разожгли...

Ночь с папкой мы провели на рыбалке, не поймав ничего стоящего, и следующим днём он отправился в город.

И я остался один.

И началось для меня счастливейшее, благословеннейшее время.

Сколько есть разных рассказов и присловий о рыбалке, но одно мне всё же нравится больше, поскольку ближе к сути. О том, как русский царь ловит рыбу, а его беспокоят, что, дескать, прибыли послы из Европы... И следует, всегда бальзамом ложившийся мне на молодую душу, ответ нашего самодержца: — Когда русский царь ловит рыбу, Европа подождёт!..

В моём распоряжении был теперь огромный мир, остальное — подождёт. Большею частью отданного мне берега была долгая песчаная коса, огибавшая нижнюю часть села и луга с огородами, и Вотник, которого я совсем не опасался. Песчаная коса начиналась под церковью, гораздо выше того места, где дорога от дома спускалась к реке и на заливном лугу стояла кривенькая избушка, где что-то хранил перевозчик. Избегая контактов любого рода, я начинал свою рыбалку ниже этой избушки, и постепенно перебирался вниз по течению, от места к месту — я был счастлив и сосредоточен — теперь-то я мог сам показать, на что

способен, правда, пока только бабушке, совсем не разговаривавшей со мной по-русски, так что я себя иногда ловил на том, что хотел вставить в мою корявую (ослабевшую за зиму) коми речь какое-нибудь английское, известное мне, слово. Бабушка проглатывала любые мои филологические изыски, и прекрасно радовалась даже самому мизерному моему улову, вдохновляя меня, переживавшего в прохладном доме основную дневную жару, отправляться по своим утренним или вечерним следам по одному и тому же маршруту: быстрый спуск к реке, медленное движение от места к месту всё дальше от дома, и долгое возвращение.

Лучшими были небольшие омутки, образованные ухидившимися вглубь двойными рядами вкопанных в песчаное дно брёвнышек. Первоначально они должны были удерживать на этом месте песок, образуя плотбище, на котором дожидались весенней большой воды огромные плоты. Когда их перестали составлять десятки лет назад, тогда же и забросили обихаживать, оплетать, поправлять и эти брёвнышки — и они уже стояли кое-как, вкривь и вкось, будто покинутые детьми солдатики, а нежное течение мало-помалу ниже каждого такого ряда образовало тихий омут, пристанище моей рыбы, заходившей сюда отдохнуть с речной стремнины. Чуть выше брёвнышек ещё тянулась зыбкая мель, еле-еле удерживаемая ими, будто растопыренными пальцами. Мель, усеянная коряжками и затонувшей берестой, была почти безжизненна и быстроводна — кроме мальков мог мелькнуть здесь выводок пескарей, но и тот быстро уходил от берега, туда, где глубже. Течение упиралось в брёвнышки, обмывало их, но большей частью отбивалось от берега, и там, где ряды брёвнышек кончались, прорывалось дальше, образуя внешнюю границу омутка-водоворота. Вот где-то там и держалась рыба, видимо, ленивая, как любое живое существо, дожидавшаяся в затишке, когда же вода мимо потащит что-нибудь вкусенькое: червяка, гусеницу, зёрна, другую, уставшую, оглушённую сильным течением, рыбку. Или, может, течение складывало сюда, прибывало какие-нибудь рыбы вкусности, и они уже в определённое время каждый день, как по магазинам, обходили свои места, обшаривая прибрежные ямки и травы. И мы пересекались. Сходились утром, днём, поздним вечером. Здесь некому было следить за моим внешним видом, и я неизменно обшоркивался снизу до колен глиной, не успевавшей даже просохнуть до моего следующего (выбега, выскока) выхода на рыбалку. В кармане куртки гнездилась банка с червями, во внутреннем (в подражание отцу) — спички, запасная леска, крючки, поплавки, которые в течение зимы были сложены в коробочку, а здесь довольствовались бабушкиным фунфуриком из-под лекарств; в брюках — всякая мелочь, крошки, носовые платки комком, в которые на всякий случай были завернуты подтибранные лучшие папкины блёсны, и везде — запасной свинец на грузила. Черви тухли, если я их где-то замочил, а потом забывал вытряхнуть в основное ведро, сапоги приобретали ровную непроходящую влажность и рыбацкий аромат, пуговицы рубашек становились разнобойными (бабушка пришивала похожие по размеру на место тех, что я выдираю с мясом, расчёсывая под воротом от оводов и комаров), руки от мошкар, воды и отсутствия мыла распухли ровно по резинку куртки, бабушка, иногда всё же ревизуя мои карманы, доставала позабытые полиэтиленовые пакеты с изрядно потрёпанными остатками бутербродов. Всё это меня нисколько не волновало — я был весь в рыбалке...

С каждым днём я становился уверенней, изопрённой, усидчивей — в прибреж-

ной траве появлялись мои тропы, вытоптанные мной до предела миниатюрные полянки с выверенными до сантиметра положениями брёвнышек-сидушек, с всхлюпывающими, разболтанными, заполненными жидкой кашцей грязи ямками — держалками для втыкания удочек в одном и том же положении.

Жара и солнце были для меня гораздо менее привлекательны, чем накрапывающий, потихоньку постукивающий по капюшону мелкий дождичек — в такую погоду, мне казалось, клюёт лучше, хоть и осторожней. Рыба, клевавшая в разгар солнечного дня, мне казалась слишком самоуверенной, бесшабашной, в отличие от глубокомысленной и, значит, более весомой рыбы пасмурной бесконечности.

Я уже овладел разными способами лова. Ещё в Озле, в Визинге, где-то на подступах к Вотче, я оставил привычку новичков полукругом, через себя, со свистом, забрасывать удочку, по-мультиашному бодро снаряжённую поплавком-бочонком, стандартной и невзрачной дробинкой-грузиком, ещё в магазине привязанным крючком из набора юного рыболова... Ну что можно было поймать на такую снасть?! — неуклюжий поплавок проплывёт метра два-три — дёрг, дёрг! — кто-то клюёт, ударит по червяку так, что идут ровными кругами волны, и поплавок подмигивает, будто глаз у заводной куклы — в радостном возбуждении выдёргиваешь снасть с такой силой, что можно оторвать голову навеки испуганной верхоплавке-уклейке (то, что это она, можно не сомневаться — кто ещё станет так глупо и невыразительно клевать на такой глубине...) — и летит пустой крючок с рубчиком необклеванного несчастного червя!

Это для меня далеко в прошлом! и мои сверстники, пугающие подобным образом мелочь где-нибудь на пароме, вызывают у меня секундную снисходительную полуулыбку искушённого до тонкостей профессионала — ловите, братцы, ловите, балуйте, резвитесь, купайтесь до одури, рыбка ваша — будет наша!..

Ещё в Озле я научился тому, что удочку для ловли в проводку лучше настраивать деликатней во всех мелочах, для полной, максимальной информативности происходящего.

Магазинский крутобокий, дурашливо прыгающий по волнам поплавок — побоку! сразу списываем и навсегда! пусть валяется в холодной комнате деревни среди рыбацких вещей — для других, грядущих поколений, пусть обманывает их своей никчёмной крикливой внешностью!.. Теперь я терпеливо (не скажу, мастерски) выделял поплавки из гусиных перьев или выстругивал длинные папкины винные пробки, которые теперь вечно копил (хоть какая-то польза от выпивки), особо ценя некоторых производителей (по оттискам-факсимиле на боках пробок) за хорошее качество, нет, не вина, пробок — плотных, не крошившихся под лезвием, из которых получались узкие, чуткие, не боящиеся ни волны, ни ветра, при настроенной оснастке, будто живые и дружелюбные пробковые оливочки. Иногда, когда не было своих, я пользовался папкиными, раздобытыми в завалах дома, отслужившими, ещё годными к употреблению, если укрепить леску внутри парой-тройкой спичек (вот для чего с собой спички и нож) — но при первой возможности вытаскивал и ставил свои, родные: всё-таки папкины казались слишком грубыми, недостаточно чуткими, слишком уж топорными... Вот с леской была беда — тут шла внутренняя борьба между той, что потолще и попрочней (и значит, на более крупную), и той, что потоньше, почутче, незаметней, а значит —

более уловистой... Борьба начиналась в городе, в магазине, где всё же про запас высматривались, заготовливались разные лески (с крючками — та же беда, ровно та же ...) — и здесь, опытным путём, я приходил к некоторому шаткому равновесию в устройстве снасти. С крючками всё же было проще — я ставил два — на поводок подлинней шёл крючок побольше (на белого червя, на крупную), а на верхний, короткий — и крючок поменьше (на красного заглотыша-матросика, или вовсе на шарик хлеба).

Удилище тоже было подвергнуто улучшению — короткое, бамбуковое, почти детское, здесь в деревне, а не в походе — меня не устраивало (время телескопов ещё далеко впереди, да и то сказать самые первые, советские, дубинистые телескопы, я долго использовал, но только на щук...). Это была наша вечная головная боль — в любом походе в лес (даже возвращаясь с кладбища) мы высматривали подходящие тонкие длинные сосенки — годятся ли нам на удки, и не стоит ли прихватить с собой?

В конечном итоге у меня оказалась на руках парочка лёгких, просушенных — проглаженных до блеска, настоящих сосновых, в меру гибких, упругих, выносливых удилищ. Одно покороче, другое помассивней и подлинней — получивших от меня соответствующую их характеристикам оснастку (они погибли уже потом, когда у меня появился свой дом, а троюродные братья-племянники, живо пообломав чуткие кончики, превратили их в негодный ни на что хлам).

Теперь я готов был ловить по-другому, чем просто папкин спутник на рыбалке, по-серьёзному, так же, как отец, расположившись основательно, на хитрую, на донную. Это способ, когда на обычной удочке подтягиваешь поплавок почти к самому верху, и забрасываешь удочку (с чуть-чуть, в меру утяжелённым грузилом) почти на всю длину. Теперь наживка всё время на дне, волочитя течением, переваливая гирлянду моих маленьких грузил из одной ямки в другую, пока не установится хрупкое равновесие между течением, не пускающей дальше чуткой, натянутой леской и провисающим под углом поплавком. Соответственно, сложности и трудности возрастают. Теперь надо следить, чтоб не запутался поплавок с леской об удилище при забросе, так и норовящий сделать пару оборотов, будто обмотать ноги скакалкой. Особенно непросто всё филигранно повторить, когда знаешь, что только что была хорошая (нет, отличная) поклёвка, и надо тихо и точно положить насадку (без всплеска) чуть выше, чтоб учесть всё — и снос, и глубину, и расстояние...

Следующее препятствие было в том, чтоб распознать характер поклёвки — когда клюёт рыба, а когда просто волочит течением насадку по дну, или порывом ветра резко отклоняет поплавок.

Третье — надо знать дно. Так, чтоб не цепляться, чтоб быть уверенным, где можно себе позволить разные вольности, а где ждёт зацеп или подводная кочка. Четвёртое — я упоминал, что у меня на удочке было, конечно, по два крючка! Повыше и поменьше для насадок (и рыбы) послабее — на кусочек теста, или красного червя, нижний — на крупную.

Чтоб всё это не путалось, не рвалось со психа (в сердцах ведь рвёшь и ругаешь удочки и запутавшиеся лески, будто они живые), приносило улов — приходилось быть с удочкой практически единым целым.

Вот — дёрг! пауза, дёрг-дёрг! пауза, дёрг! — нагло рвёт червя, через небольшие

промежутки-отскоки. Я знаю — это пескарь, его дерзкая, разбойная поклёвка, очень вредная, потому что он резв и опаслив — наскочил, отпустил, снова налетел, отпрыгнул. Подсечь его, нахала и сорванца — проблема. Иногда он вылетает, уцепившись за хвостик червя, и шлёпается на урез воды, или в траву, в оконце, стрелой сигая обратно — кажется, ошалел, нахал, контузило, а попробуй поднеси руку — схватишь только облачко мути.

Вот что-то совсем другое, непонятное какое-то жевание, кто-то долго невнятно скребётся, как мышь, еле потыркивая поплавок, потом вдруг потяжка, как у большой рыбы, но я не обольщаюсь — это ёрш. Этот может мурыжить, мусолить червя долго, незаметными движениями заглатывая червя до самого чрева, до желудка. Снимать его (если не двух, на обоих крючках), плотно, как партизан, сомкнувшего пасть — то ещё удовольствие — мучение, и так и сяк потянешь леску, и не видно даже хвостика крючка — вот обжора! И в сердцах уже дерёшь напрямую, и что-то хрустит, отрывается внутри колючего сопливца — всё, взял взаглот, этого даже отпусти — поплавает боком, побрыкается, а потом всё равно уже всплывёт вверх брюхом, хана ему. Так главное, ещё и червя измусолит, изсопливит, изгадит так, что волей-неволей приходится менять на нового. А ещё и внутренний голос просыпается — так, раз клюёт ёрш, то хорошего не жди, он может сколько угодно вот так не давать другой рыбе подойти... Может, домой, а? В сухость, в тепло, к книгам, к бабушке, на мягенькую уютную постель, туда, где кофе с молоком... Не-ет, так просто от реки меня не выманишь — я настырнее ерша, застрял тут, прочно, можно сказать, насовсем.

Подружка моя красноглазка, или сорожка, которую ещё и плотвичкой могут назвать — моя отрада и надежда, раз она здесь, то жди и других гостей, покрупней. Она, бывает, берёт по-разному, может так же, под ерша, несколько блекло теребить, тарабанить, а может взять и поуверенней, раз-два-три! — с ударом в конце не хуже пескаря. Если удочка хорошо отрегулирована, то видишь всю её поклёвку, от подхода до момента, когда пора подсекать — тут уж всё в моих руках, главное, чтоб поклёвка была...

Елец, подъязык — о! вот это мои коренные, закадычные друзья-красавцы. И выглядят отлично, и клюют красиво, чисто, быстро, уверенно, по возрастающей, без каких-то там отскоков и пауз — дёрг-дёрг! — дёрг! — тын! — сильная потяжка, аж удочка гнётся! Если ждал и успел всё увидеть и подсечь (а то смотришь по сторонам, на облака, на плывущие брёвна, на далёкий самолёт, отвлекаешься на слабый звук за поворотом — не моторка ли, не водомёт ли несчастный с его вражескими волнами?) — отлично, тут уж не зевай, без слабины веди к берегу, сглаживая рывки пружинистостью удочки. Можно так вытащить на песок, можно с разбега выкинуть подальше — тут уж всё решаешь сам в доли мгновений. Не подсёкся, промах? Скорей новый заброс — пока не ушёл, клюнет обязательно, если не накололся на крючок. Если в улове было несколько ельцов или хороший подъязык-голавлик, то можно было смело отправляться домой — на уху есть! (главный мой ответ на все расспросы прохожих) — но мне этого было мало, без самой моей тогда долгожданной поклёвки — когда клюнет ляпка — подлецик.

Леща у коми различают по размерам гораздо скрупулёзней, чем в России: ляпа пи — это сын ляпки (молодого подлещика), то есть самая молодь. Потом сама ляпка, ляпа. За ней уже идёт палтан, то есть нормальный, взрослый,

натуральный лещ. Но есть ещё и ёді — это лещ матёрый, штучный, размером с поднос, чуть не с особым отливом чешуи, воронёной, с проступающей от жизненных битв краснотой, почти что с благородной патиной, приобретённой вековой бронзой кольчуги. Это уже был удел матёрых, тоже прожжённых годами, рыбаков — я-то, конечно, по первоначальному был нацелен на ляпок и их молодь, которые были жемчужинами моих уловов (в мечтах, выставивших до неприступных холодных бронзовых гигантов).

Ляпка обычно клевала наиболее волнующе и завораживающе. Я являлся на место задолго до хорошего клёва и успевал обустроиться, чтоб закидывать удочки максимально чётко (совсем не так, как на известной картине про горе-рыбака с торчащими растопыренными неуклюжими корягами с одним только названием удочек). Заострённый конец моей удочки либо легко втыкался в заранее расширенную, хлюпающую от натекающей воды, лунку, а сама удочка ложилась на чурку, либо устраивалась между заранее приготовленными, лежащими параллельно брёвнышками — так, чтобы поплавок практически висел над водой, чуть-чуть не касаясь в ослабленном состоянии, и чтобы легко можно было в любой момент выдернуть удочку и подсечь рыбу.

И сам я вовсе не нависал над своими снастями, как тот картинный чудаки, а старался быть как можно тише, незаметней, правая рука лежала на комле удочки, поплавок был на виду (если мешало солнце, я чуть двигался сам) — наживка потихоньку скатывалась по дну вниз по течению, и он каждый раз слегка сдавал назад, отмечая, как груз переваливает очередную подводную песчаную дюну.

Ляпка приподнимала червячка с крючком со дна (когда я был совсем маленьким, то так играл с пойманной рыбой: надавливаешь на жабры, и рот открывается клапанчиком вниз, губы округляются, чтоб что-то подобрать — оп! оп! клюёт!..) — леска мигом слабела, и поплавок на это реагировал волшебным образом — он будто обмякал в изнеможении, падал, но не так, когда наживка волочилась по неровностям дна, а совсем по-другому, по-живому. Постояв, постояв, даже попытавшись закружиться в кольцо, леска начинала наконец натягиваться, поплавок оживал, поднимался всё сильнее — вот уже почти всё в струнку, навытяжку — и тут надо было подсекать: рыба взяла и уже ведёт! И если всё было удачно — то за подсечкой на удочке ощущалась глухая тяжесть, от которой совсем перехватывало горло (дыхание кончилось ещё раньше, когда поплавок упал, после подсечки-удара вся жизнь сосредотачивалась в кистях рук, а сердце металось по телу, само как пойманная рыба, как зеркало отражая все её движения) — справляясь с собой, надо было выводить грузно ворочавшуюся где-то там, крайне недовольную рыбину к берегу. Если удавалось в какой-то момент поднять её, чтоб она хватанула воздуха, то было легче — ляпка ложилась пластом, и я (хотя это и не совсем правильно) перебирал удочку всё ближе к вершинке, а потом уже тянул, тянул за леску, к берегу — и вытаскивал её на бережок, на песок, падал сверху, прижимал, нащупывал голову, жабры, и отбрасывал подальше (зачастую руша всё вокруг — банки с червями, сумку с запасной оснасткой и уловом, чурочки-держалки и сиделки), стараясь всё же не шуметь — ляпки не ходят поодиночке, они толпятся стайками, и возможно, остальные ещё здесь, могут снова подойти. Поэтому времени рассматривать рыбу (к тому же это была плохая примета) я не тратил, дрожащими, торжествующими пальцами я залезал

ей под жабры или надавливал на глаза и отцеплял свой победный крючок, нисколько не заботясь о том, что и руки, и куртка получили изрядную порцию крови со слизью. Главное — сделано! Можно теперь спеленать добычу, чтоб не шумела, и не смогла выбраться из сумки — и продолжать дальше закидывать свою счастливейшую в мире удочку.

Если ляпки попадались достойные, крупные, то я продевал их сквозь жабры веточкой ивняка, и так и нёс по деревне до дому, стараясь, чтоб видели все. Хотя, конечно, я знал, что какую бы рыбу ни принёс — бабушка обязательно восхитится, и что-нибудь изготовит. И главное — всё будет съедено до последней мелкой косточки в рыбьей голове, ведь мне несказанно повезло — бабуля, как чайка-рыбница, обожает рыбу наравне со мной — и принеси хоть с палец, с мизинец — всё равно употребит, похваливая, до последней косточки, чешуинки, бережно, всегда уважительно к улову, будь то хоть распоследняя смесь ершей с малявками-красноглазками! И это придавало радости, бодрости духа — я же не просто удильщик, нет — я рыбак, добытчик, кормилец, почти как отец, как дед, как далёкие-далёкие предки с их бронзовыми крючками. Не то что какие-то там туристы по жизни.

Чем больше я узнавал реку, тем больше открывалось возможностей — даже небольшие щучки в начале лета могли попасться на моих заманчиво скрутившихся червей, клюя непримечательно, простым рывком. Но в самые первые самостоятельные дни мне пришлось туговато: где-то в верховьях реки прошли обильные тёплые дожди, да к тому же к началу июня стали интенсивно таять болота — и река стала разливаться повторно. Коса моя была залита, превратилась в цепь недоступных без лодки песчаных островков. И я вынужден был вместе с этим разливом отступить почти на край леска, под Вотник. Ко всем прочим сложностям у берега было мелко, вода затопила уже прорезавшиеся светло-зелёной травкой прибрежные луга, и мне надо было срочно решать — что делать? как быть? Удочкой не половишь никак, ни в проводку, ни по-донному — кругом на дне трава, сплошные зацепы, способные довести до белого каления «даже меня» (а кого ещё? кругом на речке никого не было на километры — никому и в голову не приходило ловить в эту пору, а если и приходило, то было некогда, я был один как перст). И я сделал всё по-другому, по-своему — не так, как мне говорили ловить — среди вечно неразобранных запасов в старой половине дома, тоже отданной мне в моё, разумное, конечно, владение — я насобирал древние, с засохшими комочками водорослей, лески потолще и попрочней, выцветшие, белёсые, бывшие когда-то нарядными и разноцветными. Набрал старые свинцовые грузила-пластинки, не раз уже использованные нашими семейными спиннингистами, уже едва гнувшиеся, рвавшиеся по сгибам. И соорудил великолепные, подручные для меня только донки (на первых от жадности было по пять-шесть крючков, но скоро их стало два или три, около грузика, на которые только и ловилась рыба).

Ранним утром я выдвигался на свой бережок, издали уже примечая следы, где вчера была вода, и где она сегодня, вынимал оказавшиеся уже в воде свои прутики, втыкал их по-новой, к самому урезу, привязывал к ним донки, и забрасывал их. И устраивался ждать поклёвок. Конечно, на донки поклёвки видно было хуже, чем на тонко настроенные удочки. Порой ерши с пескарями делали своё чёрное дело весьма безнаказанно, но тем не менее, служившая теперь вместо поплавка

обыкновенная щепка (колокольчиков я нашёл всего парочку, ржавых, старых, глухо тумкавших, а не звеневших, и насаживать их на толстую леску было неудобно — на леске всегда оставались ненужные сгибы, а толку мало), тоже повешенная так, чтоб прижимать леску пониже — реагировала на хорошую поклёвку не менее красиво. Особенно первая, первая в жизни самостоятельная, моя от начала до конца, и поклёвка, и ляпка.

Я ещё не был до конца уверен, что делаю правильно, порасставив прямо под пихтовым пологом Вотника свои закидушки, и примостившись так, чтоб не вертеть туда-сюда головой, у крайней, откуда мне было видно всё. По пути я сорвал два еловых ещё нежных, ещё слабо-салатных, блёклых отростка пушистика, разгрыз их, и теперь во рту было также светло-зелено, нарядно, как всё вокруг — терпкий вкус перекачивался по языку мелкими, похожими на утренние речные, волнами — я был на подъёме. Невзрачные поклёвки какой-то мелочи меня только раззадорили — и вот ближняя щепочка опала, безвольная леска будто оборвалась где-то там в глубине реки, и потом — тын, тын, тын! — начала потихоньку натягиваться, натягиваться, вот-вот уже и прутик согнётся — надо было подсекать! Моя рука уже лежала на расщеплении прутика, откуда выходила леска — и я резко, коротко поддёнул её, ограниченный только волей — подсесть, но не вырвать с мясом, подсесть, но аккуратно... Есть! — там, возле грузика что-то дёргалось, упиралось, недовольно мотало головой, будто бык на корриде из телика — несколько минут осторожного, с затаённым дыханием, вываживания, слившихся в одно острое, не идущее в счёт жизни, мгновение — и вот она, красавица ляпка, обхватить которую поперёк не хватает моей ладони... — моя первая, моя радость, надо бегом домой, к бабушке! Вот теперь можно и кофе, и какао и даже чуть подкисшее козье молоко, густое, переливающееся перламутром, которое каждый день приносила для меня тихая соседка — да, теперь можно и ставшего восхитительным козьего молочка...

Бабушка Лиза, конечно, попервоначалу моих походов, тоже со мной намаялась. Я прибежал с этой первой ляпкой, вдохновлённый, на следующий день попалась вторая, ещё крупней, увесистей, тянувшая на самостоятельную уху — и я пропал. А бабуля первое время пыталась поздними вечерами, когда уже в темноте и склоны холмов, и дома, и церковь выглядели одной тёмной, едва очерченной массой на фоне пепельных разводов облаков — выходить на берег у пекарни, и одинокой ночной птицей звать меня с высоты: Юрик! Юрик! Иди домой!..

Но я уходил всё дальше. И всегда возвращался. Не на зов, а когда уже невозможно было ловить и разглядеть поклёвку — бодрый, с уловом, с аппетитом к еде, к завтрашнему дню. И бабушка успокоилась, смирившись — пусть так всё и идёт.

Дожди в верховьях, видимо, закончились, и вода быстро отступала, отдавая солнцу размокшие, ярко-зелёные луга, обманчиво-светлые — ходить по ним было одно мучение — сапоги миглом увязали в налипающей пластами грязной жиже. С водой отступила и рыба, и я, наконец, перебрался на свою косу с брёвнышками, так и не поймав щучки, которую спугнул папка. Я пытался. Даже соорудил специальную снасть — прицепил к удочке леску с папкиным подкопчённым на костре «Байкалом» — но ничего не поймал, только один раз какой-то шальной

окунь выстрелил из-под коряги по направлению к моей блесне, дошёл, но так и не схватил, а как-то удивлённо и разочарованно в неё тумкнул — и мигом упорхнул, видимо, ошалев от своей смелости — как это он рискнул из-за такой пустяковины выскочить на середину мели. Мель, мель, сплошная вязкая мель между Вотником и горящейся слоновьим хребтом длиннющей песчаной косой, которой мне уже было мало. Ниже, где она всё же заканчивалась, был поворот реки, уходящей от села к Первомайску. Там я поймал первую свою щуку. Но сейчас там постоянно толпились, сталкивались, кружились брёвна, мешавшие мне ловить — и я шёл дальше, дальше, минуя уже овраги на дороге из деревни в город — первый, второй, третий, тонкая полоска песка на берегу исчезала совсем, дальше уже берегом шёл только обрыв и нагромождение неуютных торфяных глыб у воды, среди которых мне ловить не нравилось, к тому же здесь сразу у берега было и сильное течение, и глубина, а сверху неожиданно могли появиться какие-нибудь зрители-прохожие, всегда весело и неуместно начинавшие интересоваться уловом, и болтать — да чей я сын, да чей это я внук, да как там бабушка поживает (которую они вчера в магазине видели...) — в конце концов я находил несколько причин, чтобы смотать удочки и быстро двинуться дальше, к последнему пункту моей утренней рыбалки, к объекту последней надежды — к узкому, глубокому чёрному озеру, тому, где мы с папкой таскали щук на дорожку.

На озере почти всегда было затишье — оно лежало глубоким полумесяцем в окружении высоких луговых трав и кустов, так что чем сильнее на реке царствовал ветер, тем быстрее я оказывался в укромной тишине отливающих угольной чернотой заливчиков своего озера. Здесь приходилось вновь перенастраивать оснастку удочки, менять наживку, и даже крючки ставить поменьше, на чуткую озёрную рыбу, ходившую по моим наблюдениям, у дна, у корней лопушков и лилий, между которых теперь надо было точнёхонько устраивать мои удки. Здесь я тоже осторожно, как сурок, шуршал, передвигаясь от заливчика к заливчику, от окошка в водорослях к более привлекательной прогалине. Кое-где к озеру вообще было не подобраться, с моими размерами и ещё мальчишеским ростом, зато к середине лета вдоль озера мной были вытоптаны за долгие дни специальные полянки, чтоб всё было на виду и под рукой — и держалки для удочек, и площадка для банки с червями, и местечко для рыбного мешка. Не помню уже, когда я сделал основное своё «озёрное открытие» — что местная рыба почему-то неважно клюёт на червя, зато постоянно сманивается на смесь круто сваренной манки с мякотью чёрного, влажного, липковатого деревенского хлеба из пекарни. Всё это, смятое вместе в единую, бежево-серую с белыми искрами манки, массу — имело своё особое название на коми языке — комоль, хотя по-русски это никак не называлось — каша да хлеб, наверное, из-за того, что такую смесь для ловли использовали только у нас — отец на шарики комöля, долго и упорно державшегося на крючке, становившегося к третьей-четвёртой закидке пупырчатым (от потихоньку размывавшего мякушку течения, оставлявшего зёрна манки) — ловил лещей и язей. А я, втихаря отщипнув себе небольшой кусочек (куда из заветного пузырька было ещё капнуто анисовое масло) — решил попробовать комоль-кашицу здесь. И не прогадал. На неё клевали самые отборные, самые загадочные, огромные черноспинные сорожки, не уступавшие по размерам моим лучшим речным ляпкам. Они клевали невероятно нежно и красиво, просто дух захватывало, как

от лучших моментов в книгах про тайны, приключения и таинства человеческой любви.

Вот всё настроено — я в травяном укрытии, передо мной, в прорези травы, будто окно в другой мир — где в небольшом окошке таинственно-манящей воды, два моих почти притопленных, очень чутких дружка-поплавка. Вот один пошевелился, поёрзал, потанцевал на месте какой-то ритуально-сигнальный призывающий танец — и поплыл, поплыл, ускоряясь, в сторону разлапистых зелёных блинчиков — листов кувшинок — только подсекай и тяни вверх и вбок, чтоб не ушла, не запуталась, не сорвалась!.. Тут уж вываживать практически негде — я и так почти во весь рост скрыт в осоке — надо тянуть вверх и на себя, чуть не на грудь, чтоб не улетела абы куда, чтоб волшебная рыбка не шлёпнулась в траву, оторвав крючок, где потом её и не найдёшь среди высоких кочек и недовольных комаров...

Иногда поклёвка выглядела невзрачно, неестественно — но рука вдруг при подсечке ощущала удивительную, бесподобную тяжесть на удочке, необычную до тех пор, пока не покажется красивая стрела-гирлянда из глубины — оказывается на обоих крючках по огромной, угольно-серебристой, с благородными нежно-оранжевыми мазками плавников и глаз, сорог! Редкое и кратковременное счастье, выпадавшее в так и не познанной мной зависимости капризного местного клёва — от времени суток, предгрозовой духоты, а может, наоборот, от вялости тех щук, что мы здесь брали на дорожку, которые мне в одиночку пока не были доступны. Я знал, что они здесь, рядом. И это придавало какой-то незавершённости и надежды моему лову — даже если клёв кончался, я был уверен — моё время придёт, и я ещё вернусь...

День давно в разгаре, волны влажной жары накатывают с одурманенных, стрекочущих на километры вокруг осушенных лугов — и озеро пройдено, и рыба в сумке вот-вот схватит этой ненужной ей жары, и начнёт мягчить брюшками и сохнуть чешуёй — всё! Пора домой. Что поймал, то поймал — жадничать не стоит, ведь после полуденной жары, к вечеру снова можно на речку, а завтра — новый день... Ну, последний заброс, самый последний-распоследний, и — шабаш, баста... Ну вот самый-самый-самый последний, в конце озера, на любимой канаве (их тут в торфе нарезали мелиораторы — пропасть) — о, что-то есть, ершишка, хиленький окушишка... Всё.

Возвращался я обычно тем же путём, что и попал сюда — от озера по тропинке к реке, потом берегом, берегом — первый омуток на косе у брёвнышек, второй, третий, мимо Вотника (а это уже считай дома) — и вот дорога, подъём, высохшая до окаменелости глина будто толкается, недовольная тем, что я лезу по дороге всё выше, опираясь на неё, попирая, отталкивая, поскрипывая приятно журчащими под сапогами камешками и чёртовыми пальцами — и вот уже пекарня, и видна крыша соседского дома, а за ней — наш, и дорога всё положе, не сопротивляется, стелется.

Не знаю, почему я шёл именно так — хотя основная, хорошая дорога шла от озера прямо к селу. Может, не хотел, чтоб бабушкины подружки увидели меня и доложили ей, вновь пугая какими-то неясными угрозами, что я забираюсь слишком далеко от дома (на несколько-то километров, пхе?!). Может, просто не хотел идти в таком виде по селу — со спутанными, гремящими поплавками, удочками, с

сумкой, где не так уж и много рыбы, — и обязательно кто-нибудь, неузнанный мной, пристанет — да что поймал, да где... — а скрытность первый друг, если хочешь быть рыбаком, а не балаболом. И всё же этот путь казался мне лучше, пусть и длиннее, и никто не подвезёт — зато это все своё, где каждый метр каждым днём пополняется новыми чёрточками, приметами, будто проясняющимся до мелочей зрением — и каждое из этих мест судится мной: это — нормальное, хорошее, гармоничное, перспективное, уловистое, а вот то — бестолковое нагромождение неблагородного, замусоренного песка, гнилых коряг, коровьих мин-лепёшек и закисающих скоплений мелкой обуглившейся на солнце коры с брёвен — и всё-таки, в целом, всё это были части благороднейшего, отточенного часового механизма, который кто-то двигал, бесконечно заводил, наполнял, подчищал — даже когда я шёл мимо и его не касался, давая отдохнуть реке от моей насыщенной любви.

У меня были с собой спички, чуть еды, но я в отличие от других рыбаков, никогда не разжигал костёр, как бы ни мёрз, как бы глубоко ни промок — ведь было некогда: костёр — слишком долгое и хлопотливое мероприятие для моих обыденных походов. К тому же он наверняка бы отпугнул рыбу. Поэтому я готовился мёрзнуть, мокнуть и сбежать домой в крайнем случае.

Из рыбаков я почти никогда никого не встречал. Только однажды на озере встретился с первомайскими ребятишками, которые сильно удивлялись — что я тут ловлю? и почему у них-то ну ничего не клюёт на червя, даже не дёрнет ни разу, не подразнит? Я-то знал секреты и поделился с ними комóлем по-братски, который они тут же окрестили в «кому». И (я-то знал результат заранее, но молчал) действительно — вот те на, на какую-то невзрачную серенькую «кому» — дело у них пошло. Они мигом расположились по уже пройденным мной на тот момент местам, и стали бойко таскать некрупных, правда, сорожек (крупных-то я уже взял, словил — но если рассказывать первым встречным всё, то останешься с носом). А я забрался подальше от них в свои любимые, протоптанные мной одним, места, всё же отмечая про себя каждый их удачный миг — с долей ревности и некоторого превосходства.

Кроме бабушки в курсе моих ежедневных успехов и неудач был местный, равнодушный не только к рыбалке, но и к трезвой жизни, местный пастух. Утром и вечером мимо Вотника гоняли стадо коров, которые паслись под склонами сельских холмов и покосов, на заливных лугах, которые тянулись длиннющей полосой между рекой и холмами. Пастух был неопределённого возраста, весь обвешанный какими-то кожаными причиндалами: на боку висела полевая сумка со стаканом и закуской, через плечи, будто анаконда, свешивались длиннющие вожжи, кнут. Он курил, жевал, буркал что-то под нос, интересуясь клёвом, и проходил дальше, зачастую не дослушав мой обстоятельный отчёт.

Однажды одна коровёнка застряла в трясине неподалёку от меня — мне каждый день доводилось по несколько раз штурмовать её туда-обратно по кочкам, и я знал все её особенности. А корова-дура, не знала — и завязла. И стала орать, а пастух, видимо, хлестал её своими плетьюми и материл безбожно, но ничего не добился. И это был один из самых беспокойных моих дней — вызвали трактор, корову, обвязав путами, выволокли, но при этом одна нога у неё оказалась сломанной — и в конце концов, всё также мерно жуя, покуривая и матерясь, её погонщик

тут же её и забил. Я держался в стороне, на расстоянии отчётливой слышимости, и только раздражённо и гневно отмечал все эти бестолковые подробности людских действий, без надобности потревожившие мой мир, осквернившие своими мясомолочными страданиями мой берег, мой распорядок дня и жизни, сбившие ритм, в котором билось моё сердце, гармонию, в которой плавно, будто большая рыба, двигался мой детский разум — мир, в котором я привык распоряжаться всем, что есть, тихо и разумно.

Однажды на меня напали чайки. Я только расположился у одного из своих омутков на косе, как они, будто «мессеры», развернулись и пошли на меня в атаку — две злые сущности, две голосистые дерзкие птицы. Они поднимались высоко вверх и резко пикировали, отворачивая в сторону около самого лица, будто фашистские «фоккеры» в лобовой атаке из фильма. Я удивлённо махал удочками и вынужден был, оглядываясь — что же я затронул? гнезда вроде не видно... — отступить, идти дальше, так и не обловив ни этого, ни нескольких последующих местечек, пока они, наконец, не отвязались. Хоть я и отступил, но больше чаек впоследствии не видел — видимо, и они поняли, что это мой мир, в котором я не потерплю ничего лишнего, особенно криков и истерик. Правда, дважды в день по реке вниз и вверх ходил сплавной катер-водомёт. И это, конечно, было зло, с которым я ничего не мог поделать. Он надолго нарушал спокойствие, размеренность и чистоту реки, грубо сминая существование в ней рыб, пытаюсь затронуть, показать свою власть над каким-то внутренним расположением вещей в мире, показать себя хозяином там, где открывались невзначай гармония и вечность, которые я познавал, пытаюсь действовать в согласии с ними.

У меня были единомышленники. Папка приехал надолго, и я уже в качестве хозяина повёл его по своим местам — показывая, где и сколько мною поймано, где я попробовал-таки по его совету поставить леску потолще и нацепить блесну, и как метнулся из-под коряги один-единственный шальной окунёк, проводил её и отвалил куда-то в сторону. И как я без сожаления оставил этот вид охоты, потому что «моих» щук тут, по-видимому, не было, и переключился на донки-самоделки, и где я поймал первую ляпку. Мы шли, я рассказывал о пойманной и непоиманной рыбе, о том, какие огромные красноглазки на озере (папка сомневался, а мне и доказать-то было уже нечем — всё съедено до последней косточки, только бабуля может подтвердить, какой я всё-таки заправский рыбак, и вовсе не приукрашивающий ни одной детали).

На берегу, на одной из «моих» засидок у рядков брёвнышек сидел какой-то немолодой рыбак. Мы подошли, как водится, вежливо поздоровались и поинтересовались, как клёв. Он что-то ответил, но и так всё было хорошо видно: у него в садке ворочались красавцы-подъязыки и ляпки, на которых я загляделся непроизвольно, и тыкал папку в бок — видишь, нет?

Мы пошли дальше — улов рыбака, несомненно отмеченный папкой, лучше всего подтверждал мои слова, да и меня подгонял к тому, чтоб ещё сильнее вжиться в мой загадочный, неизменный, обновлявшийся каждый день, мир, неисчерпаемый и тёплый, что подтверждали золотые подъязыки в садке, игравшие на солнце.

Конечно, я, как любой рыбак — не только ловил в нём рыбу. Однажды мне кто-то подарил пластмассовый катер на батарейках. Он стоил довольно дорого.

И я сначала запускал его в мелких лужах, не связанных с рекой, оставленных её вешней водой. Катер быстро пересекал лужу и влипал в какую-нибудь мель или тину, и приходилось обходить топкую веретейку и лезть в грязь за слишком неповоротливым, созданным для просторов катером-неумёхой. Потом я всё же не выдержал и попробовал его запустить на реке, и он тут же увильнул — с концами, подхваченный неумолимым течением.

Та же судьба была определена и сборному воздушному змею. Мне купил его папка в магазине «Спорттовары», куда мы иногда заходили вместе, и где я старательно тёрся возле самых нужных мне вещей — клюшек, грузил, тройников, и вот — на тебе, воздушный змей! — ну почему бы не купить? Я никак не мог запустить его — во дворе у бабушки ветер был слаб — змей шатался и только едва поднявшись, елозил хвостом по земле. Наконец, уже на берегу реки я разозлился и поймал ветер, какой мне нужно — змей резко поднялся и, совсем не управляемый мной (как и катер), ещё резче спикировал вниз — опять в стремнину реки, где исчез навсегда, мелькнув напоследок обломками реек, и утопая, оборвав толстую леску, которая потом пошла уже на более толковое дело, на донки.

Вот так река забирала и уносила лишнее и давала необходимое — и это было счастье, сравнимое с жизнью, с её ценностью, поделённое на малюсенькие куски длиной в детские летние сутки.

Моя канава

Говорят, раньше, то ли до войны, то ли аж до революции, на противоположном от нас берегу реки, чуть ниже того места, где дорога превращалась в вадыбскую лодочную переправу, была канава. То есть глубокая тиховодная промоина в реке, в которой каждую осень наша семья неводом ловила лещей на год, на зиму (даже сторож там был — от чужаков). Она так и называлась Важъяк-канава, по нашему родовому имени-прозвищу. Я уже не застал тех лещей, да и канаву затянуло понемногу, но основательно, песком. И лещи, видимо, перебрались в другие, менее шумные, зато глубоководные и кормные места, или разбрелись.

Зато у меня появилась своя канава. Папка с дядей Мишей приехали в деревню на пару дней, оба торопились куда-то, каждый по своим делам — кто картошку окучить, кто в лес — короче, некогда им было сходить на рыбалку основательно, и они достали старый коротенький латаный-перелатаный дедовский бредень — надо сказать, запрещённую тогда почему-то, считавшуюся браконьерской довольно безобидную снасть (уж если что было запрещать — так это ловлю всякими там «начальниками» рыбы во время нереста, да сельхозхимию...). И взяли меня с собой — носить в сумке рыбу, и «если что» — давать с нею стрекача в гору, чтоб хоть рыба не пропала, да и то сказать: нет рыбы — нет и нарушения, а бредень — эт баловство, эт мы так, полоскаем старую рухлядь, забирайте, коли вам нужно...

И папка с дядей, обсудив эту тактику отступления (папка, выкурив «Беломорину»), начали облавливать песчаную косу от церкви и ниже. Вечер был уже поздний — спецом, к вечеру, как известно, рыбка к берегу подваливает — и комары навалились на нас по-серьёзному. Мне доставалось, а уж папке с дядькой, в их мокрых трикошках и старых, недорванных (и выкинуть жаль, и носить

невозможно) дедовских рубашках — получали полновесные порции бесновавшегося от нашей наглости комарья. Мы маялись и азартничали, взрослые переругивались, а я, впервые осознанно преступив закон, включил все чувства на полную, чтоб ещё издали почуять неведомую опасность, услышать стук лодочного мотора или усечь боковой линией любое незнакомое движение — помимо того, что волей-неволей взволнуешься, когда дело идёт к тому, чтобы закончить очередную тоню и выволочь бредень на берег: только бы не топляк, не зацеп, чтоб не впустую... что там в мотне, правильно ли она волочится по дну, отчего задёргались поплавки? — папка идёт поглубже, почти плывёт по шею, наверно, как некий морской конёк, только на кончиках пальцев, на носках перебираясь по дну, дядя Миша ближе к берегу — вот они сходятся, держа палки наперевес, под углом, будто хоккейные клюшки, вот одновременно, коснувшись друг друга, быстрым рывком взбираются на берег, синхронно, сосредоточенно — дядя Миша весь облеплен комарами, но ни одного лишнего движения, папка наоборот — весь мокрый, в углу рта повисла чуть подмокшая «Беломорина», старая кепка набекрень — но весь взгляд, не задерживаясь на мелочах — весь там, где мотня — трепещется ли там что-нибудь, ворочается, блеснёт ли серебром полновесная удача? Е-есть... Казавшаяся в темноте простой корягой забилаясь, заворочалась щучка, увязнувшая в блескучих ромбиках сетки своей зубастой полуулыбкой — эх, проглочу!..

Когда от церкви мы потихоньку спустились до нашей дороги, почти до Вотника, папка кивнул на небольшую протоку, отделявшую коренную песчаную косу от насупившегося, старательно хмурившегося в темноте своими пихтами незлобивого Вотника: — А там есть что?

Он спросил меня, потому что я тут хозяйничал, это были уже мои места, которые я, казалось, излазил вдоль и поперёк.

Не знаю, я всегда проскакивал мимо этой еле движущейся, лениво колышущейся воды, слишком близкой к дороге, которая упиралась в хвостик ручья, соединившего реку с этой проточкой — меня ведь всегда манило дальше, дальше, где не обловлено, где мерещится самая крупная, непойманная.

Всё же попробуем, решил папка. Я не возражал, хотя и несколько сомневался: ну что может быть тут, под ногами, ведь, как известно, рыба ищет, где глубже, а тут и не очень глубоко, да и деревня, пекарня — вот она, рядом, на виду. Не зная моих сомнений, папка с дядей Мишей забрели в воду, расправили бредень — течения почти не было, и поплавки просто встали на какой-то миг в ряд, поперёк всей всего в несколько метров проточки-канавы, и в длину-то тоже невыдающейся, всего на один заход, на одну тоню, от самого хлипкого начала до ямки перед рядами сваек-брёвен, сквозь которые лениво сочилась вода. Я даже и не переживал сильно о зацепах — ну, подумаешь, экспериментальный заход, можно и покуражиться, списать всё на неудачную идею. Но зацепов не было, и мужики вышли на берег, с шелестом вытянув почти к краю пихтарника бредень.

Смотри, вот это да, смотри! мотня бредня пошевеливалась, будто кипела, в ней живыми серебряными лепёшечками бились мои вожделенные ляпки и палтаны. — Во где надо ловить-то, а, рыбак? — подмигнул мне отец, выправляя из сетей рыбок, хватавших воздух, будто уставшие от марафона бегуны. Я бросился помогать, и даже ни капли не расстроился, что я-то, важнящий рыбак, проглядел прямо под носом такое местечко, и что мы его сегодня опорожнили. Наоборот, я

был рад — значит, раз тут есть рыба — мы её поймаем. За один раз всё не вычерпашь, не возьмёшь — наоборот, очень, очень хорошо, что спокойно прошлись тут бреднем — значит, гарантированно серьёзных зацепов тут нет — можно смело ловить, и мы ещё посмотрим — может, бреднем-то мы только мелочь зацепили, а крупная-то увильнула от столь грубой снасти, как старый дедов бредешок. На то и удочки, лески, и тончайшее искусство ожидания, терпения, воли. Мы вернулись на косу и пошли дальше вниз, но меня уже мало волновало происходящее — мыслями я уже был там, на берегу загадочной канавы.

Мигом миновали и баня, и окучка картошки, и заготовка веников, и поход на кладбище — и вот я вновь остался один, хозяин бесконечного богатства — летних дней. И приступил к осаде своей канавы, которая была опять на первый взгляд совершенно невзрачной — неширокой (я мог при неловком забросе запутаться за траву на той стороне), неглубокой (только в конце папке по шею), недлинной, метров шестьдесят-семьдесят, с небольшой школьный забег на нормы ГТО. Тем интересней была задача, ответ которой я будто подглядел в конце учебника — рыба тут есть. А вот решение...

Первую разведку я сделал днём, после полудня — на червя мне попалась небольшая сорожка. Ещё были поклёвочки, но их я как-то проморгал — больше обращал внимание на всё окружающее, которое нравилось мне всё больше: как это я сразу её не заметил — канавка была невероятно уютна! От реки, от основного русла она была отделена высоким песчаным валом, который, как спина «чудо-юдо рыбы-кита» порос лопухами и молодым, каждую весну выдираемым ледоходом с корнем, ивняком. По тому берегу было много травы и шла топь, переходившая в водоросли, где под навесом осоки и ивняка что-то взбулькивало и резвилось. Просветов в мерном невысоком ивняке не было, да и топь с травой были изрядной ширины — так что с той стороны ловить смысла не имело. Зато мой берег был великолепен — спина защищена от ветра мягкими объятиями крайних, самых широких и разлапистых нежно-бережных пихт Вотника. От них идёт ровный травянистый спуск к воде, где на краю, на самом урезе — несколько скудных, разрозненных ивовых кустов, необходимых мне, чтобы быть незаметным для осторожной рыбы в канаве. От ветра с реки, от волн и шума моторок и водомёта меня защищает своей слоноподобной тушей песчаная коса, гасящая любые движения в сторону канавы. Под такой защитой я быстро освоился со своими двумя очень тонко настроенными удочками, с помощью которых я потихонечку, будто цедя драгоценный напиток, облавливал всю канаву за несколько утренних или предвечерних часов, начиная от самого верха и медленно-медленно спускаясь вниз, к порушенной временем плотине из поперечных рядов брёвнышек, потихоньку переставляя с одного места на другое то одну удочку, то другую, подтаскивая, если нужно, чурочки-сидушки к особо «клёвым» местам.

Я будто покоился на какой-то божественной середине — размеренно уходил из дома, приходил, успевал и отдохнуть, и почитать, и занести бабушке воды, и помочь почистить чернику, и слизать пенки с малинового варенья, и разгадать старые кроссворды из древних подшивок «Огонька», и собрать из них же, перетасованных насмерть, какой-нибудь отрывок из приключенческо-шпионского романа, публиковавшегося с продолжением, и сходить в магазин за хлебом, и откопать где-нибудь в завалах рухляди в старом доме банку из-под дореволю-

ционного монпасье «Под полярной звездой, фирмы Христофор Манакон и Ко», полную неведомых мне семян — конопля... (тогда это было привычно, поскольку употребляли-то её по назначению, а не против естества). И быть постоянно с рыбой. Я нащупал по опыту, вычислил про себя по солнцу, ветру, кустам — астрологически — в какие часы и какая заходит в канаву на кормёжку рыба. И ждал её: в солнце — резкого, хулиганистого подъязыка; в пасмурную погоду — ляпку, палтана, клевавших сверхклассически, роняя поплавок, а потом его натягивая, как в учебнике по рыбной ловле — идеальные условия: всегда тихая безветренная заводь со слабым течением, идеально тонкая снасть, ну и рыбак не из последних (если не похвалишь себя, то кто же это сделает? — бабушка тоже привыкла к моим постоянным уловам, успокоилась).

С канавой я настолько сжился, что в какой-то момент ни астрологии, ни прочей мути мне не надо было и в помине — я знал, что я, когда надо будет — пойду и поймаю, сколько нужно. И однажды, накануне маминого дня рождения 6 августа, то есть ранним утром 5-го, сказал бабушке, вернее, небрежно пророчил: «Завтра у мамы день рождения. Надо бы мне пойти и наловить ей рыбы», — таким тоном, будто я собрался в рыбный магазин. Бабушка промолчала, а я вмиг оделся, снарядился — благо, всё уже на ходу — и спустился к канаве.

Утро было пасмурным, моим любимым — ровным, без дождя. Серые облака будто нарисовала чья-то рука, проведя влажной серой тушью по огромному холсту, настолько идеально ровными были полосы этой шелкографии, и трудно было бы представить, что такое небо может возникнуть случайно, из каких-то там физических законов, из взвеси в атмосфере воды — без гениального, неоценённого, каждый день рисующего новые неповторимые картины, скромного художника, использующего зачастую совершенный минимум: бумагу, воду и тушь. Для чего, для кого? — деревня ещё спит, а парочка далёких кричащих над рекой чаек не сможет оценить всей красоты нависшего над нашими домами чудеснейшего холста, под сенью которого и наши мысли и движения, у тех, кто это понимает должны быть соответствующе таинственны и прекрасны. Как бы я ни был уверен в исходе рыбалки, но приходилось в этой, оттенённой далёким чаечным криком, тишине действовать особо осторожно — хотя это самоограничение даже в мягкости приближения к воде, в каждом шорохе разматываемой удочки, в скрипении тугой крышки на банке с червями, приносило ещё больше удовольствия и счастья в каждый момент. Вот размотаны, наживлены, заброшены удочки: побольше — на крупную, и заброшена подальше; та, что поменьше и покорооче — прочёсывает и зондирует всё, что в канаве ближе к середине... Ну кто тут прорвётся мимо? Я пришёл рановато, и у меня сначала ничего не клевало. И я решил передвинуть большую удочку чуть ниже на несколько метров, на всякий оставив за спиной маленькую на месте. Я закинул длинную и стал на неё ловить, иногда посматривая назад, зная, что это против правил, и что если вдруг клюнет рыба — я могу и не успеть подсесть её или элементарно пропустить поклёвку. Так и произошло. Я отвлёкся на ту удочку перед собой, на которую, по идее, должна была клюнуть рыба, и всё пропустил — когда решил взглянуть назад — вдруг вижу, что маленькое удилице дёргается! И не просто дёргается, а гнётся вперёд! И не просто гнётся — ведь его сгибает и тянет что-то там в глубине, большое и сильное! И я бросился туда — в миллисекунды, в доли мига сотни раз успевая подумать —

только бы не опоздать, только бы не опоздать, какой я самонадеянный, самолюблённый балбес — это же мамкина рыба! Дрожащими руками выхватываю комель удочки из распатанной, чмокающей грязью лунки — есть! Не сошла, подсеклась сама! — На леске ходил красивый, сильный, упорный палтан, красавец-лещ. Таких я уже и раньше вытаскивал — только этот был особенный: желанный, сгоряча обещанный мною и как бы обетованный, которого упустишь — и всё, грош цена тебе как рыбаку — одно слово пустомеля, пустослов... Ух, я и надрожался, и наволновался, пока его вытаскивал. Руки-то дрожат! (Вот тебе и похвальба, вот тебе и бывалый, самонадеянный рыбак! — пойди мамке на день рождения рыбы взять!..) Пока я наконец не подтащил его к берегу, голубчика, пока не схватил за толстенную, упругую холку — а он пару раз взбрыкивал и уходил в глубину, утягивая всю леску — дрожь не унималась... Вот когда он, наконец, помещён был в сумку, спеленут как младенец, расположен повыше, под песчаным навесом-осыпью у корней легонько мазнувшей по лицу шалуни-пихточки, да ещё и придавлен для верности сверху чурочкой, чтоб не шумел, чтоб не шалил и не пытался уйти — вот только тогда можно было и порадоваться, и перевести дыхание, и посмотреть с благодарностью на небо, на всё вокруг, устроенное выше всяких похвал и слов, настоящим рыбаком, понимающим толк в красоте и счастье.

Я вернулся к ловле и уже неспешно, спокойно, методично прошёл всю канаву, имея в запасе рыбку на праздник. Конечно, хотелось бы ещё, но клевала только мелочь, испытывая моё далеко не бесконечное терпение — может, уже хватит? может, пора домой? ведь ещё надо успеть отправиться с рыбой к маме? — одна часть меня ликовала, что рыба есть, другая — сомневалась, что этого довольно.

Последние метры канавы, последняя возможность поймать что-то стоящее, перед самым концом — поклёвка. Наконец-то ожидаемая «правильная» — на длинную. Самая-самая, чудесная, как в сказке — тихо опал от чьего-то таинственного прикосновения поплавок, леска сначала ослабла, а потом понемногу, не спеша, уверенно стала натягиваться, натягиваться, вот уже кончик удилица сгибается, а леска и поплавок на ней — всё вытянуто в одну, режущую воду, струну... В волнении я, наконец, подсекаю! — и что такое?! — рука дёрнулась, ощутив хорошую тяжесть, и противно ослабла — тын! — обрыв лески! — у самой вершинки удилица... В руках бесполезное теперь удилице, а безвольный поплавок качается на воде, ближе к тому берегу... Ё-моё! — как говорят в таких случаях взрослые... Уже собираюсь попробовать дотянуться удочкой до поплавка, чтоб хоть его спасти, пригрести к берегу и снарядить снасть по новой, но что такое! — поплавок плывёт сам по себе — остановится, вновь чуть спустится вниз, опять остановится... Так и есть — он движется, всё ещё обозначая, сигнализируя, что где-то там, в глубине, на другом конце лески — рыба, моя, вернее, мамкина, а я её упустил!.. Что делать? Как осторожно достать, чтоб поплавок не соскользнул с оборванной лески? Далеко, всё же удочкой я не дотягиваюсь... А поплавок всё ниже, ниже по течению, всё ближе к молчаливо наблюдающим за моей драмой рядом сваяк. Свайки... Скользкие, уже не держащие песка, забытые всеми, кроме меня, брёвнышки... Что ж, выручайте! Скидываю куртку, рубашку, штаны — раздеваюсь по полной и лезу по этим свайкам вперёд, в прохладную воду. Поплавок пляшет рядом, всё ближе — вот он, в руке! А вдруг сорвалась? — сердце замирает. Если сорвалась — оно разорвётся от горя, от отчаяния... Чуть выбираю

лесочку — нет, есть, ворочается, упирается там в глубине. Осторожно, еле дыша, подаюсь назад, крепко сжав поплавок и кончик леси — веду за собой рыбу, будто под уздцы коня. Только бы не ринулась в частокол сваек, только б не брыкалась, только бы не вздумала рваться на волю — тогда конец, мне её в таком положении не удержать... Нет, идёт, идёт покорно, понимает, что так устроен мир, что мне это надо сделать, что день особенный. Почти на одном дыхании тяну, тяну и разговариваю с ней, и уговариваю быть покорной. И вот она рядом, рыбина, вторая, мамкина, обещанная — не уходи, дай я тебя возьму без сачка, просто поддену осторожненько под жабры, вот так, вот так, давай ещё ближе, давай к мели, родненькая, здесь мы тебя по сантиметрику подтянем, спокойно, спокойненько, вот хорошо... И не таких вываживали! — время вышло, рыба прижата к берегу моими, ставшими железными, пальцами. Мне совсем не холодно, напротив, я торжествую — всё вышло именно так, как я напророчил — это же моя река, моя канава... Хотя кто-то показал мне невзначай, осторожненько — что всё дело не в моих руках, всё покоится на каких-то неведомых мне основаниях и причинах, по которым времена текут, как река — глубже слов и музыки, сильнее наслаждений и кратковременного счастья.

Вот так я и ловил на своей канаве, защищённой от ветра, от водомётов, которые теперь совсем незлобно, бессильно тарахтели на большой воде, а ветер явственно путался в кустах передо мной или бился о берег позади меня и отскакивал вверх — гонять тучки-облака — весело обставляя их овечьими покорными тушками, моё счастье, мой покой, в которых я купался, будто накрытый невидимой отцовской рукой, защищающей и щедрой, дающей вдоволь — как не верить?

Одна только была беда — к середине лета, если не было дождей, узкая мелкая протока, которая шла от реки к канаве плоской, будто бинт, прозрачной лентой, могла пересохнуть. И тогда в застойную воду в канаве не пошла бы ни одна рыба. Я кружился в тревоге возле, думая, как её раскопать, расширить. Раз принёс папкину сапёрную лопатку, но попытка была неудачной — мои мелкие копки тут же у меня на глазах затягивало песком, замывало так, что не оставалось ни следочка, ни вороночки. Оставалось только надеяться, что вода не упадёт до завтра, до послезавтра — и молиться, чтоб хоть ещё один денёк можно было там половить.

Новые открытия

Конечно, хоть все мои мысли были о рыбалке, о лесе, о чудесах и тайнах, скрытых во взаимодействующей со мной один на один сообщнице-природе — я всё же вынужден был кое-что делать и по дому, и вне дома, в селе, на людях — не из тяги к этому суетному бестолковому миру, а по детской сыновней обязанности.

Я уже упоминал, что иногда мы ходили на кладбище — это была дань, жертвочка умершим предкам, оставившим нам неприхотливо обжитый мир, в чём-то правильно, в чём-то нет — например, церковь-красавицу в селе. Раз поставили — значит, можно было и не трогать, не сбивать с неё купола, кирпичи на печки... За лето было несколько привычных дней поминовения — и тянулись они неимоверно долго, расстояния от дома до кладбищенского леса казались невероятно

долгими, да и я в белой рубашке чувствовал себя странно, исполняя это вовсе никогда не упоминавшееся в школе обязательство — там всё было о жизни, о материи, и максимум, что упоминалось, так это, «любовь к отеческим гробам», да ещё Гоголь и Вий — никакого отношения не имевшие ко мне, к моему миру...

Не скажу, чтоб бабушка была хоть как-то внешне церковна (кроме ежеутреннего «Но, бласлö, Кростос» — я и не упомяну, чтоб слышал от неё хоть слово молитвы). Вот тётя Нина, старшая моя тётя, старшая дочь дедули, мама Саши — жила в пригороде, где стояла церковь, и часто там бывала. А у бабушки всё это ушло в безмолвную глүбь, в таинственный омут, потаённое место души, откуда явственно веяло какой-то непрерывной любовью ко мне, тихой, очень тихой и смирной. Бабушка никогда, ни разу меня не ругала, что бы я ни сделал наибестолкового, на сколько бы времени без предупреждения отлучился, как бы ни извозился, устряпался, испортил или порвал одежду. Скорее, просто удивлялась — как это я так могу, сотворить вот такое-этакое. И радовалась, что я жив, не заблудился, не утонул, что ничего со мной не произошло, да и произойти не может — как будто на мне какая-то отметина, печать того, что много дозволено и дано, только я, неумёха, молодой бычок — всё брыкаюсь и резвлюсь, не замечая своего предназначения.

О дедушке бабуля тоже ничего почти не рассказывала, только вздыхала как-то по-особенному на кладбище, положив руку на покрашенную в голубую небесную победную краску цинковую пирамидку с овальной фотографией вечно весёлого, бодрого, однорукого деда с запахнутым пустым рукавом, и шептала несколько малозначащих слов — «Но, Василий, но вот...» — будто теперь он, наконец-то покорный, был под её рукой, в её власти.

Этот овальный образ на обыденной невыразительной керамике был сделан Миньоном где-то в городе, где он по бурному своему кратковременному визиту сделал их несколько — деду, дяде Вене на далёкую прибалтийскую могилу, ему же на пустой символический деревенский холмик. Миньон выбрал лучшую фотографию деда из целой серии, сделанных одной рукой, одним днём, где дед в простой рубашке, опирается локтем здоровой руки о стол, и с некоторой усмешливой гордостью, с прищуром, серьёзно смотрит в камеру (мастер по керамике прищушил, округлил фон, стена избы исчезла, остался один дед — вне времени и пространства). На других — дед смеётся, сверкая металлическим зубом — чуть повернувшись к камере, так что уже видно, что у него здоровая лишь одна рука (а ведь ещё и ноги не было — хорошо столешница, рука с папиросой это скрывают). Вместе с ним дядя Степан, и ещё одна фотография — с другим братом, Александром... Вместе с дедовыми военными ранами зато явственно виден и его сильный, орлиный профиль — и проступает такой же, крепкий, духовный характер. Дед умер за два года до моего рождения. И я знаю о нём только из рассказов отцовских, тёткиных, родственных, деревенских, соседских, возникавших эпизодически, по случаю, да бабушкиных вздохов, которая то ли в шутку, то ли всерьёз — не поймёшь — просила своих детей не класть её рядом с ним, с Василием-то, — «Как вспомню его батожок-то... Хватило мне и на этом свете...»

Я не придавал особого значения этим бабушкиным осторожным высказываниям о загробной и здешней жизни — я же видел, как она клала руку ему на памятник на кладбище, как гладила, как смахивала с досочек пихтовым веником

хвою, песок, лепестки цветов, как раскладывала свою поминальную выпечку, как, пригубив гранёной стопки, разговоривала с ним: «Ну, Василий Алексеевич, отвоевался, отмаялся... Ну вот!..»

Я будто сам вижу одинокую фигуру деда на песчаной косе под церковью, где он, говорят, дёргал последних хариусов, которые сейчас уже ушли с Сысолы, разбрелись от сплава по более спокойным таёжным речкам и ручьям, тихонько, заслышав радиолы и телевизоры, чавканье земснарядов, стрекотание сельхозавиации и горечь удобрений — почувяв всё, что называют цивилизацией, прогрессом, хотя это был всего лишь всплеск необузданного материалистического науковерия, сделавшего для них воду слишком невкусной и непригодной.

Я вижу, как дед, вот в этой же рубашке, в дождь, стоит с такой, как у меня, длинной удочкой — и, почувяв поклёвку, резко тянет рыбу на себя, чуть не рывком, и хариус, побеждённый дедовой силой, как ни сопротивляется, как ни барахтается — летит и шлёпается на мокрый песок, и схваченный дедовской артиллерийской клешней, окончательно сникает в холщовом мешке, среди таких же пойманных друзей.

Я явственно, по отцовскому рассказу, представляю деда с бабушкой на сенокосе, под Петров день. Они, намаевшись за день, к вечеру решили закинуть наудачу бредень, попробовать счастье к празднику. Дед в своей покосной одежде — плотные белые льняные кальсоны и рубашка, прыгает поближе к берегу, опираясь на палку от бредня, как на костыль. И руководит бабушкой, которой достаётся дальний конец и приходится заходить в воду чуть не по горло. Дед руководит, успевает и ругнуться, и цепко оглядеться — вот они окружают приглянувшийся ему омуток. И там — на их счастье — стояла огромная щука — таилась, таилась, пряталась под пологом прибрежной травы, а потом, когда сообразила, что её окружают — ринулась в реку, дуром, напролом, хотела сначала как подводная лодка проскочить низом, нырком, и увязла в мотне. Стала ворочаться, биться, давать задний ход, чтоб перепрыгнуть — а уже поздно! Только больше запуталась. Отец тогда был ещё маленьким мальчиком, как я — увидел, что происходит, сверху, с берега — кинулся вниз, в воду, на бредень сверху — шлёп! — помогать. Так они и вытянули еле всех вместе — и щуку, и барахтающегося там же в сетке папку!..

И это было наше общее счастье — и их, прошедшее, прошлое, и моё, наследственное настоящее — я ведь точно такой же, с тем же чутьём, с тем же азартом, с такой же тягой к нашей реке — только пока целый, не израненный, более изопрённый и оснащённый: вместо конского волоса нейлон, вместо соснового удилица бамбук, вместо льняных покосных одежек — штормовки, свитера, хорошие сапоги... Но зато и мир тоже изменился, по какому-то общему закону сохранения — как только мы чуть богатеем временем и вещами — он вдруг скудеет — чтоб не было перекосов, ведь это ещё небольшая, скромная плата за комфорт у телика (Олимпиада, «Джентльмены удачи», «Четыре танкиста и собака...») и за новенькую непромокаемую одежду.

Рассказы-вздохи — я их слышал везде, промелькивающие единым взмахом: на кладбище почему-то более весёлые, при случайном застолье, при встрече на улице — более жалостливые, пропитанные невысказываемой жалостью к тому, кто пронизывал мир, окружённый шлейфом героики и так до конца не отданного сыновства. Я ловил эти крохи, мои глаза слепли на восхитительный миг от

проблесков молнии мелькавших картин: вот под, наверное, легендарными Синявинскими болотами (ставшими потом от полёгших тел воинов высотами) дед-артиллерист расположился со своей батареей. Вот они, целая огромная армия попали в мясорубку. Миллион погибших для меня был абстрактен, а вот то, что из двадцати воинов батареи остались в живых двое — мой дед и ещё совсем молодой, контуженный до потери сознания, боец — это высветилось для меня ясно, отчётливо, будто огромное, сосредоточенное в малой капле: дед пёр шесть километров на себе до медсанбата этого последнего бойца, и тот выжил, совсем поправился, а деду тут же отняли часть руки и ногу. Как он его нёс? На силе воли, против естества — я всё же не мог себе это представить, только чувствовал, что и во мне, может, заложено это, но как проверить?

Моя литературная жизнь началась с рассказа о дедe. Я решил оставить многое — математику, Санкт-Петербург, карьеру, и практически неизбежную «утечку мозгов» (сидел бы сейчас где-нибудь, в Беркли, в Калифорнии, учил бы китайцев премудрости топологии малых размерностей, на «уик-энде» попивал бы тягучее крепкое калифорнийское каберне....) Когда я сказал об этом решении отцу (хотя уже и диссертация была вот-вот написана, и особенности трёхмерных клеточных многообразий были классифицированы...) — он меня понял. Сам в своё время он пережил драму, которая его чуть не сломала — его научный руководитель, можно сказать, духовный пастырь по физической вере, взял и использовал его диссертацию в личных интересах. Может, оттого что сам намаялся, может, чувствовал, что слово бесконечно больше цифры, и чутье любого прибора — папик присадил меня на диван рядом, обнял, и, можно сказать благословил: «Ну, решил так решил, твоя воля. Послушай, вот есть момент из жизни — может, пригодится, может, куда и вставишь, в рассказ или повесть — как дед с войны возвращался...»

Когда дед выписался из госпиталя, инвалидом полным — он послал в деревню краткую телеграмму, сообщающую только, что едет домой Екишев Василий, встречайте. А в селе было двое таких, полных однофамильцев. И пришлось семье каждого послать в город на встречу по кошеве. Зима, дорогу видать далеко, если кто приближается — и всё село высыпало на пригорок — встречать, смотреть — куда, в чей двор повернут полные сани.

Едут. Одна кошёва полная, другая пустая, лёгкая, позади. И вот полная поворачивает на наш двор, и останавливается. Весь народ, бабы в основном, бегут туда, к нам, посмотреть на наше счастье, на Елизавету, которая уже чуть не как в обмороке, стоит одна посреди двора: ждёт, когда дед выйдет. Ведь с ней наяву происходило настоящее чудо — бабушке же принесли похоронку до этого, а она спокойно так заметила: «Такой человек не может умереть!» — и спокойно жила, будто не было вообще этой страшнейшей в мире вести.

И вот дед из саней выскакивает — в форме, с батожком-палочкой — и стоит, скидывает шинель в сани и оказывается — без ноги, с искалеченной рукой! — и не знаешь, радоваться или плакать. Бабы, конечно, заныли, завыли, но дед быстро пресёк. И потом не позволял причитать, когда первый жар улёгся от его приезда.

Отец рассказывал, что дед вообще никогда не унывал, и по хозяйству делал многое, всю крестьянскую работу: косил сено, рубил дрова, даже в лес за грибами ходил не хуже других. Вот только не мог подпругу подтянуть: там нужно было, упёршись коленом, подтягивать вожжи двумя руками... На сенокосе, чтоб уверен-

но держаться в конных граблях и косилке, он выковал себе особую цепь, которой прикреплял себя к сиденью граблей или косилки, замыкал амбарный замок — и вперёд! — ему только лошадей меняли, а он мог не слезать от зари до зари...

Устроился ещё дедушка и бухгалтером в Исанево в лесопункт — это от нас километров двенадцать вверх по Сыsole, и брал папку с собой. Папка был ещё маленький, шибздик-первоклашка. И он помнил об исаневских поездках деда и то, что он иногда пропадал во двор какой-нибудь солдатки-вдовушки, и, гораздо более для меня интересное — своего первого огромного окуня-горбача.

У папки была удочка с блёсенкой-вертушкой из сломанной чайной ложки. И вот он однажды, когда надоело ходить без толку по берегу — просто воткнул удочку так, чтобы блесна вертелась на течении, а сам отправился искать деда, где он завис, в чьём дворе, у какой очередной тёти Маши (может, поэтому, бабушка на него сильно была обижена). А когда вернулся на берег — удилище в дугу, чуть не хлещет воду — папка схватился за конец, и еле-еле выволок огромного, с хорошего судака размером, чёрного-пречёрного окуня-зверюгу...

Не только в Исанево, но и на сенокосе, на нашем участке Поинги, папка всё своё свободное время (как потом я в его возрасте) был около воды, рыбачил. А вот дед, по рассказам — нет. Поговаривают, что кроме своих восьмерых (одна девочка погибла в пожаре, вот её маленький холмик, рядом с дедушкиной могилой) он ещё настрогал, как у нас говорят, на стороне чурок (незаконнорождённых детей). Конечно, как при таких делах бабуле не огорчаться (но ведь сколько их погибло, как у нас говорят — упало, мужиков-то...) — и всё равно, я знаю, дед её любил единственную, и не просто «больше всех» — это точно.

— Лизук, где ты? — я будто слышу его голос во дворе, когда он возвращался откуда-нибудь, и первым делом спешил обрадовать бабушку неожиданным явлением, каким-нибудь нехитрым гостинцем, как тот огромный окунь, исаневский, которого дед с папкой поспешили отвезти домой.

Из семерых, выросших, повзрослевших, детей дедушки с бабушкой — один, старший дядя Веня, упал на войне. Его могила была только формой, будившей во мне непонятные чувства — как так, могила есть, а человека там нет? И никто не покоится в светлой сосновой прохладе посреди июльской жары — и получается, никто не встанет в мистический день воскресения? Дядя Минион, неугомонный, ездил на разысканную следопытами в Прибалтике военную могилу дяди Вени, и фотографировался там, в окружении странно-нарядных и праздничных пионеров, привёз оттуда горстку земли. Вот эта земля тут и покоится.

Папка иногда сильно тосковал о Вене, особенно, выпивши, услышав очень тоскливую песню о солдатах, превратившихся в белых журавлей, после гибели на поле боя — и ревел, что-то выкрикивая, будто смертельно раненый — но я этого не понимал, пугался.

Дядю Веню мало кто помнил в деревне, а вот деда — все. Кто-то мне рассказывал, как в магазине, если наглая молодёжь хотела пролезть без очереди, он делал выпад своим батожком и цепко хватал наглеца за горло, осаживая: «Стой, куда! А ну назад! Не видишь, люди стоят...»

Кто-то вздыхал, вспоминая, как уже почти под конец жизни — сидел дед около окна, и кто бы ни шёл мимо — он повелительно стучал в раму: а ну, зайди! отчитайся — где был, что делал?

Если это был школьник — а ну-ка, какие оценки, покажи?! Почему двойки? — вёл себя, как хозяин своей деревни, как отец всем, строго, по справедливости правящий. Он мог, например, вскочить в телегу и отправиться согласно широте своего размаха — гулять праздники по соседским деревням (и чьим-то одиноким без него дворам) или махнуть в город на недельку, и там добиться встречи с Предсовмином, Зосимой Паневым, и чинно выпить с ним, и крепко, основательно обсуждать, как всё же протянуть электричество, дотянуться до Вотчи, наконец.

Особенно явственно его сила и смелость проявились для меня в другом — была у нас тихая женщина по прозвищу Диакон Анна. И она, раз уж власть расстреляла и батюшку Прокопия Шаламова (родного дядю Варлама Шаламова, писателя, автора «Колымских» и многих других рассказов) и его жену, Марию, по делу «Священной дружины» — взялась и стала крестить потихоньку мирским чином новорождённых (так был крещён мой отец в 39-м) и провожать в последний путь умерших, читая за упокой. (Про крещение отцовское скажу отдельно — его крестили вместе в одной купели с нашей тётёй Раей кунибской. Не сразу, ждали — заказали к крещению настоящего ситца, чтобы не как делали тогда обычно — облачая младенцев в обыденное домотканое холщовое рубище... Нет. Ткань привезли издалека — рубашки пошили — и только после этого крестили).

Кто-то донёс, что Диакон Анна занимается такими делами. И из города по этому навету приехало арестовывать её аж пятеро из НКВД. Дед узнал об этом, одел свою боевую гимнастёрку, все медали, что были — и вышел навстречу, спокойно и тяжело. И заявил просто, без обиняков — что покуда он живёт тут, то никто никого за такие дела, как тихая безвредная молитва, арестовывать не будет. Особисты на него поглядели-поглядели, прикинули — хоть и инвалид, а двоих сразу повалит, да и остальным придётся несладко, что-нибудь да сгоряча железной рукой оторвёт! — переглянулись, развернулись — и ушли! По тем временам случай из ряда вон, но как поётся — «настоящих буйных мало», а дед-то хоть и инвалид, а судя по всему духу было — ого-го! — не чета нынешним мужичишкам...

Вот и я вырос вроде и без деда, но в его присутствии, в его невидимом, но настойчивом окружении — куда ни зайди, с кем ни встреться — стоит представиться, что я внук Важьяк Василя — и тут же кто-нибудь да вздохнёт, с уважением, с добрым словом вспоминая его со слезой, как помогал, сердешный, в голодный год, не умереть, или что ещё...

В центре села, чуть наискосок от сельсовета, в вечно хмурой, саженой правильным унылым квадратом, аллее деревьев, стоит простенький, выбеленный известью, памятник о погибших в войне (сейчас он в другом месте).

Есть там и наша фамилия — но я почему-то всегда чурался этого невесёлого, не несущего никакой надежды, памятника. Он был мрачен своей сутью, не очень ухожен, и наивно бессодержателен — фамилии с инициалами, звёздочки как символ жертвы за власть, и всё... Туда забредали иногда постоять в тени козы, да по редким официальным праздникам, не по надобности — по долгу службы, сельские власти.

Для меня почему-то это было самое тёмное пятно во всём селе. Наверное, потому, что осенённый невидимым дедовским присутствием во всём вокруг — я был спокоен, я был под защитой, зная — главное: не официоз памятников, уводивших в никуда, не имевших в основании даже горсточку праха, не суливших

ничего, кроме посмертной, источающейся в поколениях забытости героев, а главное: вот эта скрытая, ноющая память, имеющая в себе глубокое основание, что земля — это место смерти, воскресения и никуда не исчезающей любви, да рыбной ловли.

Может, потому и кладбище у нас стояло на самом высоком, красивом месте, окружённое весёлыми овсяно-гороховыми полями, и возвращаться с него, набив карманы недозревшими ещё стручками, волоча за собой несколько напоследок сорванных плетей гороха, было гораздо легче, чем преодолеть путь туда.

Вообще, по нашему, не в меру длинному селу я, если дело не касалось рыбалки, передвигался очень натужно, нудно, медленно: казалось бы, расстояние от дома до реки и от дома до магазина те же самые, а время растягивается или сжимается невероятно. Несколько раз за лето, обычно в самое пекло, в самую жару, я ходил в библиотеку.

В какое-то лето, внезапно заболев ангиной, я открыл для себя толстые книжки — смешившие меня романы Гашека и ещё какого-то финна, входить в который было сначала зябко, неуютно, мучительно, а потом был комфорт, выходить из которого не хотелось, и я валялся на скрипучей деревянной кровати с соломенными уютно шуршащими матрасами, и жалел, что прочитал много, и что скоро книга кончится. Так я пропустил как сладкую перекатную воду хариус сквозь жабыры — и рыцарские романы, и двадцатитомники Жюль Верна, Брет Гарта, Джек Лондона, будто потёрся боками о приятельские миры Тома Сойера, пока к седьмому классу не добрался до холодных миров поэтов эпохи Тан и Ван Вея, делая заходы в края Сэлинджера, Хемингуэя, Ремарка, Бёлля — всей истории поражений, мягко оттенявшей моё победное существование.

Под конец лета у меня скапливалось столько долгов перед библиотекой, что меня запоминали надолго и на следующий год не хотели давать больше трёх-четырёх книг за один раз — возвращать все мои долги приходилось с великим стыдом бабушке с тётёй Лидой, которая потом, конечно, меня мягко сказать не хвалила за это.

До библиотеки, по моим подсчётам, было километра полтора (значит, до кладбища — где-то два). До магазина, то есть до церкви — в два раза меньше, но и то по моим меркам не близко. Но тут мне на выручку приходила церковь — из-за её красоты, которая всегда была рядом, стоя тихо, ненавязчиво, будто ещё одна моя бабушка, всегда, если надо — на глазах. Во-вторых, идти-то в горку надо было хоть и без груза, а обратно — пусть, с хлебом, с покупками — уже под горку, да и крышу дома видно, к которому ноги сами идут.

Самым, конечно, тяжёлым было ожидание, если вдруг продавщица отлучалась, или была большая очередь, или в пекарне задерживались с выпечкой, и неизвестно когда покажется телега с хлебом... Уйти, а потом прийти — можно оказаться без хлеба, ведь тогда хлеба было вдоволь, но и брали целыми рюкзаками, докармливать скотину... останешься со вчерашними промятыми, отбракованными буханками, а свежий хлеб — ох, как нужен! — и не только на повседневную еду, но и на рыбалку, на комоль. Свежий, ещё тёплый наш хлеб, с маслом (тоже только-только из маслозавода, жёлтым, солёным, с капельками воды-пахты) — это было вкусней всего, несравненно ароматней любого городского пирожного, любого универсамовского пирожка с повидлом... (Сейчас в селе ни пекарни, ни маслозавода — позакрывали, кому всё это мешало? Теперь в магазине напротив церкви

«Доярушка» из Новой Зеландии, с того жюльверновского конца света, а бабушкины фермы — в руинах... кому это «выгодно»?)

Однажды приехал родной дядя, дядя Степан — тихий пенсионер, который долгое время был где-то в Воркуте, практически не изменившийся по сравнению с фотографией, где они сидели и смеялись с дедом. Я ни о чём его не расспрашивал, не было такой привычки — мы бы вообще, наверное, ни к какой совместимости из-за моей нелюдности не пришли, если бы не отец. Он тепло, по-родственному, а потом и дядя Стёпа — пришли к идее, чтоб дядя Стёпа сходил со мной на рыбалку, по моим местам (конечно, когда-то это были и его места, но я об этом тогда не думал, интересуясь только волнующим рыбацким настоящим).

Дядя Стёпа остановился в соседнем с нами доме, дяди Александра, третьего их с дедом брата, где сейчас жил младший из их тоже многочисленной семьи, Геня, а по взрослому Геннадий Александрович, приходившийся мне двоюродным дядькой, единственным из потомства деда Александра, так и не прижившийся в городе.

Мы втроём — я, отец и дядя Стёпа, пошли выбирать ему удочку, из тех, что без дела лежали под навесом Гениного амбара. Мы выбрали ему лёгкое и длинное — и по руке, и по весу — самое то для ловли по моим местам. Мы вместе, наравне возясь с землёй, наковыряли червячков в закутке за крыльцом, куда иногда выливали воду, и земля была влажной и чёрной — и были готовы на следующее утро отправиться за рыбой. Точнее, прогуляться, потому что я настолько привык ловить один, что напарника заранее воспринимал, как вынужденную нагрузку, будь хоть он трижды дедов брат.

Протока в мою канаву к тому времени уже совсем пересохла, и ловить там, в застойной воде канавы, превратившейся в захудалую курейку — было нечего. Рыба шла мимо, не вынося затхлости перекисающей набившейся всюду древесной коры, и мы с дядей Стёпой вновь бродили по песчаной косе, от одной полосы сваяк к другой, но ничего путного не поймали.

Пришли мы на реку по моему настоянию рано, ещё до восхода, когда по моим меркам ещё можно было застать активный клёв. Но рыба, видимо, почуяв нашу прохладу, наш настрой не ловить, а пробовать и вспоминать далёкое дяди Стёпино прошлое — тоже реагировала вяло, можно сказать — никак, плевала она на наши усилия и потуги. И часам к шести утра, испробовав всё, что мы умели — мы сдались. Встали на мели и безнадежно гоняли самую последнюю мелочь, — лишь бы клевало, лишь бы кто-то теребил поплавок. Хотя и без него было видно, как стайка мальков, размером с аквариумных недоделков, выходила из глубины на мель, как нагло бросались двое, а то трое шпанистых смельчаков на раздразнившего слишком крупного для них червя, как они возили туда-сюда, теребили, размахивая головами, и поплавок бестолково и нервно дёргался, непривычный к такому непочтительному с моей стороны его использованию — и я в дурацком азарте, уже не обращая на поплавок внимания, старался угадать, когда эта речная шпана попробует заглотить хотя бы кончик червя — чтоб злорадно выдернуть её зачем-то, ни на что негодную, ни в уху, ни на насадку...

Баловство это и мне, и дяде Стёпе быстро прискучило, но я терпел, поскольку слишком тепло относился к дяде Стёпе папка. Он, видимо, вспомнив что-то из молодости, детства, предложил: «А пойдём-ка вверх по течению. Выше церкви — там попробуем, половим».

Я ни разу ещё не бывал там, чуть выше начала песчаной косы, куда мне одному и ходить-то не разрешали, и думал — ну что ж, пойдём, попробуем, всё равно утро уже безнадежно пропало — ничего мы не наловим, это точно, поздно уже для хорошей рыбы-то...

Идти надо было чуть больше четверти часа берегом — для меня расстояние довольно солидное. Мы шли, а церковь потихоньку поворачивалась — сначала была в три четверти, уходя, уплывая левым боком от нас к селу, к магазину; потом стала к нам ровно входом, вытянувшись кормой точно вдоль взгляда, и гладкий взвоз был как теплоходный трап, который вот-вот уберут, и уплывёт она от нас неизвестно куда (по этому трапу-взвозу, а потом и по лазу внутри стены с жуткими провалами я забирался несколько раз внутрь с отцом, рассказывавшем мимоходом о своём детстве, о медных больших царских ещё пятаках в изрытых малышней кирпичных подоконниках, о долго висевшей на высокой стяжке верхней части иконостаса, о взрывах, так и не поколебавших толстенных стен). Наконец, корабль церкви развернулся к нам другим боком, тоже в три четверти — и мы пришли на место.

Это был бережок, уютно устроившийся над тихим мелководьем перед косой, впрочем, мелководье было относительным — стремнина уже отошла к центру, а песчаная коса ещё не началась, и тут в затишье вдоль берега тянулась неровная полоса водорослей, образовывавших то свои мыски, то окошки — было не очень глубоко, течение не быстрое, и тепло и уютно на солнце, то тут, то там дававшей круги на поверхности рыбе.

Была только одна незадача — я не знал, как тут ловить. В окошках течение всё же было, и по по-донному не половишь — слишком длинно выпущенная леска тут же путалась с травой, и крючок застревал неизвестно где, так что можно было долго ждать поклевки, которой всё равно не будет, пока крючок с червяком где-то плутают в корнях травы. В проводку тоже не половишь — только закинешь, только поплавок, удочка — встанут нормально, две-три секунды и снова надо перебрасывать — снасть уже упирается в траву...

Пришлось по совету дяди Стёпы изобретать нечто среднее, ещё один способ ловли на удочку, со дна, но почти в проводку. За пару забросов я измерил приблизительно глубину воды в окошке перед собой. И подтянул поплавок чуть выше. Теперь крючок с грузилом лежал на дне, а поплавок внатяжку с леской полулежал, полустоял. Если течение толкало груз с крючком дальше — он кивал и вновь поднимался, правда, удочку надо было держать теперь выше, чтоб леска не ложилась на воду, а летела, парусила полукругом. Для меня, привыкшего уже к тонкостям рыбной ловли, это было не очень трудно — и мой поплавок из гусяного пера чутко торчал наискосок из ленивой, будто стадо коров, медленной воды, как солдатик, поддерживаемый на одном шесте грузилом, леской, их шатким равновесием, а с другой стороны — готовый в любой миг отозваться на то, как кто-то вторгнется на его территорию, и попробует взять со дна заминированного червяка...

Выше нас, метрах в тридцати, расположился ещё один рыбак, деревенский, как я определил про себя по серой сельской одежде — мятому пиджаку, кепке, брюкам, сапогам, да ещё по гораздо более грубым, чем мои, толстым и длиннющим почти негнувшимся удочкам (скорее, дубинистым палкам) и пробковым огромным поплавкам. Дядя Стёпа кивнул ему молча, и мы стали ловить.

И тут произошло чудо. Кругом было великолепное солнечное деревенское утро. Солнце уже отыграло на росе, разогнало лёгкий туманчик, расшевелило хмурый ельник на той стороне реки, и вот-вот должно было начать припекать, приняться за наши спины в рыбацких куртках. Уже прошла промозглость и свежесть утра — и мы просто отмечаемся на новом месте из любопытства и нечего делать.

И тут мой поплавок-солдатик взял и лёг на воду. И спокойно себе поплыл, будто леску снизу кто-то перекусил, легонько, одним махом, невзначай. Будто и не было там в помине ни грузила, ни крючков (двух, прошу заметить). Я растерялся. Как это так — только что было всё нормально, а тут на тебе, обрыв, поплавок плывёт себе плашмя, как обычная щепка.

А дядя Стёпа, наоборот, увидев это всё, заволновался и громко возбуждённо зашептал: «Юра, Юра... клюёт... У тебя клюёт, видишь?..»

Я, отметив краем глаза, что дядя Стёпа бросил свою снасть и двинулся ко мне, схватил удочку, и не зная что делать — ведь поплавок, будто отвязался — не шевелится, не дёргается, просто качается на волнах и плывёт по верху — взял и потянул на себя. И тут получил такой неожиданный и веский удар в ответ, что чуть не поскользнулся в воду — лец! палтан! настоящий! Это он поднял со дна тихонечко червя, хитрюга, и спокойно стал себе заглатывать, вот почему поплавок освободился от груза...

Я сразу понял, что в одиночку не справлюсь и позвал дядю Стёпу на помощь, просто по имени: «Дядя Стёпа, дядя Стёпа... Ого!» — хотя и видел, что он уже сообразил, что мне одному рыбину не поднять... Заволновался и тот незнакомый рыбак — завздохал, закричал, недовольно поглядывая на нашу неуместную по любым рыбацким законам возню. Но мы уже не обращали на него внимания. Я держал палтана на согнувшемся дугой удилище, а дядя Стёпа, громыхая огромными Гениными бахилами, подбежал ко мне и встал в воду, наизготовку, ожидая, как только я подтяну рыбину — взять её и вынести на берег.

Так и произошло. Я, судорожно сглатывая воздух, молясь про себя — только бы не ушла! Только бы не сорвалась! Только бы не... Такая большая! Такая огромная! Такая... — тянул осторожно леску: только бы выдержала! Только бы не лопнула! А дядя Стёпа, родненький, не подкачал — молодцом (будто и не старший брат деда) подхватил рыбину и бережно вынес на берег. Ай да мы! Ай да дядя Стёпа! Мы радовались, как дети: я впервые ловил такую здоровенную — вот бабушка обрадуется, вот она нас похвалит. Это ведь я, я поймал!.. Ну, и дядя Стёпа, конечно.

Дядя Степан, дед Степан Алексеевич Екишев, тоже светился, тоже играл взглядом сквозь очки — чему-то своему, далёкому, будто отпустило какую-то его взрослую, неведомую мне пружину, будто простилось ему что-то из жизни, и он сделал-таки что-то важное, нужное, не просто показал мне новое место для моих подвигов (он про это и не думал), а поучаствовал в чём-то для него, для его души очень важном, побывал вновь где-то в неведомом мне, раскрывающемся на миг, мире — что редко выдаётся сделать среди людей, для людей.

Я не умею объяснить того детского благодарного чувства, мигом повязавшего, породнившего меня с дядей Стёпой, который и в моём лице получил какое-то подтверждение, откровение — что вот какая сила с нами, с нашим родом. Пусть дед, кровный его брат, любимый его братишка, вечно молодой и задорный, уже

умер — но всё передаётся. Передалась вот и мне эта сила, их родовая — вот они, подтверждения и доказательства!.. А вместе с силой и любовь — вновь в виде молниеносной удачи, ударившая в нас.

Потом я узнал, что рядом с нами ловил тогда заядлый сельский рыбак — Васька Немой. Это он тогда сидел всё утро на своём насиженном, удобренном привадой, оборудованном сиделками-дощечками, расцепками-держалками, месте. И ничего не поймал. А мы явились на полчаса и шутя выдернули огромную рыбу! Даже не умея толком ловить! Его рыбу, как он считал. Но мы-то видели, что она ждала именно нас, что далась нам неспроста — законнейшая наша рыба! И немного свысока гордились — знай наших!

Немой побегал потом к своим, они жили от нас наискось по соседству, через дорогу — его родители, тихие старички Кармановы, всегда слёзно радовавшиеся нашим нечастым гостям в их, пахнувший уже старостью, невымытым по немощи бельём, угасанием, мир. Немой в возмущении мычал и показывал, как он ловил и ничего не поймал, и как явились мы, дед и малыш (т.е. я, мелкий ещё городской ребятёнок, хотя я себя городским не считал никогда). И как мы, рыбаки-неумёхи, в два счёта его обставили, и показывал, преувеличивая, размер пойманной нами рыбы и вновь возмущённо на судьбу, на нас, стонал и топал ногами, где же справедливость?

Сколько же раз потом мы будем встречаться-расходиться с этим немым Васькой... Сколько раз я буду неизменно его облавливать!.. Сколько раз туда и обратно я буду кружить вокруг церкви, ставшей в будущем красивейшим центром моего мира и указателем моего положения и хранильницей спокойствия за моей спиной.

Я буду ставить будильник всё раньше и раньше, и подниматься ещё затемно, в половину четвёртого, в три, в половину третьего утра, и ещё не проснувшись, брести в одиночестве к ней, покинутой вотчинской красавице, и от неё сверху, с её горы уже видеть этот свой новый бережок и торопливо спускаться к нему... оставляя за собой всю душу души мира, воплощённую в кирпичной красоте вечной красоты...

И самый клёв, самое верное счастье будет уже не в такие, как это праздничное солнечное утро — а в тихие, серенькие с виду прекрасные невзрачные дни, почти безветренные, когда солнце будет таиться, как притонувший поплавок, за серой грязноватой нарезкой медлительных облаков — вторым моим ориентиром, кроме царицы-церкви, напоминавшей мне бабушку в своём вечно одном и том же плисовом одеянии, вытертом до сереньких лысинок на сгибах, бывшем когда-то празднично-чёрным и блестящим.

Впрочем, я погрешу, если не упомяну, что и Немой однажды поймал мою рыбу. Тогда неизвестная рыбина порвала нам с другом донки, мы её тянули, тянули из ночи, из сплошной темноты и дождя и упустили. А потом Немой на том же месте, узнав о нашей неудаче, вытянул-таки огромную нельму, у которой в пасти должен был торчать мой крючок с ярким обрывком прочнейшей японской лески. Но он об этом умолчал.

Продолжение следует...

Сорокин

(1889–1968)

Александр Терюков

Терюков Александр Иванович родился 6 августа 1948 г. в с. Кослан Удорского района Коми АССР. Детство и отрочество прошли на Удоре. Затем служба в армии, учёба в Ленинградском университете. С 1975 г. живёт и работает в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, кандидат исторических наук. Специализируется в области этнографии народов коми, истории русской и финно-угорской этнографии, автор более 60 научных работ.

П.А. Сорокин в годы учёбы в Петербургском университете

5 июля 1910 г. молодой человек, которого звали Питирим Сорокин, направляет на имя ректора Императорского Санкт-Петербургского университета прошение о принятии его в число студентов.

Его Высокопревосходительству господину
Ректору Императорского Санкт-Петербургского
Университета

ПРОШЕНИЕ

Чсть имею просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, принять меня в число студентов юридического факультета вверенного Вам учебного заведения.

При сем прилагаю: 1). Свидетельство об окончании Велико-Устюжской гимназии. 2). Метрическое свидетельство. 3). Свидетельство о приписке к призывному участку. 4). Удостоверение о принадлежности к мещанскому сословию г. Устюга, Вологодской губернии. 5). Три фотографические карточки. 6). По две копии каждого документа. 7). Квитанцию от Санкт-Петербургского градоначальника относительно политической благонадёжности. 8). 25 рублей, присылаемых переводом.

К сему прошению мещанин г. Устюга Великого Вологодской губ.

Питирим Александрович Сорокин

5 июля 1910 г.

Адрес. С. Баки, Варнавинского уезда Костромской Губернии¹.

Как видно из этого документа, он был получен в канцелярии ректора 12 июля 1910 г. На прошении имеется чиновничья приписка, что 25 руб. в кассу университета внесены. А уже 4 августа П.А. Сорокин был зачислен студентом Университета². Тогда же ему были выданы матрикул (так в то время называли зачётную книжку) за № 276 и студенческий билет³. Хотя на его прошении имеется штамп «Зачислен в студенты июля 1910 г. Подпись: ректор». Кроме того, в его личном деле сохранились любопытные свидетельства о том, что студент П.А. Сорокин имеет право свободного проживания в г. Санкт-Петербурге и в 50 верстах «в окружении». Надо отметить, что вступительных экзаменов в то время не было. Но обязательным было наличие гимназического образования и политическая благонадёжность, а также определённая сословная принадлежность, Юридический факультет был одним из самых престижных факультетов Университета. В это время на нём училось около 5000 студентов, и он был самым крупным в этом учебном заведении.

Так началась вторая попытка П.А. Сорокина получить высшее образование. Первую он предпринял в 1908 г., когда год проучился в Психоневрологическом институте в Петербурге.

За I и II семестры (1910/1912 гг.) П.А. Сорокин был освобождён от платы за обучение. В 1912 и 1913 гг. он получал Императорскую стипендию в размере 300 р. за семестр. За последний год обучения он уже оплачивал своё обучение. Правила обучения в Императорских университетах в то время были несколько иными⁴. Чтобы окончить университетский курс, студент должен был прослушать лекции по программе, утверждённой Советом факультета и сдать экзамены за 8 полукурсов (семестров). Причём в начале каждого семестра студент должен был лично записаться на курс к одному из профессоров университета в специальном журнале. Только после этого студент допускался к выпускным испытаниям.

А когда мы говорим о выпускнике университета, сделавшем в последствии научную карьеру, в первую очередь мы имеем в виду преподавателей, оказавших влияние на него и на выбор студентом научного направления. Сам П.А. Сорокин в одном из своих писем указывает, что «...*трое русских учёных имели влияние на мои взгляды в ранний период. Это, во-первых, профессор Леон Петражицкий, которого я считал и считаю величайшим учёным права XX столетия < >. Во-вторых и в-третьих, профессоров М. Ковалевского и Евгения де Роберти. Эти ранние идеи, однако, радикально трансформировались под влиянием первой мировой войны и особенно русской коммунистической революции, в течение первых пяти лет которой я жил в России до своей высылки из неё в 1922 году*»⁵. Именно эта троица чаще всего упоминается в его биографии. Но из этих троих П.А. Сорокин прослушал только 2 учебных курса у Л. Петражицкого, а именно «Энциклопедию

¹ (См. на стр. 44). Дело личное студента СПб университета Питирима Александровича Сорокина на 42 л. // ЦГИА СПб. Фонд 14. оп. 3. ед. хр. 56272. л. 4. Опубликовано: Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922).— Архангельск, 2008.— С. 35. При публикации текста прошения Ю.В. Дойков пропустил дату — 5 июля 1910 г. Все даты до февраля 1918 г. даны по старому стилю.

² Дело личное... Л. 16.

³ Дело личное...

⁴ Они были утверждены Министерством народного просвещения 12 июля 1905 г.

⁵ Цитируется: Дойков Ю.В. Питирим Сорокин...— С. 35–36.

права» в I–II семестре и «История философии права» в III–IV семестре. За оба предмета П.А. Сорокин получил отметку «весьма», что соответствует современному «отлично»¹. Как видно из его матрикула, такие же отметки он получил и по остальным прослушанным и сданным учебным курсам. Но ведь были и другие преподаватели, которые оставили заметный след в российской юридической науке и подготовили значительное число высококлассных специалистов. Поэтому я предлагаю вспомнить некоторых из этих лиц.

Историю римского права, курс которого прослушал П.А. Сорокин, читал **Иосиф Алексеевич Покровский** (1868, Черниговская губ., 1920, г. Москва), крупный русский правовед². Образование получил в Университете св. Владимира в Киеве. Был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но через некоторое время уехал в Германию, где пробыл 2,5 года в Берлине. По возвращению в 1896 г. был назначен приват-доцентом в Дерптском (Юрьевском) университете (сегодня Университет г. Тарту, Эстония)³. В 1898 защитил магистерскую диссертацию в Киеве, куда был переведён в 1896 г. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию в Киеве. С 1903 по 1912 гг. профессор и зав. кафедрой римского и гражданского права Петербургского университета, редактор журнала «Вестник права». В момент обучения П.А. Сорокина И.А. Покровский в 1910–1912 гг. декан Юридического факультета, так что им приходилось общаться не только в учебной аудитории. Автор учебного пособия по римскому праву, по которому учились все будущие юристы, и выдержало несколько изданий.⁴ С 1907 г. профессор юридического факультета Высших (Бестужевских) женских курсов. В 1911 г. был уволен «за отказ читать лекции под охраной полиции во время студенческих волнений».⁵ После этого ему было предложено перевестись в Харьковский университет. Но, посчитав себя оскорблённым, вместо этого И.А. Покровский подаёт в отставку. Переезжает в 1912 г. в Москву, где преподаёт в Московском коммерческом институте и в Университете им. Шанявского. В 1913 году была впервые издана его фундаментальная «История римского права», которая также несколько раз переиздавалась. С 1917 г. профессор юридического факультета Московского университета. Умер в Москве от болезни. Сотрудничал в «Юридическом вестнике», «Журнале министерства юстиции».

Историю русского права в Петербургском университете читал профессор **Дьяконов Михаил Александрович** (31.12.1855, Екатеринбург, 10.8.1919, Петроград) — русский историк, историк русского права, академик Императорской Академии наук с 1912 г.⁶

¹ Дело личное... Л. 16–23.

² Лаппа-Старженецкая Е.А. Памяти И.А. Покровского // Дела и дни. 1920. Вып. 1.; Полянский Н. Н. Иосиф Алексеевич Покровский: Личность покойного и его учёные труды // Право и жизнь. 1922. Кн. 1; Рудоквас А.Д. И.А. Покровский и его «История римского права» // Покровский И.А. История римского права.— М., 2004.

³ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902) / Под ред. Г.В. Левицкого. Т. I.— Юрьев, 1902.— С. 618

⁴ Покровский И.А. История Римского Права. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Петроград. 1917.

⁵ Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы.— Л., 1973.— С. 158.

⁶ Материалы для биографического словаря действительных членов АН, ч. 1, П., 1915; Григорьев В., Список трудов М.А. Дьяконова // Русский исторический журнал. П., 1921, кн. 7; Пресняков А., Труды М.А. Дьяконова по русской истории, там же; Шапиро А.Л., Русская историография в период империализма.— Л., 1962.— С. 49–51.

Первоначальное образование получил в Екатеринбургской и Пермской гимназиях. В 1881 году окончил Юридический факультет Петербургского университета. Был доцентом, потом профессором истории русского права в Дерптском (Юрьевском) университете¹. В 1900 году в Санкт-Петербургском университете защитил диссертацию на степень доктора права. В 1905 году был избран ординарным профессором кафедры истории русского права в Петербургском Политехническом институте. С 1907 года Михаил Александрович преподавал в Санкт-Петербургском университете, пока в 1912 году не отказался от чтения лекций вследствие болезни.

Его труды посвящены истории крестьянства, государства и церкви в России. Магистерская диссертация М.А. Дьяконова является одним из основных в нашей историко-юридической литературе трудов по истории политических идей и теории верховной власти в Древней Руси². Она была удостоена премии графа С. Уварова. Последний большой труд М.А. Дьяконова: «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси до конца XVII века», изданная в 1907 г. в Юрьеве, а позднее переизданная в Петербурге, представляет обработку общего курса истории русского права, читанного в высших учебных заведениях. Для учёного характерны привлечение большого количества источников, тщательность их исследования.

Адъюнкт по Историко-филологическому отделению (история и древности русские) Академии Наук с 3 сентября 1905 г., экстраординарный академик с 10 января 1909 г., ординарный академик с 1 июля 1912 г. Работал в 1918–1919 гг. в Библиотеке Академии Наук библиотекарем II Отделения.

Курс политической экономии П.А. Сорокин слушал у М.И. Туган-Барановского. **Михаил Иванович Туган-Барановский** (8 января 1865 г. – 21 января 1919 г.) — российский экономист, историк, видный представитель «легального марксизма»; после 1917 политик и государственный деятель Украинской народной республики (министр финансов)³. Происходил из древнего дворянского рода литовских татар (полная фамилия Туган-Мирза-Барановский). После окончания 2-ой Харьковской гимназии, Михаил в 1883 году поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Активный участник студенческого движения 1880-х гг. Его однокурсником был Александр Ульянов, а в организованный студентами физико-математического факультета биологический кружок, ядро которого сформировалось вокруг А.И. Ульянова, входил и М.И. Туган-Барановский. Был в числе активных участников т.н. «Добролюбовской демонстрации» 1886 года, проведённой в связи с похоронами публициста. Из-за этого был исключён из Университета и выслан из Петербурга. В мае 1889 г. окончил Харьковский университет со степенью кандидата физико-математического и юридического факультетов.

22 декабря 1892 г. М.И. Туган-Барановский выдержал испытание на степень

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902) / Под ред. Г.В. Левицкого. Т. I.— Юрьев, 1902.

² Дьяконов М.А. Власть московских государей. СПб., 1889.

³ Кондратьев Н.Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923; Туган-Барановский // Советская историческая энциклопедия.— М. 1973. Т. 14. 1040 стб.; Туган-Барановский Михаил Иванович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд.— М. 1977. 624 с.

магистра политэкономии и статистики в Московском университете и 14 января 1893 г. приказом по Министерству финансов он был определён на службу в Департамент торговли и мануфактур. 27 сентября 1894 г. на юридическом факультете Московского университета защитил диссертацию на соискание учёной степени магистра политической экономии по теме «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь». После этого немецкий экономист, историк, социолог и философ Вернер Зомбарт назвал Михаила Туган-Барановского «отцом новой теории кризисов».

В ноябре 1897 г. он решает полностью перейти на научную и преподавательскую работу и увольняется из Министерства финансов. В 1898 г. публикует монографию «Русская фабрика в прошлом и настоящем» и защищает на её основе докторскую диссертацию, получил степень доктора политической экономии.

В апреле 1900 года во Пскове принял участие в организационном совещании по созданию общероссийской рабочей газеты «Искра», в котором, кроме него, приняли участие В.И. Ульянов-Ленин, С.И. Радченко, П.Б. Струве, Л. Мартов, А.Н. Потресов, А.М. Стопани.

После этого в марте 1901 г. ему было запрещено находиться в С.-Петербурге. Несколько лет он жил в родовом имении Лохвице Полтавской губернии. Возвратиться в Петербург смог лишь после революции 1905 г. Вернулся в С.-Петербургский университет, где был зачислен на должность приват-доцента с 1 января 1906 г. Состоял в партии кадетов.

Критически настроенных экономистов во главе с П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановским В.И. Ленин окрестил «легальными марксистами». Это определение затем прочно утвердилось и в советских энциклопедических словарях, и в учебниках, и в научной литературе. Типичная формулировка: «Туган-Барановский русский экономист, историк, один из представителей “легального марксизма”, впоследствии открытый защитник капитализма»¹. Совершенно другую оценку дал своему учителю выдающийся русский экономист Н.Д. Кондратьев (друг и соученик по университету П.А. Сорокина — Т.А.): «Михаил Иванович в области экономической теории был первым, кто заставил европейскую мысль серьёзно прислушаться к движению её на востоке, в России. Это обуславливает национальное значение Михаила Ивановича. Он стал не только в уровень с эпохой, не только в уровень с научно-экономической мыслью передовых стран, но он содействовал прогрессу её...»².

В августе 1917 г. М.И. Туган-Барановский принял предложение главы Украинской Центральной Рады руководить финансами. Он активно включился в работу на Украине, преподавал в Киевском университете, в 1918 г. стал деканом юридического факультета Киевского университета. В конце 1917 – январе 1918 г. был министром финансов. Своё увлечение кооперативным движением реализовал в должности председателя Центрального кооперативного украинского комитета и редактора журнала «Украинская кооперация».

¹ Трахтенберг И.А. Борьба против «легального марксизма» // Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы (Очерк теории). 2-е изд.— М., 1954.— С. 89–93; Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев.— М., 1995.

² Цитируется по: Соболевский В.И. Отец новой теории кризисов // UNIVERSITATES. Наука и просвещение. 2005. № 4; Сорвина Г.Н. Михаил Иванович Туган-Барановский: первый российский экономист с мировым именем.— М. 2005.

После падения Центральной Рады он в январе 1918 г. приехал в Москву, читал лекции, председательствовал в совете кооперативных съездов. В эти дни он близко сошёлся с анархистом П. Кропоткиным. В июле 1918 г. М.И. Туган-Барановский поселился в имении в Лохвице, затем вернулся в Киев. В это время отходит от политической деятельности: получил кафедру в университете, одновременно являлся деканом юридического факультета, занимался созданием Украинской Академии наук. В те дни он закончил работу «Влияние политэкономии на естествознание и философию», которая была опубликована уже после его смерти. Умер 21 января 1919 г. в возрасте 54-х лет в Одессе в вагоне поезда, которым в составе украинской делегации ехал на Версальскую мирную конференцию.

По данным Л.Д. Широкограда, в западной марксологической литературе отмечается, что идеи, подобные тем, которые развивал в своё время М.И. Туган-Барановский, стали центральными в теоретических разысканиях так называемого «западного марксизма» во второй и третьей четвертях XX в. (А. Грамши, Д. Лукача, представителей «франкфуртской школы» М. Хоркхеймера, Т. Адорно, Э. Фромма, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и др.)¹.

Для студентов юридического факультета обязательным был курс государственного права. В годы учёбы П.А. Сорокина лекции по этому предмету читал И.А. Ивановский. Позднее П.А. Сорокин прослушал ещё один его курс русского государственного права. **Игнатий Александрович Ивановский (1858–1926)** — профессор Новороссийского и Петербургского университетов². Окончил курс юридического факультета университета Св. Владимира в Киеве. В Новороссийском университете он был экстраординарным профессором по кафедре международного права, а с 1896 года перешёл в Петербургский университет, где занял кафедру государственного права. Был деканом юридического факультета с 1904 по 1905 годы и в 1918 году.

В 1905 г. участвовал в комиссии А.Г. Булыгина по выработке учреждения Государственной Думы. Известен как издатель и комментатор международных договоров России с иностранными государствами.³

Статистику в Университете вёл профессор А.А. Кауфман. **Александр Аркадьевич Кауфман (12 марта 1864, Берлин – 18 мая 1919)** — русский экономист, автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, аграрным общинам, переселенческим вопросам, статистике. Один из лидеров Партии кадетов⁴.

¹ Укажем некоторые его работы по марксизму: Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. СПб. 1905; Он же. В поисках нового мира.— СПб. 1913; Он же. Социальная теория распределения.— СПб. 1913; Он же. Социализм как положительное учение.— Киев. 1918.

² Сафронова Е.В. История науки международного права: юбилейные даты 2008 г. // Международное публичное и частное право.— М., 2008. № 3.— С. 2–5.

³ Ивановский И.А. Собрание действующих договоров, заключённых Россией с иностранными державами. Т. I. Ч. 1. Договоры относительно интересов промышленности.— Одесса, 1890; Он же. Собрание действующих договоров, заключённых Россией с иностранными державами. Т. I. Ч. 2. Конвенции о консулах и о наследствах.— Одесса, 1890; он же. Собрание действующих договоров, заключённых Россией с иностранными державами. Т. II.— Одесса, 1889.

⁴ В.Э. Ден. Памяти Александра Аркадьевича Кауфмана. Электронный ресурс. http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?typeiru&linksi.ru/kaufman/biogr/kaufman_b1.txt&imgibrief.gif&nameikaufman

А.А. Кауфман родился 12 марта 1864 г. в Берлине в состоятельной, но впоследствии разорившейся еврейской семье. Отец его был родом из Гродно и принадлежал к ортодоксальной еврейской среде, хотя и был весьма крупным специалистом по лесному делу и по деревянному кораблестроению. Среднее образование А.А. Кауфман получил в немецкой школе Видемана, а потом в гимназии при Историко-филологическом институте в Петербурге, которую окончил в 1881 г. с золотой медалью, после чего поступил на юридический факультет Петербургского университета, курс которого окончил в 1885 г. После окончания Университета он долго не мог найти работу, пока случай в 1887 г. не привёл его в партию исследователей, образованную Министерством государственных имуществ для изучения землепользования и хозяйства западносибирских крестьян, и это обстоятельство надолго предредило дальнейшую его судьбу. В 1887–1890 гг. занимался изучением землепользования в южной части Тобольской и Томской губерниях, материалы которых были опубликованы в 7 томах¹. В результате этого, с 1892 г. по 1906 г. начинает постоянно привлекаться к статистическим исследованиям сибирского землепользования, в первую очередь, колонизационных возможностей Сибири. Так, с 1894 по 1903 гг. А.А. Кауфман, по поручению министерства, совершал поездки в различные части Азиатской России — Сибирь, Степной край, Туркестан, а равно и на северные и восточные окраины Европейской России. Принимал активное участие в подготовке столыпинской колонизационной реформы². В области статистики А.А. Кауфман, как статистик — практик, едва ли не первый в России применил, хотя и в сравнительно весьма несовершенной форме, выборочный метод исследования, для подворной же переписи крестьянских хозяйств выработал довольно своеобразный тип подворной карточки, пополненной рядом основных приходо-расходных вопросов.

Осенью 1910 г. А.А. Кауфман зачислился приват-доцентом СПб. Университета, но проработал в Университете до 1912 г. Таким образом, П.А. Сорокин был одним из немногих, кто прослушал его курс. Возможно, что к знакомству с А.А. Кауфманом его подтолкнуло знание работы переселенческих партий на Русском Севере. Как мы сегодня знаем, молодой П.А. Сорокин крайне скептически относился к работе партий П.Соколова и Рума³.

Крайне важный для будущего юриста курс «Догмы римского права» читал Д.Д. Гримм. Давид Давидович Гримм (11 января 1864 – 29 июля, 1941, Рига) — русский юрист, ректор Петербургского университета в 1910–1911 годах, один из виднейших представителей в России науки римского права⁴.

Родился в 1864 г. в семье известного русского архитектора, академика и профессора Императорской Академии художеств Давида Ивановича Гримма (1823–1898). В 1885 г. окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью канд. наук. В 1886 был оставлен в университете для приготовления

¹ Кстати, в материалах этой экспедиции имеются сведения о коми переселенцах в Тарском и Ялуторовском уездах.

² На основе полученных данных А.К. Кауфман опубликовал ряд книг, например: *Община и успехи сельского хозяйства в Сибири* (1894), *«Крестьянская община в Сибири»* (1898), *«Русская община в процессе её зарождения и роста»* (1908), *«Переселение и колонизация»* (1905).

³ Сорокин П.А. Печорская экспедиция и колонизация Зырянского края // ИАОИРС. 1910. № 8–9.— С. 645–651; № 11.— С. 863–868.

⁴ Томсинов В. А. Давид Давидович Гримм (1864–1941) // *Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества*. В 2-х томах (Том 2).— М., 2007.— С. 222–252.

к профессорскому званию. Служил в канцелярии IV департамента Правительствующего Сената, а затем был командирован за границу в Берлин, где изучал римское право. По возвращению в Россию с 1894 г. стал читать римское право в Петербургском университете, где в 1899 г. становится экстраординарным, а в 1901 г. ординарным профессором. В 1906 г. Д.Д. Grimm был избран деканом юридического факультета, а в 1910 г. — ректором Петербургского университета, каковую должность оставил в 1911 г. вследствие студенческих беспорядков в ВУЗе. Д.Д. Grimm, исполняя обязанности декана юридического факультета и ректора Санкт-Петербургского университета, сумел приобрести уважение как близких к университету кругов, так и всего русского общества энергичной защитой законности и автономии высшей школы¹.

В 1910–1911 годы, когда начались студенческие годы П.А. Сорокина, были трудным временем в жизни российских университетов. Студенты, подпавшие под влияние политической пропаганды революционеров и либералов, стремились превратить учебные заведения в политические клубы. Они беспрестанно митинговали и бастовали, устраивали политические шествия. Такое поведение студентов провоцировало власти на принятие жёстких мер по наведению порядка с помощью полиции. Деканы факультетов и особенно ректор университета оказывались при этом в положении между молотом и наковальней. Ректор Д.Д. Grimm старался успокоить студентов и в то же время делал всё необходимое для предотвращения вторжения полиции в стены университета.

В конце концов, частые студенческие волнения, выливавшиеся, как правило, в кровавые столкновения с полицией, вынудили правительство принять меры по наведению порядка в учебных заведениях. Постановлением Совета Министров от 11 января 1911 года была ликвидирована автономия университетов. В тот же день был издан циркуляр Министерства народного просвещения «О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений». Эти меры привели к ещё большему обострению обстановки в российских университетах. Студенты продолжали митинговать, несмотря на запреты правительства. Полиция же действовала теперь более решительно. 22 января в главном коридоре здания Санкт-Петербургского университета были вывешены два красных флага с надписями «Долой самодержавие» и «Да здравствует учредительное собрание». Спустя неделю после этого ректор Д.Д. Grimm распорядился закрыть университет в целях предупреждения беспорядков. К сожалению, у нас нет сведений о поведении П.А. Сорокина в эти сложные для университета дни.

В начале сентября 1911 года Д.Д. Grimm подал прошение об отставке с поста ректора. Высочайшим приказом от 11 сентября он был «уволен от должности Ректора Императорского С.-Петербургского университета, с оставлением в долж-

¹ Интересным является то, что с детьми Д.Д. Grimma занимался студент Сергей Сергель, который в 1906 г. совершил путешествие к коми-зырянам. Об этом см.: Ивановская Н.И. Этнографическая поездка на территорию коми С.И. Сергеля (май–сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар. 2007.— С. 141–151; Она же. Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвёртые Шегреновские чтения.— СПб. 2011.— С. 286–302; Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— СПб. 2011.— С. 109–111.

ности Ординарного Профессора того же Университета». Новым ректором был утверждён 12 декабря 1911 года профессор всеобщей истории Эрвин Давидович Гримм, занимавший ранее должность проректора, кстати, брат Д.Д. Гримма.

3 августа 1913 года министр народного просвещения Л.А. Кассо издал приказ о переводе Д.Д. Гримма на должность ординарного профессора Императорского Харьковского университета по кафедре римского права. Но профессор Гримм являлся членом Государственного Совета, и это давало ему основание отказаться от назначения в Харьковский университет. Высочайшим приказом от 10 февраля 1914 года Д.Д. Гримм был, как говорится в его «Формулярном списке» «уволен от занимаемой должности Ординарного Профессора Императорского Харьковского Университета по случаю причисления к Министерству Народного просвещения».

С 1907 г. 2 срока состоял членом Государственного совета по выборам от Академии Наук и российских университетов.

Из революции 1905–1907 годов русская интеллигенция вышла расколотой на партии. Д.Д. Гримм примкнул, подобно многим другим правоведам, к партии конституционных демократов, выступавшей также под именем «Партии народной свободы».

После Февральской революции 1917 г. с 29 апреля он — товарищ министра просвещения, председатель Особого совещания при Временном правительстве по образованию. До этого, 16 марта 1917 года Д.Д. Гримм был назначен Указом Временного правительства Правительствующему Сенату «Комиссаром Временного Правительства над Государственной Канцелярией и Канцелярией по принятию прошений».

Председатель постоянного совещания товарищей министров Временного правительства. На 8-м съезде партии кадетов (май 1917 г.) избран вновь в ЦК. Указом Временного правительства от 8 мая 1917 г. назначен «к присутствованию в Правительствующем Сенате».

В июне 1919 года юридический факультет 1-го Петроградского университета, членом которого числился Д.Д. Гримм, был преобразован в политико-юридическое отделение учреждённого на базе историко-филологического факультета и факультета восточных языков Факультета общественных наук. Д.Д. Гримм стал первым Деканом ФОНа.

Д.Д. Гримм был арестован 5 сентября 1919 г. в числе ряда профессоров Университета, но, в конце концов, отпущен на поруки. 29 октября 1919 года новым деканом Факультета общественных наук вместо Д.Д. Гримма был утверждён Советом университета профессор Н.Я. Марр.

Весной 1920 года Д.Д. Гримм покинул Советскую Россию и эмигрировал в Финляндию, где входил в группу, возглавляемую А.В. Карташёвым. Главный редактор газет «Русская Жизнь», «Новая Русская Жизнь» (весна 1920). Генерал П.Н. Врангель, принявший 22 марта 1920 года пост Главнокомандующего Вооружёнными Силами Юга России, назначил его своим официальным представителем в Финляндии. С 1922 г. до 1929 г. декан Русского юридического факультета (РЮФ) в Праге. В 1927–1934 гг. профессор университета в г. Тарту. Переехав в Тарту, Д.Д. Гримм не расстался окончательно с Прагой. Он покинул пост декана РЮФ, но остался в должности профессора факультета. Умер Давид Давидович в Риге, оккупированной немцами, 29 июля 1941 года.

Среди преподавателей университета был человек, с которым П.А. Сорокина связывали земляческие отношения. Речь идёт о профессоре **Василие Николаевиче Латкине**, который вёл на факультете историю русского права. Его дед, которого так же звали Василий Николаевич Латкин, был, как и П.А. Сорокин, выходцем из Коми края. Он сделал блестящую карьеру золотопромышленника, путешественника, публициста.

Василий Николаевич Латкин родился в 1858 году в Красноярске. Его отцом был известный в тогдашней России золотопромышленник Н.В. Латкин (1832/33–1904). Николай Васильевич Латкин, как и его отец, был золотопромышленником и учёным. Его перу принадлежит несколько работ по географии, статистике, геологии и географии Восточной Сибири¹.

Именем Василий будущий профессор был наречён в честь своего деда Василия Николаевича Латкина (1809–1867), известного в своё время купца и промышленника, но более прославившегося в качестве путешественника, исследователя русского Севера, публициста и общественного деятеля. «Коммерческие предприятия не особенно удавались Латкину, но он был энергичным пионером разработки богатств северного края, своими литературными трудами он оказал большие услуги исследованию и описанию нашего отечества»². Но тем не менее он оставил яркий след в изучении коми-зырян³.

Первоначальное образование Василий Латкин получил в частной гимназии Ф.Ф. Бычкова, которую окончил в 1878 г.⁴ В том же году он поступил на Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. По окончании университетского курса обучения в 1882 году В.Н. Латкин был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. В 1883 году он выдержал магистерский экзамен и был допущен к преподаванию.

В 1885 г. представил к защите в качестве диссертации на соискание учёной степени магистра государственного права свою книгу «Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. Историко-юридическое исследование Василия Латкина».⁵

После присвоения степени магистра государственного права Василий Николаевич получил приглашение в 1886 г. читать лекции по истории русского права в качестве приват-доцента на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1889 году он стал экстраординарным профессором, а спустя ещё два года — в 1891 году — был утверждён в звании ординарного профессора. Одновременно с 1891 года и до 1905 года Василий Николаевич читал лекции по истории русского права в Императорском Училище правоведения. Имеются воспоминания о лекциях В.Н. Латкина Александра Блока, который некоторое время был студентом Юридического факультета. Он писал, что его

¹ О нём см.: Богданов И.А. Петербургская фамилия: Латкины.— СПб., 2002.— С. 105–122.

² Русский биографический словарь.— СПб., 1914. Т. 10.— С. 87–88.

³ Об этом см.: Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— СПб. 2011.— С. 143–147.

⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894.— СПб., 1896. Т. 1.— С. 370.

⁵ Анализ этой диссертации и книги см.: Томсинов В.А. Василий Николаевич Латкин (1858–1927). Биографический очерк.

настроение «не может всегда совпадать с далеко не всегда научными курсами Сергеевича, Латкина и других. Всё это последнее часто кажется разбавленным водой, но, тем не менее, трудно уловимым»¹. 7 мая 1901 года А. Блок сообщал своему знакомому А.В. Гишпиусу: «По истории русского права я получил у Латкина 3, но это меня не смущает и не огорчает»².

В годы Первой русской революции В.Н. Латкин в начале 1906 года вступил в партию «Союз 17 октября». Его имя впервые упоминается в протоколе заседания Центрального комитета данной партии, состоявшемся 25 января 1906 года. Он становится председателем Царскосельского отделения партии «октябристов»³. Был членом ЦК этой партии.

По данным В.А. Томсинова, Василий Николаевич Латкин пережил революционную катастрофу 1917 года и кровавую гражданскую войну. Он умер в 1927 году.

Курс полицейского права вели два преподавателя: В.М. Гессен и В.Ф. Дерюжинский.

Владимир Матвеевич Гессен (Вольф Мунишевич Гессен, 1868 г., Одесса – 1920 г., Иваново-Вознесенск) — российский государственный и политический деятель, юрист и публицист. Депутат II Государственной думы⁴. Родился в Одессе в купеческой семье. В 1891 году окончил юридический факультет Новороссийского университета, учился в Германии. В 1896 году перешёл в Санкт-Петербургский университет, где состоял приват-доцентом по кафедре полицейского права. Также преподавал историю русского права в Александровском лицее и был доцентом государственного права в Политехническом институте. После революции 1905 года состоял в Конституционно-демократической партии. Избирался в Государственную Думу II созыва. Принимал активное участие в разработке ряда законопроектов, направленных к обеспечению основных гражданских свобод.

В.М. Гессен как юрист придерживался концепции естественного права и выступал за создание представительной демократии с системой сдержек и противовесов и принципами верховенства закона и правового государства. Он сыграл важную роль в распространении идеи конституционной, представительной формы правления в Российской Империи конституционной монархии⁵.

С 1919 года до своей кончины преподавал в Иваново-Вознесенском политехническом институте.

¹ Письма Александра Блока к родным.— Л., 1927.— С. 55. См. также: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1.— С. 426.

² Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1.— С. 426.

³ См.: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг.— М., 1996.— С. 68.

⁴ Гессен В.Ю. Жизнь и деятельность В.М. Гессена — юриста, публициста и политика.— СПб., 2000.; Бельский К.С. Учёный-административист и поэт серебряного века: к 140-летию со дня рождения проф. В.М. Гессена // Государство и право. 2009. № 1.— С. 79–87; Окатова А.С. Владимир Матвеевич Гессен: судьба и идеи // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 2. С. 88–91; Савенко Г.В., Семенов А.М. В.М. Гессен в Иваново-Вознесенске // Правоведение. 2003. № 1.— С. 247–251.

⁵ Илюшин В.А. Учение В.М. Гессена о естественном праве // Правоведение. 2003. № 1.— С. 252–259; Корнеева Н.В. Теоретико-правовые взгляды В.М. Гессена на историческую эволюцию науки государственного права // История государства и права. 2007. № 13. С. 36–37; Окатова А.С., Туманова А.С. Правовое и конституционное начала государственности в трактовке российского государствоведа В.М. Гессена // История государства и права. 2009. № 18.— С. 44–47.

Владимир Фёдорович Дерюжинский (1861–1920) — российский юрист, публицист, преподаватель, редактор, автор ряда фундаментальных трудов по юриспруденции, один из составителей Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, где ему принадлежит множество статей по правоведению.

Происходил из старинной дворянской фамилии белорусского происхождения. Окончил курс на юридическом факультете в Московском университете. В 1884–1885 г. совершил поездку за границу с научной целью и занимался в Париже и Гейдельберге. Был приват-доцентом Московского университета; в 1891 г. назначен и. д. экстраординарного профессора полицейского права в Дерптском (Юрьевском), позднее с 1902 г. профессор того же предмета в Петербургском университете. После 1917 года некоторое время оставался в Петербурге. В 1920 г. получил разрешение выехать к сыну в США, но не успел, умер от тифа.

Курс, который назывался «Право и нравственность» читал **Александр Семёнович Яценко** — русский юрист, правовед, философ, библиограф (24 февраля 1877, Ставрополь – 10 июня 1934, Берлин). В 1895 поступил в Московский университет сначала на математический факультет, затем перешёл на юридический.

В 1905 г. был командирован на два года за границу для завершения магистерской диссертации. По возвращении в 1907–1908 гг. читал лекции в Московском университете. Защитив в декабре 1908 г. диссертацию на степень магистра международного права, в январе 1909 избран приват-доцентом, в сентябре 1909 назначен экстраординарным профессором Дерптского (Юрьевского университета) по кафедре энциклопедии и философии права. В Дерпте подготовил докторскую диссертацию, которую защитил в феврале 1913 в Санкт-Петербурге, став с 16 января 1913 года экстраординарным профессором Петербургского университета.

В 1917–1918 гг. ординарный профессор в Пермском университете. Весной 1919 г. был включён в состав первой советской делегации в Берлин в качестве эксперта по международному праву. Не разделяя позицию большевиков, отказался вернуться с делегацией в Советскую Россию, и стал одним из первых «невозвращенцев».

Осенью 1924, назначенный ординарным профессором юридического факультета Литовского университета в Каунасе и заведующим кафедрой международного права, поселился в Литве. В литовском университете читал курсы международного права, международного частного права и международного экономического права.

А.С. Яценко выдвинул идею синтетической теории права, которая могла бы объединить сложившиеся ранее представления о праве, абсолютизовавшие отдельные моменты органической взаимосвязи личности и общества. Согласно Яценко, право, нравственность и религия неотделимы друг от друга. Их взаимосвязь определяется объективной природой абсолютного добра, или блага, которое вместе с тем предполагает и наличие субъективного начала. Нравственная деятельность, ориентированная на абсолютное добро, устанавливает равновесие в отношениях общества и личности, отвечающее нравственному сознанию и «социологически утверждаемым законам общественной жизни». В своей философии права Яценко продолжает традиции русского религиозного идеализма (прежде всего В.С. Соловьева), стремясь при этом опираться на основные выводы современной науки о человеке и обществе.

На 5–6 семестрах П.А. Сорокин слушал курс уголовного права и процесса, который вёл **Михаил Павлович Чубинский** (1871, Киев – 1943, Югославия) — юрист, общественный деятель, публицист¹. Родился в Киеве в потомственной дворянской семье. Его отцом был известный этнограф Павел Платонович Чубинский (автор слов современного государственного гимна Украины), который находился в ссылке в Архангельской губернии². Начальное образование получил дома. Затем окончил Киевскую 2-ю гимназию и коллегию Павла Галагана. Высшее образование получил в Киевском университете им. Св. Владимира на юридическом факультете. Был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. После присвоения ему степени приват-доцента читает право в Киевском университете, Ярославском Демидовском юридическом лицее, в Харьковском университете³. Позже откомандировывается за границу для ознакомления с новейшими юридическими теориями. С 1906 года приват-доцент, позднее профессор Петербургского университета Михаил Чубинский состоял членом нескольких просветительских обществ, причём в Харьковском обществе распространения грамотности он являлся председателем правления. По политическим воззрениям был умеренным либералом, поддерживал партию конституционных демократов, в 1905–1906 годах был председателем её харьковского бюро. Был депутатом от Харьковского университета в совещаниях по университетской реформе в Петербурге с начала 1906 года. С мая 1917 года сенатор Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

М.П. Чубинский не принял революцию, со всем её произволом и правовым нигилизмом. Когда гетман Скоропадский сделал попытку объединить консервативные силы Украины, он поддержал его и с апреля по июль 1918 года занимал пост министра судебных дел в правительстве гетмана, с июля был сенатором и председателем Уголовного суда. После падения Скоропадского М.П. Чубинский, отвергая крайний национализм и левизну Украинской Директории, выехал на Дон, занятый к тому времени Добровольческой армией. В правительстве Деникина он занимал пост обер-прокурора. Впоследствии М.П. Чубинский проживал в Крыму, где сотрудничал с правительством Врангеля и пытался наладить диалог между украинскими автономистами и Врангелем⁴. В годы эмиграции Михаил Чубинский проживал в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (с 1929 года Югославия), был профессором в Белграде и Суботице.

В этом же семестре курс гражданского права читал **Всеволод Аристархович Удинцев** (1865–1930). Родился 29 октября 1865 года в семье священника села Невьянского Ирбитского уезда Пермской губернии Аристарха Дмитриевича Удинцева.

¹ Овчинский В.С. Вступительная статья (о М.П. Чубинском) / В.С. Овчинский, А.В. Федоров // Чубинский, М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права.— М. 2008.

² Дойков Ю.В. П.П. Чубинский. Предтеча украинской свободы.— Архангельск, 2007. О краеведческой деятельности П.П. Чубинского в Архангельской губ. см.: Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми.— СПб. 2011.— С. 198–199.

³ Ошуркова Р.А., Шилов А.В. Яценко Александр Семёнович (9 марта 1877 – 10 июня 1934) // Профессора Пермского государственного университета (1916–2001): Пермский университет в биографиях учёных.— Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001.— С. 137–138.

⁴ Пискун В.Н. Украинцы в правительстве Врангеля: личностное измерение / Крым. Врангель. 1920 год.— Москва, 2006.

Получив среднее образование в Екатеринбургской гимназии, продолжил учёбу в 1885 г. на юридическом факультете Императорского Московского университета, где прослушал лекции пяти семестров, успешно сдал переводные экзамены, однако, в декабре 1887 г., не имея средств на оплату обучения в Университете, перевёлся в Демидовский юридический лицей на 1-й курс юридического факультета. Окончив курс юридических наук в 1889 г. со степенью кандидата прав, В.А. Удинцев был оставлен при Лицее для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права. В этом Лицее позже стал приват-доцентом и читал лекции по торговому праву, в мае 1896 г. защитив магистерскую диссертацию по гражданскому праву «Посессионное право» в Киевском университете им. Св. Владимира. В 1897 г. перешёл в Киевский университет, где, защитив докторскую диссертацию на тему торгового права, состоял в должности экстраординарного и ординарного профессора на кафедре торгового права. В 1909 году перешёл на кафедру гражданского права. В 1911 году перешёл в Санкт-Петербургский университет на кафедру гражданского права. В 1913 году был избран деканом юридического факультета и кроме того назначен председателем юридических испытательных комиссий при различных русских университетах.

Церковное право в Университете во время учёбы П.А. Сорокина читал **Владимир Николаевич Бенешевич** (9 августа 1874, город Друя Дисненского уезда Виленской губернии – 27 января 1938, Ленинград) — российский юрист (специалист в области церковного права) и историк, византист, палеограф, член-корреспондент РАН (с 1925 г.), член Императорского Православного Палестинского Общества¹. Происходил из семьи обрусевшего белорусского судебного чиновника.

Окончил в 1893 г. с золотой медалью Первую Виленскую гимназию, в 1897 г. с дипломом 1-й степени — юридический факультет Петербургского университета. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1897–1901 годах учился в Германии в Гейдельбергском, Лейпцигском и Берлинском университетах, изучал философию, историю и право.

Был одним из образованнейших русских учёных в области церковного права, много работал с источниками, знал английский, французский, немецкий, итальянский, польский, чешский, болгарский, сербский, новогреческий, древнегреческий, латинский, сирийский, древнегрузинский и древнеармянский языки. В 1900–1905 занимался в библиотеках Европы и Ближнего Востока, исследуя славянские и византийские письменные источники. В 1901–1908, 1911, 1912 гг. участвовал в археографических экспедициях по древним религиозным центрам Афона, Синая, Египта, Греции, Малой Азии, Палестины; получил доступ к рукописным монастырским собраниям, обследовал 49 европейских библиотек, работал в Париже, Вене, Мюнхене, Риме. Просмотрел все греческие рукописи правового содержания и обнаружил множество неизвестных юридических памятников. Основным направлением его научной деятельности было стремление воссоздать историю греко-римского права на основе обширнейшей систематизированной источниковой базы. В 1908–1918 гг. был редактором «Обозрения трудов по славяноведению»².

¹ Гранстрем Е.Э. В.Н. Бенешевич // Византийский Временник. 1973. Т. 35.— С. 239–243.

² Записка об учёных трудах В.Н. Бенешевича / Ф.И. Успенский, В.П. Бузескул, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр // Известия РАН. Сер. 6. 1924. Т. 18, ч. 2; Вернадский Г. 25-летие научно-литературной деятельности В.Н. Бенешевича // Seminarium Kondakovianum. 1. Prague, 1927; Ирмшер И. Русские исследователи античности в Берлинской Академии // Вестник

С 1905 приват-доцент, с 1909 экстраординарный профессор, затем ординарный профессор Петербургского (затем Петроградского) университета. В 1905–1910 гг. вёл занятия по греческой палеографии и истории Византии на историко-филологическом факультете, с 1910 г. читал лекции по церковному и государственному праву на юридическом факультете.

В 1917–1918 участвовал в деятельности Поместного собора Православной Российской церкви, был одним из секретарей Собора. В 1922 был арестован, проходил по «делу митрополита Вениамина», но судом был оправдан.

В 1919–1928 гг. В.Н. Бенешевич служил в архивах и библиотеках. В частности, в 1923–1927 был заведующим библиотекой Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в 1925–1928 гг. главным библиотекарем и хранителем греческих рукописей отдела рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде, на должность которого был приглашён Н.Я. Марром. В 1924 г. вновь арестовывался.

В ноябре 1928 года его научная деятельность была прервана в связи с арестом по обвинению в шпионаже в пользу Ватикана, Германии и Польши. Был приговорён к трём годам лишения свободы и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1930 году был арестован в лагере и возвращён в Ленинград и привлечён к «делу академика Платонова» («Академическому делу»). Обвинялся в том, что должен был занять пост министра вероисповеданий в будущем правительстве. В 1931 году приговорён к пяти годам лишения свободы и отправлен в Ухта-Печерский лагерь. В марте 1933 по ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича был досрочно освобождён. С 1934 вновь работал хранителем греческих рукописей в Публичной библиотеке, а также читал курс византийской истории в Ленинградском государственном университете. В мае 1937 в Мюнхене вышел первый том немецкого издания труда В.Н. Бенешевича об Иоанне Схоластике. В октябре 1937 был уволен с работы, тогда же в «Известиях» появилась заметка о предательстве учёного, издавшего труд в фашистской Германии. Арестован 27 ноября 1937 г., обвинён в шпионаже. Часть времени заключения, видимо, провёл в тюремной больнице (страдал серьёзными заболеваниями сердца и печени). Был приговорён к расстрелу особой тройкой НКВД 17 января 1938 и расстрелян.

Так пролетели 4 года студенческой жизни. В марте 1914 г. П.А. Сорокин обращается к декану юридического факультета с прошением:

Его Превосходительству,
Господину декану Юридического факультета
Императорского Санкт-Петербургского университета

Состоящего в числе студентов Императорского Санкт-Петербургского университета Сорокина Питирима Александровича.

древней истории. 1967. № 2; Горяинов А.Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920-х гг. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2; Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1; Медведев И.П. Неожиданный Бенешевич. Заметки по материалам архива учёного // Византийский Временник. 1994. Т. 55; Его же. В.Н. Бенешевич: Судьба учёного, судьба архива // Архивы русских византистов в С.-Петербурге. СПб., 1995; Герд Л.А. Фотоархив В.Н. Бенешевича // Там же; Брачев В.С. «Дело историков» 1929–1932 гг.— СПб., 1997.

Адрес: Санкт-Петербург, Угол Большого Гребецкого и Малого проспекта, д. 26/28. Кв. 32.

Прошение

Предъявляя при сем матрикул, справку библиотеки и справку об отсутствии за мной недоимок, имею честь просить Ваше Превосходительство о выдаче выпускного свидетельства о прослушанном мною полного курса наук в Императорском Санкт-Петербургском университете.

Подпись

На прошении отмечена дата поступления в канцелярию 8 марта, а также резолюция: «Зачтено 8 полугодий. Декан. Подпись.»¹.

А уже 8 марта 1914 г. в канцелярии Юридического факультета было подготовлено само выпускное свидетельство, копия которого сохранилась в его «Личном деле»:

Свидетельство

Предъявитель сего, Питирим Александрович Сорокин, православного вероисповедания, родившийся 23 января 1889 г., был принят по свидетельству зрелости гимназии Великого Устюга от 4 июля 1909 г. за № 340 в число студентов Императорского Санкт-Петербургского университета в июле 1910 г. и зачислен на Юридический факультет, на котором слушал курсы: по Истории римского права, Догме римского права, Истории русского права, Государственному праву, Церковному праву, Полицейскому праву, Политической экономии, Статистике, Гражданскому праву и Судопроизводству, Торговому праву и судопроизводству, Уголовному праву и судопроизводству, Финансовому праву, Международному праву, Энциклопедии права, Истории философии права и по выполнении всех условий, предусмотренными Правилами, имеет 8 зачётных полугодий.

В удостоверение чего, что на основании ст. 77 Общего устава Императорского Российского университета 23 августа 1884 г. выдано это свидетельство от Юридического факультета за положенными подписями и с приложением Университетской печати.

8 марта 1914 г. за № 864

Декан

Секретарь ²

На документе рукой П.А. Сорокина написано: «17 марта 1914 г. Выпускное свидетельство и отметки получил. Подпись.».

¹ Личное дело... Л. 7.

² Личное дело... Л. 8.

Марина Ломоносова

Ломоносова Марина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

В 2006 году защитила диссертацию по теме «Социология революции П. А. Сорокина», автор более 20 научных публикаций по истории социологии.

Литература как объект социологического анализа в теоретическом наследии Питирима Сорокина и литературные грани его творчества

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения крупнейшего социолога XX века Питирима Александровича Сорокина (1889–1968). Известное Библиейское выражение «Нет пророка в своём отечестве» как нельзя лучше относится к его многогранному научному творчеству. Он родился в селе Турья Вологодской губернии (ныне это территория республики Коми), получил блестящее образование в Санкт-Петербурге, в 1922 году был выслан за границу вместе с другими выдающимися деятелями отечественной науки и культуры. Оказавшись сначала в Берлине, а затем по личному приглашению президента Чехословакии Т. Масарика в Праге, где он провёл год, работая в Русском университете, редактируя журнал «Крестьянская Россия»; в это же время П.А. Сорокин написал ряд научных и публицистических работ о революционных потрясениях и их последствиях в России. В октябре 1923 г. учёный получил из США приглашение выступить в нескольких университетах с лекциями о русской революции. Цикл лекций состоялся в начале 1924 г., после чего П.А. Сорокин избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 г. Шесть лет работы в университете оказались очень плодотворными для Сорокина. Здесь вышли в свет такие его труды, как: «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), которые были признаны научным и социологическим сообществом и повлияли на дальнейшее развитие мировой социологической мысли. Благодаря этим достижениям учёного, президент Гарвардского университета Эбботт Лоуэлл пригласил П.А. Сорокина в 1930 году принять участие в создании и организации нового отделения социологии. Сорокин принял это предложение и не только справился с поставленной задачей,

но и на протяжении 12 лет был деканом отделения социологии. Двадцать пять лет самой активной научной и организаторской работы были связаны у него с этим ведущим гуманитарным академическим заведением США. Крупнейшие американские социологи сформировались внутри возглавляемой П.А. Сорокиным гарвардской школы: Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис, К. Лумис, Дж. Райли и др. Благодаря П.А. Сорокину Гарвард стал одним из главных центров теоретической социологии в США, что подчёркивает значимость российского вклада в мировую социологию. Е.В. Масловская¹, анализируя эволюции американской социологии права, отмечает, что значительный вклад в её формирование в 30–40-е гг. внесли представители российской социологической традиции Н.С. Тимашев и П.А. Сорокин. Питирим Александрович проработал на факультете до ухода на пенсию в 1959 году.

Труды П.А. Сорокина охватывают практически все области социологии, включая социологию знания, социологию искусства, методологию социологии, политическую социологию. Его работы, посвящённые анализу современного общества, поражают глубиной интуиции и научного анализа, а также нельзя не отметить и такую их весьма яркую и характерную черту — попытку создать «нравственную историю XX века». Несмотря на то, что такие его работы, как «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928) и «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) стали классикой мировой социологии, на русский язык они были переведены лишь несколько лет назад. А работы российского и более поздние работы американского периодов творчества так и остались «на обочине» отечественной социальной мысли, недостаточно изученными и востребованными, несмотря на их большую научную и практическую значимость.

Отдельного внимания заслуживают литературные грани творчества Питирима Александровича Сорокина. Его творчество поразительно многогранно, из-под его пера выходили результаты фундаментальных научных исследований, публицистические статьи, рецензии и критические статьи, очерки и заметки. На протяжении всей своей жизни он много писал, писал о людях его окружающих и о событиях, происходящих в обществе и в его личной жизни, вёл активную переписку с друзьями и коллегами. И если учёным хорошо знакома автобиография «Долгий путь», вышедшая в свет в 1963 году в США, в которой Сорокин анализирует трансформацию своего мировоззрения и историю своей жизни в контексте наиболее значимых исторических событий века, то ряд его произведений так и не стали доступными для широкого круга читателей и исследователей. В подтверждение этому свидетельствуют документы и рукописи, сохранившиеся в архиве Института русской литературы РАН (Пушкинском Доме)².

Нужно отметить, что сегодня исследование в рамках истории социологии, проведённое без привлечения архивных материалов, может оказаться недостаточно объективным. Последние десятилетия прошлого века — особый период в истории архивов и самих архивных документов, которые стали не только более доступны

¹ Масловская, Е.В. Эволюция американской социологии права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. Выпуск 1 (5). Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. — С. 266–272.

² Дойков Ю.В. Сорокин Питирим. Человек вне сезона: биография. Т. 1: (18891922) / П. Сорокин; [подгот. Ю. Дойков].— Архангельск, 2008.— 432 с., С. 400–404.

исследователям, но и выступили в качестве предмета многочисленных публикаций в исторических, социологических, литературных и других научных и научно-популярных журналах. Появились специальные периодические издания и альманахи, ориентированные на публикации исторических документов из российских исторических архивов, семейных архивов, рукописных отделов музеев и библиотек, частных собраний и других хранилищ. Безусловно, что весь этот массив архивных документов должен включаться в контекст большинства историко-социологических исследований, но это происходит не всегда. Отчасти это обусловлено тем, что большинство документов очень долгое время находились в архивах на «закрытом хранении», доступ к которому имели лишь отдельные специалисты, а пропуском для них являлась их «партийная пригодность» и желание написать работу на тему «Критика буржуазных концепций...». Но, как известно, «запретный плод» сладок, когда он запретный, поэтому, когда появилась возможность работать с архивными документами, не опасаясь идеологических ограничений и запретов, то произошла парадоксальная ситуация. Изначально, на фоне огромного всплеска интереса к архивным документам, специалисты многих областей гуманитарных наук стали обращаться в архивы и другие хранилища, но работа в них требует особых знаний и навыков, отнимает большое количество времени и сил: время неумолимо накладывает отпечаток на документы, их прочтение становится достаточно сложным. Кроме этого, очень часто документы, необходимые для конкретного исследования, находятся не только в разных фондах, но и в разных архивах, что также вносит сложности в исследовательскую работу. Так, например, документы, связанные с творчеством П.А. Сорокина, сосредоточены более чем в двадцати различных архивах России, США и Чехии, причём многие коллекции документов стали доступны для исследователей только в последние десятилетия. Кроме этого, необходимо тщательно проверять источники информации, иначе исследование может пойти по неверному пути, и здесь стоит привести пример из личного опыта. Ранее опубликованная статья «Литературные грани творчества Питирима Сорокина» содержала информацию о том, что «...ещё одна грань литературного творчества П.А. Сорокина связана с детской литературой. В 1923 году в Государственном книжном издательстве в Москве огромным для того времени тиражом (7000 экз.) вышла в свет серия сборников детских рассказов и стихотворений «Мальши», состоящая из трёх отдельных книг, в которых были представлены произведения многих известных поэтов и писателей, например: А. Фета, Н. Некрасова, А. Толстого, Демьяна Бедного. Открытием был тот факт, что П.А. Сорокин написал для этой серии и опубликовал под хорошо известным для специалистов псевдонимом «Вьюгов» шесть рассказов»¹. В результате дальнейшего исследования творчества П.А. Сорокина удалось установить, что указанные рассказы принадлежат перу другого автора — Казмина Николая Васильевича, опубликовавшего некоторые из них ещё в 1914 году в своём сборнике детских рассказов «Рожок пастуха»². Как же могла произойти подобная ошибка при идентификации автора детских рассказов? Дело в том, что в «Словаре псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» содержится следующая

¹ Ломоносова М.В. Литературные грани творчества Питирима Сорокина // Наследие. Научный журнал. № 1(4), 2014.— С. 112.

² Н. Казмин—Вьюгов. Рожок пастуха. Рассказы.— М., Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1914.— 223 с.

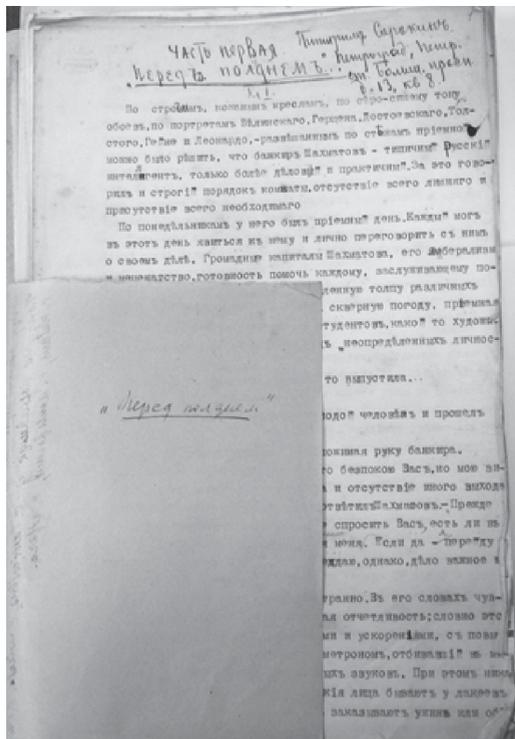
информация: «Вьюгов, В. = Питирим Александрович Сорокин. «Народная мысль» 1915, в сборнике «Малыши» кн.3 М.-П. 1932 и др. изд.», т.е. составитель этого словаря — Масанов И.Ф. допустил ошибку, которая в дальнейшем привела исследование к ложному результату. Таким образом, необходимо ещё раз подчеркнуть, что историко-социологические и биографические исследования требуют критического анализа базы источников и архивного материала.

Документы, составившие основу «Архива П.А. Сорокина» поступили в рукописный отдел Пушкинского Дома 7 мая 1928 г. в дар от литературоведа, журналиста, библиографа и издательского работника Феропонта Ивановича Седенко (литературный псевдоним — Пётр Витязев). Сорокин был хорошо знаком с ним ещё со времени обучения в университете, а в 20-е годы Витязев возглавил Петроградский союз кооперативных издательств и книгоиздательское товарищество «Колос». Дело в том, что НЭП привёл к изменениям в издательском деле. 12 декабря 1921 г. СНК РСФСР принял декрет о частных издательствах, в составлении и редактировании проекта которого принимал участие Витязев. В 1923 году насчитывалось уже около 80 частных и кооперативных издательств разной идейно-политической направленности, при этом одним из наиболее крупных издательств было Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос», выпускающее книги по социологии, истории литературы, мемуарную и библиографическую литературу. П.А. Сорокин активно сотрудничал с этим издательством, стоит отметить, что такие его известные работы, как «Система социологии» и «Голод как фактор» вышли в свет именно в этом издательстве, а отношения П.А. Сорокина с Ф.И. Седенко не ограничивались только деловыми контактами, поэтому, когда осенью 1922 года его выслали из страны, то большую часть рукописей и книг, он, вероятнее всего, передал на сохранение именно Ф.И. Седенко. Быть может, П.А. Сорокин надеялся, что в будущем он сможет забрать свои документы, но уже к концу 1920-х годов стало очевидно, что это невозможно, поэтому в 1928 году Ф.И. Седенко передал на сохранение рукописи и книги в Пушкинский Дом. Тогда же был создан личный фонд П.А. Сорокина (Ф. 290) в составе 110 ед. хр. (опись фонда хранится в учётных документах Рукописного отдела ИРЛИ), а в 1936 г. большая часть материалов архива П.А. Сорокина была передана в Центрархив (ГАРФ) в Москву. И только в 2002 г. было принято решение на основании оставшихся в РО ИРЛИ материалов Ф. 290 создать новый личный фонд П.А. Сорокина, присоединив к нему некоторые дополнительные документы. Материалы П.А. Сорокина хранятся также в других фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома: в фонде В.С. Миролюбова, в фонде Д.А. Лутохина, в фонде В.Н. Сперанского и в фонде К.А. Сюннерберга (Эрберга).

Особую ценность архиву П.А. Сорокина в Пушкинском Доме придаёт сохранившаяся в нём рукопись романа «Перед полднем». Интересно, что в своих многочисленных статьях, воспоминаниях и интервью Сорокин не упоминал о существовании этого романа, о причинах его «молчания» можно только догадываться. Тем не менее большая часть романа была опубликована в 1917 году в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни»¹. В четырёх выпусках этого журнала в 1917 году главы этого романа всё-таки были опубликованы

¹ Чаадаев Н. Предтеча // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни, 1917. № 2, 3 4.— С. 285–304; № 5-6.— С. 75–114; № 7-10.— С. 71–96; № 11-12.— С. 11–56.

под другим названием, но их читатели вряд ли догадывались о том, что этот роман написал известный учёный, публицист и политический деятель. Это произошло в феврале 1917 г., когда в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» увидели свет первые главы романа «Предтеча», автором романа был некий «Н. Чаадаев».

Рукопись романа в ИРЛИ.

Мариинского театра (пел под псевдонимом «Миров»), потерявший голос из-за болезни, был хорошо знаком с П.А. Сорокиным, их объединяло не только сотрудничество в рамках «Ежемесячного журнала», но и общие социально-политические взгляды. В молодости оба увлекались народническими идеями, а впоследствии примкнули к партии эсеров, Миролюбов принимал активное участие в издании эсеровского журнала «Заветы», а Сорокин являлся автором многих статей и рецензий в этом журнале. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в архиве Пушкинского Дома в фонде В.С. Миролюбова сохранились документы П.А. Сорокина.

П.А. Сорокин по всей видимости планировал полностью издать свой роман в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» в 1917 г. и даже опубликовал большую часть романа, но из-за революционных потрясений деятельность журнала была приостановлена в 1918 году — вышли в свет всего два выпуска. Почему в этих двух выпусках П.А. Сорокин не опубликовал финальные главы романа, сложно сказать, возможно, они были ещё не написаны им, а может быть, были иные причины, но читателям романа в 1917 году так и не удалось узнать дальнейшего развития событий. Вероятнее всего, П.А. Сорокин просто не успел и

«Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» издавался Виктором Сергеевичем Миролюбовым с 1913 года и продолжал традиции популярного «Журнала для всех», тираж которого в 1903 году составлял 80 тыс., что тогда для России было абсолютным рекордом. Этот успех был достигнут благодаря точному расчёту издателя на провинциальную публику, городскую и сельскую интеллигенцию, грамотных крестьян, кроме этого, Миролюбову В.С. удалось привлечь к сотрудничеству в журнале таких знаменитых писателей как А.М. Горького, А.П. Чехова, А.И. Куприна, В.В. Вересаева и др. В программу журнала входили также рассказы о путешествиях, жизнеописания выдающихся людей, научно-популярные статьи. Нужно отметить, что В.С. Миролюбов, в своё время известный певец — бас

не смог опубликовать последние главы, попав в эпицентр политических потрясений, так как после октябрьского переворота 1917 г. П.А. Сорокин оказался в оппозиции к новой власти. Конфликт с большевиками привёл к аресту 2 января 1918 г. После освобождения 23 февраля 1918 г. он переезжает в Москву для работы в «Союзе возрождения России» и «Союзе защиты родины и свободы» и готовит в Великом Устюге, Вологде и Архангельске восстание по свержению коммунистической власти. Лето 1918 г. П.А. Сорокин провёл в Яренском уезде, занимаясь агитацией населения против большевиков. Захват большевиками осенью Вологодской губернии вынудил его перейти на нелегальное положение, завершившееся арестом. Находясь в камере смертников в Великоустюжской тюрьме, он пишет открытое письмо с отказом от членства в партии эсеров и от политической деятельности. Возможно, что на появление этого письма повлиял и тот факт, что в революционной катастрофе погибли два его родных брата, любимые учителя, друзья и коллеги. Письмо было опубликовано в газете «Правда» 20 ноября 1918 г. и получило высокую оценку лидера большевиков. В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В.И. Ленин называет его «чрезвычайно интересным «человеческим документом»», который в то же время «является крупным политическим актом». После появления этой статьи, П.А. Сорокин был освобождён по «личному указанию товарища Ленина», как значится в архивах тюремной канцелярии, а его политической репутации был нанесён смертельный удар. Завершение политической карьеры позволило П.А. Сорокину возобновить свою работу на научном поприще. В конце 1918 г. он приезжает в Петроград и восстанавливается преподавателем юридического факультета университета.

Если взять опубликованное в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» начало романа, то в заголовке «Предтечи» было написано: «Посвящается Е.П. Баратынской». И это посвящение, несмотря на то, что автор

Питирим и Елена Сорокины после высылки из России в Праге (1922 г.)

скрывался под псевдонимом «Н. Чаадаев», указывает на П.А. Сорокина, так как именно в это время он сделал предложение Елене Петровне Баратынской, выпускнице Высших женских Бестужевских курсов, а в мае 1917 года состоялась их свадьба.

Роман «Предтеча» представляет собой с одной стороны — социальную утопию, включающую в себя и элементы антиутопии, а с другой стороны — носит явно автобиографический

характер. Первые главы романа перекликаются с текстом автобиографии «Долгий путь», а в тех эпизодах, где П.А. Сорокин описывает детские годы и смерть

матери, совпадения настолько велики, что складывается впечатление, что когда П.А. Сорокин писал «Долгий путь», просто взял и добавил фрагмент, написанный им ещё в России. В главном герое романа — Дмитрие Никуличеве можно узнать самого Сорокина, а другом Никуличева является Иван Колыбин, прототипом которого выступил лучший друг Питирима Сорокина — Николай Дмитриевич Кондратьев. В образе Каракозова Михаила Михайловича, наставника Никуличева и Колыбина, конечно же, можно узнать учителя П. Сорокина и Н. Кондратьева, известного историка, социолога и политического деятеля — Максима Максимовича Ковалевского. Вот как описывает его в своём романе П.А. Сорокин: «...Академик Каракозов был исключительной «фигурой» в среде русских академиков. Учёный с крупным европейским именем, известный за границей не менее, чем в России, он был последним из того славного поколения, которое дало дворянство в памятные дни конца XIX-го столетия. Громадного роста, с большой бородой и добрыми лучистыми глазами, он обладал широкой русской душой. Чуждый узкого доктринерства, чуткий к зовам жизни, он резко отличался от среды других академиков.

— И за что меня выбрали в Академию, ей Богу не знаю,— шутливо заявлял он не раз своим друзьям.— Готтентотских языков я не изучал, манускрипты Рамзеса не расшифровал, а выбрали.

— Помилуйте,— отвечали собеседники.— А Ваши исследования о быте и нраве самоедов? А «Промышленное развитие Европы»? А десять томов «Происхождения нового режима»?

— Ну полноте, за это могут выбрать в Париже или в Риме, но не у нас. Ведь едва ли кто-нибудь из них раскрывал хоть одну из этих книг. Впрочем, и я не в долгу у них. Раз раскрыл я один из выпусков Академии по отделу восточных верований, и на пятой странице заснул. Просто зря выбрали,— доканчивал он...». Это описание точно соответствует облику М.М. Ковалевского, в том числе указанные труды и исследования «Промышленное развитие Европы», «Происхождение нового режима»¹.

Прототипом Ивана Павловича Пастухова вступил Павлов Иван Петрович — российский физиолог, создатель материалистического учения о высшей нервной деятельности, крупнейшей физиологической школы современности, новых подходов и методов физиологических исследований. Результаты исследований И.П. Павлова легли в основу разрабатываемого в начале XX века В.М. Бехтеревым нового научного направления — коллективной рефлексологии. Именно рефлексология В.М. Бехтерева и, в меньшей степени, её американский вариант бихевиоризм, послужили в качестве основных теорий, на которые изначально опирался П.А. Сорокин в своих исследованиях. Указанием на то, что прототипом Пастухова выступил именно И.П. Павлов, служат следующие строки романа: «...В лице, в жестах и в голосе Пастухова чувствовалась какая-то целомудренность. Не обычная фарисейская скромность. Нет, именно, целомудренность. Седой, с строгим, но милым лицом, с большими карими глазами, смотревшими из-под ресниц, он невольно вызывал уважение и представление о нём, как о человеке науки. Долголетние ли занятия в лаборатории и в кабинете, отрешённость ли от злобы дня и интересов момента, исключительное ли служение науке — наложили на весь его облик

¹ ИРЛИ. Архив Сорокина П.А. Ф. 860, оп. 1, № 2, «Перед полднем».

печать какой-то особой интеллигентности и духовности. Смотря на него, и слушая его, каждый думал: «Да, это истинный учёный! Да это не шарлатан и не научный авантюрист!» Простые и искренние слова знаменитого учёного вызвали в пёстрой аудитории горячие аплодисменты... знаменитый психофизиолог, академик Пастухов, недавно получивший за свои работы Нобелевскую премию...»¹.

Характерно, что в начале XX века в России научно-фантастические романы с утопическими чертами заполнили книжный рынок. Не только такие известные писатели как А. Куприн, Е. Замятин, М. Булгаков вдохновлялись великими открытиями в естественных науках, но и многие знаменитые учёные К. Циолковский, И. Мечников и др., наряду с научными монографиями и статьями, писали популярные очерки и работы, насыщая их утопическими идеями. Несмотря на это, в отечественной науке практически отсутствуют специальные исследования, посвящённые утопиям. Р. Дарендорф в своих работах, рассматривая проблемы современной социологической теории и определяя статус социологического знания в гуманитарных исследованиях, особое внимание уделяет именно утопиям. Выделяя общие черты и структурные признаки утопических конструкций, он приходит к выводу, что значительная часть социологической теории обладает этими признаками и оперирует утопической моделью общества. При этом, большинство теоретических подходов «фактически предполагают утопический образ общества, когда к социальным структурам прилагаются категории, характерные для неподвижных обществ², что наносит заметный ущерб прогрессу социологических исследований, поэтому предпосылка утопического образа общества должна быть заменена реалистичным подходом к анализу социальных структур и процессов. Тем не менее, Р. Дарендорф, оценивая роль утопий в обществе, показывает, что история утопий представляет собой историю моральной и политической ветви человеческого мышления, так как их авторы знакомят «свои эпохи с тревогой за недостатки и несправедливости существовавших тогда институтов и ценностей»³. Таким образом, обращение к роману-утопии «Предтеча» П.А. Сорокина — в будущем автора многих социальных теорий и концепций, может быть интересным не только с исторической, но и с общесоциологической точки зрения.

К моменту выхода в свет первых глав романа в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» П.А. Сорокин сдал магистерские экзамены и был зачислен приват-доцентом Петроградского университета, преподавал социологию в Психоневрологическом институте, работал сотрудником журнала «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», в котором рецензировал новые труды по социологии, психологии и философии, опубликовал своё исследование «Преступление и кара, подвиг и награда» и большое количество научных статей и рецензий. Кроме этого, П.А. Сорокин был достаточно активно включён и в политическую жизнь, являясь одним из лидеров эсеровского движения. Интересным для исследователей творчества П.А. Сорокина может быть тот факт, что практически вся его научная и политическая деятельность того времени нашла отражение на страницах романа «Предтеча».

¹ ИРЛИ. Архив Сорокина П.А. Ф. 860, оп. 1, № 2, «Перед полднем».

² Дарендорф Р. Тропы из утопии.— М., 2002.— С. 338–339.

³ Дарендорф Р. Тропы из утопии.— М., 2002.— С. 346.

Основная сюжетная линия романа сводится к интеллектуальной эволюции главного героя — Дмитрия Никуличева и научному открытию, которое он совершил со своим коллегой Иваном Колыбиным. Как уже отмечалось, роман изобилует автобиографическими материалами и описаниями, охватывающими в основном детские и юношеские годы Сорокина. Достоверность многих описанных фактов и событий не подлежит сомнению, так как десятилетия спустя, они были отражены в автобиографии «Долгий путь», разница лишь в том, что в «Предтече» они предстают перед читателем во всей субъективной эмоциональной полноте чувств и переживаний, а автобиография представляет ретроспективный анализ прожитого и пережитого. Тем не менее, наибольший интерес представляют не биографические подробности жизни автора, а тот факт, что роман Сорокина проливает свет на философские вопросы, которые ставит перед собой любая утопия: вопросы цели и средств её достижения, природы человека, добра и зла, свободы и счастья. Молодые учёные, вдохновлённые достижениями в области естественных наук и исследованиями известного психо-физиолога, академика И.П. Пастухова, создают новую систему воспитания и обучения, а также разрабатывают методы «перевоспитания» преступников, выступая за радикальную реформу системы уголовного права. Ивану Колыбину, исследовавшему «способы восстановления нервной энергии» и создавшему в лаборатории химический препарат «умород», который улучшает память, внимание и многие другие функциональные характеристики головного мозга, отводится второстепенная роль в романе. Основное же внимание сосредоточено на открытии самого Никуличева (Сорокина) в области «Механики человеческого поведения». По сюжету романа, учёному удалось изучить основные законы человеческого сознания и поведения, а также провести ряд удачных экспериментов по интенсивному обучению и исправлению девиантного поведения. Причём характерно, что в своих теоретических выкладках Дмитрий Никуличев опирается на исследования П.А. Сорокина, так, например, в романе можно встретить цитаты из работы «Преступление и кара, подвиг и награда», отголоски многих статей и рецензий, штрихи будущих исследований. После того, как молодые учёные представили результаты своих исследований научному сообществу, их имена стали знаменитыми, а они получили возможность воплотить свою систему обучения и воспитания на практике: по всей стране стали открываться новые школы (доступные для всех слоёв населения) и «лаборатории по исправлению преступников». Но общество столкнулось с проблемой, порождённой научным открытием Никуличева и Колыбина, преступная организация, завладев новыми методами и методиками, стала формировать модели противоправного поведения у ранее законопослушных граждан. Поэтому в финале своего романа П.А. Сорокин пытается решить важную нравственную проблему: проблему ответственности учёного перед обществом и использования результатов научных открытий. Его собственная позиция находит отражение в размышлениях Никуличева по этому поводу: «...разве виноват тот, кто открыл пар, что машины дают людей? Разве виноват... открывший порох, что люди употребляют его для взаимного убийства? Нет... нет... Нельзя винить физику и химию за то, что негодяи пользуются их данными для отравления, для взломов и подобных мерзостей. С нами повторилась та же вечная сказка... мы дали людям новую силу, а пришёл мерзавец и использовал её для иных целей... Но нечего ныть...

Польза электричества и пара бесконечна и составляет общее явление, вред — исключение... То же и здесь...»¹. Действие романа завершается тем, что учёные начинают активную работу уже по преодолению тех проблем, которые были порождены использованием результатов их научного открытия в преступных целях. Таким образом, изначальная вера в интеллектуальный прогресс и моральную реконструкцию человечества ставится под сомнение. Тем не менее, интересен тот факт, что некоторые проблемные поля исследований, только лишь пунктирно обозначенные в романе, нашли своё воплощение в фундаментальных исследованиях П.А. Сорокина американского периода творчества. Так, например, в качестве источника, подтверждающего возможность «исправления» преступников методами, отличными от методов, зафиксированных в системе уголовного права, в романе выступают Четьи-Минеи (сборник житий святых православной церкви), на которые ссылается Никуличев. А позднее, более чем тридцать лет спустя, в рамках Гарвардского исследовательского центра по изучению творческого альтруизма (Harvard Research Center in Creative Altruism), организованного П.А. Сорокиным в 1949 г., появляется серия работ, посвящённых альтруизму и нравственной реконструкции общества. При этом в качестве материала исследований выступают «Жития святых» и биографии известных личностей, внёсших значительный вклад в формирование системы высших нравственных норм и ценностей. Подобных параллелей в романе достаточно много, что ещё раз подтверждает неразрывность и целостность творчества Сорокина и делает роман интересным не только с литературной точки зрения, но и с научной. Тем не менее, если абстрагироваться от того, что роман написан П.А. Сорокиным, а воспринимать его как произведение некоего «Н. Чаадаева», то можно выделить ещё одну сюжетную линию — романтическую любовь Дмитрия Никуличева и её влияние на становление его личности. Кроме этого, роман изобилует эмоциональными и красочными описаниями природы, отдельных эпизодов жизни людей, их чувств и переживаний.

Литературные опыты П.А. Сорокина не ограничивались только прозой, так же, как в своей профессии ему было тесно работать в рамках одной методологии или в рамках одного проблемного поля исследований, так и в своих литературных пробах пера он смело шагнул в область поэзии. В архиве П.А. Сорокина в Пушкинском Доме сохранились две тетради его стихотворений, которые, безусловно, должны заинтересовать филологов.

Вот лишь одно из стихотворений.

¹ ИРЛИ. Архив Сорокина П.А. Ф. 860, оп. 1, № 2, «Перед полднем».

Позывы

Петербург. 1910

I

Я хочу летать орлом могучим
В бесконечной синеве небес,
В властном вихре, в стройности певучей
В мире солнца, громов, и чудес
Я хочу...
Вместе с бурей обнимусь я страстно.
Яркой молнией все тучи разгоню,
Гулким громом пронесусь я властно,
Диким вихрем по земле я пробегу
Я хочу...

II

Я хочу лежать прудом спокойным,
Навсегда заснувшим под тиной,
Тихо спать под сводом ложа тёмным,
Слушать сказку зелени весной
Я хочу...

И как пруд, без дум, и без печали
Безмятежную лазурь твоих очей
Долго, долго созерцать и на свирели
Песни нежные играть в тиши ночей
Я хочу...

Убаюкивать тебя чудесной сказкой,
Унести с тобою в край мечты, —
В край порывов и позывов жизни страстной,
В край невиданной и дивной красоты
Я хочу...

III

Как паук хочу я рыться вечно
В паутине мыслей и чудес,
Разрывая тьму, царящую извечно,
Открывая ширь и синеву небес...
Из обломков мысли бесконечной
Мир великой правды создавать.
Царство истины святой и человеческой,
Царство счастья светлого ковать.

Отдельного внимания заслуживает личная переписка П.А. Сорокина, сохранившаяся в ИРЛИ в архиве известного инженера-экономиста, литератора, главного редактора и издателя журналов «Утренники» и «Экономист» — Далмата Александровича Лутохина. 14 писем, написанные Сорокиным в 1923–1925 годах, проливают свет на начало его американского периода жизни и творчества. В письмах можно найти не только описания повседневной жизни семьи П.А. Сорокина, но и его размышления о системе образования в США, социальной и политической системе, анализ последствий революционных потрясений в России, так в одном из своих писем Д. Лутохину он писал: «Российский радикализм — это либо анархия, либо упадничество, либо подлость, либо глупость (извините, такова его история, сущность и общественная роль). В здешнем радикализме... вы чувствуете реализм, баланс, силу, напор свежих сил. Он не отрывается от реальности, он очень по-своему консервативен. Такой радикализм я понимаю и принимаю. Наш российский — да будь он трижды проклят, теперь ещё больше, чем раньше...»¹. Даже этот небольшой фрагмент письма убедительно показывает, что обращение к эпистолярному наследию П.А. Сорокина может быть полезным при проведении историко-социологических исследований, так как именно в частной переписке учёные часто высказывают те мысли, которые пока не решаются или не могут по каким-либо причинам представить более широкой аудитории. Следует обратить внимание исследователей и на переписку П.А. Сорокина с В.М. Бехтеревым, В.С. Миролубовым, В.Н. Сперанским, К.А. Сюннербергом, С. Харпером, А. Блахой, М.И. Ростовцевым, которая может пролить свет на новые грани творчества одного из крупнейших социологов XX века.

Интерес П.А. Сорокина к литературе как объекту социологического анализа стал зарождаться уже на самых ранних этапах его научной деятельности, о чём свидетельствуют многочисленные отзывы и рецензии на художественные произведения, а также статьи о творчестве писателей. Кроме этого, П.А. Сорокин был не только «посторонним наблюдателем» и свидетелем, но и активным участником ключевых событий отечественной литературной жизни до революции и после неё. Вот лишь один яркий пример.

Одним из значимых событий, повлиявших на революционно настроенную молодёжь и интеллигенцию, был уход Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны и его смерть в доме начальника мало кому известной железнодорожной станции Астапово 7 ноября 1910 года. Это драматическое событие нашло отклик и среди студентов Психоневрологического института. 6 ноября 1911 года в здании института под председательством профессора Венгерова состоялся посвящённый памяти Л.Н. Толстого вечер, в котором приняли участие свыше тысячи человек. Затем этот вечер перерос в демонстрацию на Казанской площади против смертной казни, но демонстрация была разогнана полицией. П.А. Сорокин не только принимал участие в вечере, но и написал несколько статей о социально-философских взглядах Л.Н. Толстого, которые потом объединил в отдельную брошюру «Л.Н. Толстой как философ». Как отмечал один из самых серьёзных исследователей научного творчества П.А. Сорокина И.А. Голосенко, «...Сорокин усвоил многие ценностные аксиомы Л. Толстого на всю жизнь и особенно настойчиво пропа-

¹ ИРЛИ. Архив Лутохина Д.А. Ф. 592, оп. 1, № 239.

гандировал их последнее десятилетие жизни, прежде всего в деятельности возглавляемого им Гарвардского центра творческого альтруизма и любви»¹.

В 1911 г., когда П.А. Сорокин был ещё студентом первого курса юридического факультета Санкт-Петербургского университета, им была опубликована статья, посвящённая произведениям известного норвежского писателя Кнута Гамсуна, а также поэзии одного из крупнейших мастеров мировой поэзии конца XIX – начала XX вв. Эмиля Верхарна. Вслед за этой статьёй следуют как отдельные исследования творчества У. Уитмена и Ф. Достоевского, так и небольшие эссе о произведениях М. Горького, А. Белого и других современных ему писателей. Как было уже отмечено, П.А. Сорокин был хорошо знаком со многими писателями, литературными критиками и издателями, поэтому нет ничего удивительного в том, что после организации в 1919 г. по инициативе Р.В. Иванова-Разумника, А. Белого, О. Форш и других членов редколлегии сборника «Скифы» Вольной философской ассоциации (Вольфила), он вступил в неё и принимал активное участие в её деятельности вплоть до момента высылки из России. Так, например, в октябре-ноябре 1921 года «...в Вольфиле состоялся цикл докладов, посвящённых творчеству Достоевского (17 заседаний)...»². На одном из заседаний П.А. Сорокин выступил с докладом «Достоевский как социолог».

В американский период творчества интерес П.А. Сорокина к литературе нашёл отражение уже в его фундаментальном исследовании «Социальная и культурная динамика» (1937–1939), ставшем классикой мировой социологии. Спустя почти три десятилетия, в своём автобиографическом романе «Долгий путь» по этому поводу П.А. Сорокин написал следующее: «...вряд ли какая-нибудь другая социологическая работа в области социальных и культурных систем, их колебаний и изменений может сравниться с моей, которая, в чём я уверен, останется непревзойдённой...»³. Эти слова говорят не о бахвальстве великого социолога ушедшего века, а о его адекватной оценке проделанной им и его коллегами эмпирической и теоретико-методологической работы. Нужно отметить, что действительно, до сих пор не было создано чего-либо равнозначного в социальных науках. Этот фундаментальный труд П.А. Сорокина хвалили и критиковали с одинаковым энтузиазмом, но, очевидно, что он ещё не оценён по достоинству. К работе над «Социальной и культурной динамикой» он привлёк известных российских учёных, оказавшихся в изгнании, поэтому не случайно, что департамент социологии в Гарварде в то время в шутку называли «белогвардейским». Исследовательская группа, в которую входили Лосский Николай Онуфриевич, Лапшин Иван Иванович, Головин Николай Николаевич, Пушкарев Сергей Германович, Струве Пётр Бернгардович, Савицкий Пётр Николаевич, Тимашев Николай Сергеевич, Арсений Александрович Зайцов, Николай Львович Окунев и другие известные российские учёные, занималась подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным П.А. Сорокиным исследовательским программам. Целью этого фундаментального научного исследования являлось построение обобщающей

¹ Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избранные сочинения: В 2-х книгах. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского. 2002.— С. 129.

² Федоров В.С. Из истории Петроградской Вольфила 1919–1924 гг. // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 12. Изд-во СПбГУ, 1999.— С. 195–228.

³ Сорокин П.А. Долгий путь.— Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991.— С. 196.

социологии социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков её истории. Безусловно, что эта цель была достигнута благодаря творческим усилиям всего исследовательского коллектива, а также опыту П.А. Сорокина по организации научно-исследовательских проектов. Во многом, «Социальная и культурная динамика» интегрировала в себе теоретико-методологические установки и традиции российской социологии, не позволив им исчезнуть по идеологическим причинам. В середине прошлого века в Советском Союзе социология официально не существовала, она была объявлена «буржуазной лженаукой», тем не менее, учёные и целые исследовательские коллективы, работавшие за пределами Советского Союза, обогатили мировую науку российскими исследовательскими традициями и опытом.

Сорокин считал, что искусство, в том числе и художественная литература, артикулирует ценности той или иной исторической эпохи, поэтому любую культурную ментальность можно изучать через призму доминирующих стилей в искусстве. Целый раздел «Социальной и культурной динамики» посвящён литературе и литературной критике. Опираясь на детальный анализ художественных произведений различных эпох, П.А. Сорокин делает вывод о том, что история развития греко-римской и западноевропейской литературы подтверждает наличие долгосрочных флуктуаций или чередования чувственной и идеациональной культуры, а литература в данном случае выступает как специальный объект социологического анализа. «Литература, как и другие виды искусства, может быть двух основных типов: идеациональной и чувственной. А между этими двумя противоположностями имеется множество смешанных вариантов. Литературное произведение, имеющее дело с миром «невидимым», в котором слова и образы суть не что иное, как символы этого сверхэмпирического и трансцендентного мира, относится, по определению, к идеациональному типу литературы. Произведение, которое изображает и описывает эмпирические явления в их чувственно вос-принимаемом аспекте, где слова и образы не имеют никакого иного значения, помимо эмпирического, относятся к разряду литературы чувственной... В зачаточной или высокоразвитой форме оба типа литературы сосуществуют, по-видимому, во всех культурах и во все времена...»¹. В результате анализа флуктуаций форм литературы, П.А. Сорокин делает вывод о том, что эти изменения происходят строго параллельно тем изменениям, которые наблюдаются в живописи и скульптуре, а также, хотя и в меньшей степени, в других сферах искусства.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что интерес П.А. Сорокина к литературному творчеству и литературе был постоянным на протяжении всей его научной биографии.

Питирим Сорокин принадлежит к редкому числу выдающихся учёных, внимание к которым не ослабевает со временем и на каждом последующем этапе истории осуществляется новое прочтение и познание значимости их трудов, поэтому его работы в области исследования литературы и собственные художественные произведения значимы не только для социологов и филологов, но и для всех тех, кто интересуется социогуманитарными проблемами истории и современности.

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика.— СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000.— С. 211.

Питирим Сорокин

Питирим Александрович Сорокин (23 января 1889, село Турья Яренского уезда Вологодской губернии Российской империи — 10 февраля 1968, Винчестер, Массачусетс, США) — русско-американский социолог и культуролог. Один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности.

Предтеча

Роман

Посвящ. Е.П. Баратынской

Часть первая

«Перед полднем...»

Глава 1

По строгим кожаным креслам, по серо-синему тону обоев, по портретам Белинского, Герцена, Достоевского, Толстого, Гейне и Леонардо — развешанным по сторонам приёмной, можно было решить, что банкир Шахматов типичный русский интеллигент, только более деловой и практичный. За это говорил и строгий порядок комнаты, отсутствие всего лишнего и присутствие всего необходимого.

По понедельникам у него был приёмный день. Каждый мог в этот день явиться к нему и лично переговорить с ним о своём деле. Громадные капиталы Шахматова, его либерализм и меценатство, готовность помочь каждому, заслуживающему помощи, притягивали к нему многочисленную толпу различных посетителей. И сегодня, несмотря на скверную погоду, приёмная была полна. Было тут несколько студентов, какой-то художник, один литератор и целый ряд «неопределённых личностей».

...Дверь кабинета раскрылась и кого-то выпустила...

— Прошу следующего, — сказал лакей.

На приглашение лакея поднялся молодой человек и прошёл в кабинет.

— Никуличев, — отрекомендовался он, пожимая руку банкира, — я извиняюсь перед Вами за то, что беспокою Вас, но мою вину смягчает важность самого дела и отсутствие иного выхода.

— Я слушаю Вас, — вежливо ответил Шахматов.

— Прежде, чем перейти к делу, позвольте спросить Вас, есть ли в Вашем распоряжении пятьдесят минут для меня. Если да — я перейду к делу, если нет — я уйду. Предупреждаю, однако, дело важное и заслуживающее внимания.

Никуличев говорил немножко странно. В его словах чувствовалась какая-то математическая отчётливость; словно это была не живая речь с замедлениями и ускорениями, с повышениями и понижениями, а какой-то метроном, отбивавший в минуту определённое число однотонных звуков. При этом никаких жестов и никакой мимики. Такие лица бывают у лакеев в важных ресторанах, когда им заказывают ужин или обед и у придворных церемониймейстеров, когда они выступают впереди торжественной процессии. Холодное бездушное лицо, если бы не меняли это впечатление глаза. Сидящие глубоко, прикрытые густыми бровями, они горели каким-то странным блеском. Это не был ярко вспыхивающий и быстро меркнувший взгляд фанатика или пророка. Если уж сравнивать их с чем-нибудь, то всего лучше с вольтовой дугой. Как и она — они горели ярко, но горели ровно, без вспышек, без зарниц.

Шахматов поморщился и минуту колебался.

— Я слушаю Вас, — ответил он, севши глубже в кресло.

— Суть моей просьбы такова: мне нужен миллион рублей.

Левый глаз Шахматова прикрылся, губы сложились в весёлую улыбку, и он расхохотался.

— Однако, Вы, должно быть, большой шутник, — добродушно заявил он.

— Шутить я не собираюсь, а Вас просил бы внимательно выслушать меня, если только Вы хотите слушать, — резко ответил Никуличев.

— Что ж, продолжайте, — стараясь быть серьёзным, сказал банкир.

— То, что я сказал, уже вызвало Ваш смех. Дальнейшее, вероятно, приведёт Вас к мысли, что Вы имеете дело с маньяком, каких Вам приходится видеть не мало. Тем не менее, я продолжаю, но прошу слушать внимательно... Миллион рублей мне нужен для окончательных опытов с «психическим насосом», под которым я разумею систему быстрого обучения и решительного воспитания людей. Говоря коротко, я работаю над проблемой искусственной переделки человека с умственной и нравственной стороны. В этом же направлении работают и жизнь и общество своими школами и книгами, но результаты их работы случайны, слабы и ничтожны. Человек может научиться в один год тому, на что он тратит теперь двадцать лет. О воспитании не будем говорить. Все возрастающее число преступников — беспристрастный свидетель, что общество лекарств против духовных болезней не имеет и в этом отношении является полным банкротом. Быть может, в будущем будет лучше, но человечеству ждать некогда. Машина социальной жизни работает скверно и каждый день уносит сотни и тысячи жертв. Пора положить конец этому царству стихийности и невежества. Изобретение

этой новой системы и является целью исследований, в которых мне помогает доктор Колыбин. Нами уже намечены главные стропила и добыт ряд важных результатов. Для окончательного завершения нужна специальная лаборатория, для этого нужны деньги, их у нас нет, а потому я и явился к Вам...

Слова рождались и падали, размеренно монотонно и спокойно...

— Любопытно... — заметил Шахматов. — Мысль у Вас хорошая, мне не ясно, каковы будут практические результаты Вашего изобретения и чем Вы можете доказать, что Ваш план не чистая фантазия?

— Результаты? Они будут такими, что перевернут весь современный уклад жизни. Буду конкретнее. Во-первых, придётся закрыть все современные школы. Они в теперешнем виде будут лишними. То, что знает теперь кончающий студент, должен будет знать десятилетний мальчик. Это раз.

Во-вторых, если государство согласится ввести у себя мою систему — не нужны будут тюрьмы, так как любого преступника можно будет переделать в мирного члена общества. И обратно, пользуясь моими методами, можно с успехом культивировать породы убийц, воров и насильников. Я даю в руки человечества силу, а его уже дело, как оно захочет использовать её. Но не это побудило меня взяться за работу, а нечто другое. Не скрою от Вас, в чём дело — я — плебей и на себе вынес всё то бремя, которое накладывает на обездоленных современная «социальная справедливость». Я голодал, я был избиваем, я видел, как били других. Я видел хромых, слепых, умных, идиотов и дураков. Говоря коротко, я видел слишком много неравенства, чтобы у меня появился аппетит к равенству. Этот аппетит теперь присущ многим, но до его удовлетворения при современных порядках очень далеко. Жизнь платит по этому долгу слишком неохотно и ужасно надолго рассрачивает платежи. У меня нет больше охоты ждать. Я хочу того же, чего хотят многие, но хочу иначе, чем они. Выражаясь поэтически, я избрал кнут, которым буду подгонять жизнь, как древний господин раба или Ваш кучер — лошадь. Неравенство должно и может быть заменено равенством. Если все люди будут одинаково умны и будут держаться одного шаблона поведения, будет равенство. Если этого не будет, пусть разделят наши социалисты сегодня все богатства мира или пусть сделают их общественной собственностью, завтра же снова будут бедные и богатые, угнетаемые и угнетатели, переменятся только названия. Вместо банкира появится «общественный директор», такой же толстый и жирный, но более хитрый. Вместо старых лозунгов будут «Свобода, Равенство, Братство!», но только вывесками. Тюрьмы переименуют в дома правосудия, но от этого не будет легче тем, кто в них будет обитать. Вот некоторые из результатов. Что же касается доказательств, то я их дать Вам не могу, во-первых, потому, что моя система и мои опыты — пока тайна, известная мне и Колыбину, а, во-вторых, говоря откровенно, вряд ли Вы их поймёте. Единственное, что я могу предложить Вам — вот это письмо Вашего друга и нашего знаменитого учёного Каракозова, — с этими словами Никуличев протянул Шахматову довольно большой серый конверт...

Разорвав пакет, Шахматов принялся за его чтение. В письме после обычного приветствия стояло: «Господина Никуличева я знаю уже довольно давно. Он был моим учеником и ещё во время студенчества обнаруживал недюжинные научные способности, проявившиеся, между прочим, в ряде опубликованных им

тогда статей, вызвавших к себе большое внимание. В дальнейшем его научная карьера испортилась не столько, впрочем, по причине его работ, сколько царящей в научных кругах рутине и узости, не терпящих новшеств, и потому всякое искание новых путей считающих за сумасбродство. Годов шесть я об нём не слыхал ничего. Но вот сегодня он явился ко мне и рассказал о своей работе за эти годы над «психическим насосом». Затея эта с первого взгляда показалась мне чистой фантазией, но из тех кратких объяснений, которые он дал мне, а главное, из того, что я видел собственными глазами, я пришёл к мысли, что его задача, пожалуй, и на самом деле осуществима. Я исследовал приведённого г. Никуличевым шестилетнего мальчика, на котором он впервые проверял правильность своей системы. Из метрического свидетельства и других документов выяснилось, что воспитание его Никуличевым продолжалось около года, а до того времени он жил в деревне. Результаты поразительны. Этот шестилетний ребёнок знает едва ли не больше, чем лучшие студенты — мои слушатели. Правда, он чересчур бледен и поражает, главным образом, эрудицией, но и этого слишком много. Вот главное. Окончательно высказываться не решаюсь, тем более, что систему Никуличева я знаю лишь в самых общих чертах. Он сам заявил мне, что детали он хранит в тайне. Но на основании того, что он открыл мне и что я видел, — я считаю его замыслы не лишёнными научного фундамента и позволяю себе присоединиться к его просьбе — помочь ему деньгами. Известный риск, конечно, есть, но без риска трудно обойтись при всяком великом изобретении. Вот моё мнение. Вы сами решите в дальнейшем «быть или не быть». Крепко жму Вашу руку. Ваш М. Каракозов».

Шахматов прочёл и на минуту задумался.

— Я не знаю, что Вам ответить, г. Никуличев. Из того, что пишет мой друг Каракозов, я убеждаюсь, что имею дело не с фантазёром. Но ведь и миллион — сумма. Рисковать таким капиталом не приходится!

На губах Никуличева промелькнула ироническая улыбка.

— Но Вы же чуть не сотнями тысяч бросали, например, на авиацию. А ведь вся она в сравнении с моей задачей — нуль. Дайте мне деньги — и через 6–7 лет я приготовлю десятки, а, может, и сотни изобретателей, которые в области той же авиации сделают изобретения, перед которыми современные опыты покажутся детской забавой. Впрочем, Вы правы, Вам нужны гарантии, их я пока Вам дать не могу. Поэтому я предлагаю компромиссное решение. Я не буду теперь же вести свою работу вширь. Я ограничусь пока «фабрикацией» двух-трёх чудо-детей. Для этого мне достаточно двухсот тысяч. Через два года я надеюсь довести до конца свою работу, и тогда она будет опубликована. Согласны ли Вы дать мне миллион, если учёная коллегия и специалисты найдут мои проекты осуществимыми?

— Это решение более подходящее. Я, пожалуй, согласен. Подобная цель, во всяком случае, стоит этого риска.

— Благодарю Вас! — протянул руку Никуличев, — надеюсь, что риск не окажется бесплодным.

— Ну что-ж, в добрый час, — крепко пожимая протянутую руку, ответил Шахматов. — Вам когда вручить деньги, теперь или потом?

— Безразлично. Если Вы переведёте их в банк на моё имя в течение этого

месяца — это меня устраивает... Ещё раз благодарю Вас и буду очень рад, если через два-три года Вы заглянете в мою лабораторию.

— С большой охотой.

— Только я очень просил бы Вас хранить всё это в секрете.

— Будет исполнено..

Ещё раз пожавши руку банкира, молодой человек-учёный вышел.

Глава 2

Войдя в ресторан, где Никуличев и Колыбин обыкновенно обедали, Никуличев уже застал последнего за обычным их столиком. Если лицо Никуличева напоминало маску по своей неподвижности, то этого никак нельзя было сказать про лицо Колыбина. Последний был чисто русским мужичком. Русые подстриженные в скобку, по-староверски, волосы, небольшая окладистая борода, добрые синевато-серые глаза и вечная трубка в зубах делали его похожим скорее на степенного мужика, чем на учёного. Ходил он почти всегда в косоворотке и простом пиджаке. Приятели поздоровались.

— Ну, как? Со щитом, на щите? — улыбаясь спросил Колыбин.

— Пожалуй, что и на щите.

— Мати пресвятая Богородица! Да неужто?

— Двести тысяч есть на окончание исследований. Можем получить и желаемый миллион, если сумеем вдолбить в пустые головы, что наше дело не забава.

— Вот так раз. Выходит, значит, что мы и впрямь, чего доброго, перевернём мир!

— И перевернём.

— Ну и ну... Коли так, получай свои пилюли и принимайся за обед. Свеженькие, только что приготовил, — протягивая коробку пилюль, добродушно улыбнулся Колыбин.

Подозвали лакея и заказали обед. Никуличев взял и проглотил две пилюли, прозванные Колыбиным в шутку «умородом». В изобретении их и проявилась пока работа Колыбина. Цель, которой они служили, состояла в быстром восстановлении нервной энергии, утрачиваемой организмом при сильной умственной работе. Без «уморода» основная задача обоих учёных была бы недостижима. При чрезвычайном нервном напряжении, которого требовала система Никуличева, неизбежно должно было быстро наступить переутомление мозга, а в дальнейшем и крах организма, если бы не был изобретён «умород». Немудрено поэтому, что поставивши себе впервые задачу, о которой идёт речь, они сразу же убедились в её невозможности без быстродействующего препарата. Эта задача пала на Колыбина — как на биолога, ещё на студенческой скамье работавшего над этой проблемой. Почти четыре года ушло у него на это решение. Само существование «уморода», а равно и его состав до сих пор не были никому известны, кроме двух друзей. До окончательных результатов все свои открытия они хранили в тайне.

Несмотря, однако, на большой успех «уморода», Колыбин не вполне им был доволен. Пилюли действовали хорошо — опыты над самими собой и над детьми говорили об этом. Но небольшое малокровие, появившееся за последнее время у

Вити, а также более частая, чем раньше усталость, — беспокоили Кольбина и побуждали его к дальнейшему совершенствованию «уморода». Он в сущности знал, что нужно сделать для этого, но не было средств, и усовершенствование оставалось неосуществлённым. Теперь эта задача решалась просто.

— Ну, как, Витя?

— Я его сегодня не видел. Я прозанимался с ним в лаборатории обычные часы. Он работал не дурно, но после четырёх часов работы он был очень утомлён и потому мне пришлось на полчаса раньше прервать работу. Через 2–3 месяца, впрочем, мы поправим дело. Будут деньги — будет и здоровье. Тогда я и тебя буду кормить не «умородом», а сверхумородом. То-то будешь умницей, — шутит Кольбин, — таблицу поведения наших питомцев ты не забыл начертить?

— Конечно.

— Превосходно.

В ресторане, между тем, жизнь шла своим чередом. Народу становилось больше и больше. Быстрее и быстрее двигались лакеи. Звякали ложки, тарелки, звучнее становился гул разговора. Чаще и чаще хлопали пробки вскрываемых бутылок.

— Ну, что ж, двинемся? — спросил Никуличев. — Пожалуй, сейчас я пойду по больным, а вечером ради сегодняшнего дня не пойти ли нам на концерт, тем более, что сегодня играет сам Грисфельд?

— Что ж? Можно. Только как с билетами?

— А это я устрою и в половине восьмого буду у тебя. Будет билет и для Вити. Я приду с Леной.

— Превосходно.

И они покинули зал ресторана, начинавший становиться шумным.

Глава 3

Большой «Муниципальный» зал сегодня был битком набит. Ярко горели тысячеглазые люстры. В фойе, в буфетах и в проходе толклись сотни людей. Военные мундиры, фраки и причудливые платья дам смешались в разноцветные пятна, постоянно меняющиеся и текучие. Рядом с лысой головой государственного мужа мелькало энергичное бритое лицо артиста и длинные волосы молодого поэта. Рядом с расплывшимся лицом дамы вырисовывался тонкий профиль прекрасной девушки. В огромном мраморном зале, рассчитанном на пять тысяч человек, стоял безличный гул, в котором, как капля в море, тонули отдельные голоса. Время от времени из этого общего шума выделялись обрывки фраз и снова исчезали. Царила великая безголовая толпа. Искусство собрало всю эту разнообразную смесь людей. Для одних оно было целью, а для других предлогом — кому повидать кого-нибудь, кому показать своё платье, кому просто отдохнуть, а кому полюбоваться красивыми лицами и подышать в дурманяще-возбуждающем воздухе людской толпы.

...Когда-то и я любил бывать в этом море ласкающих и дразнящих токов людской души. Люблю и теперь с безучастным видом стоять у прохода и отражать на зеркале моей души причудливые силуэты. Хорошо поймать на лету чей-нибудь

ищущий взгляд, схватить обрывок речи, полюбоваться улыбкой на прекрасных устах и плавать в переменчивых волнах аромата духов и... быть безучастным и чужим. Главное — безучастным. Иначе — беда. Вопьётся этот безликий зверь в твою душу, отравит свежую кровь алчным ядом хотений, заманит в великое логово дерзаний и не вырвешься из его когтей, не надломив свои крылья, не опалив их смертельным огнём честолюбия.

Дребезжал третий звонок, когда Никуличев и Колыбин с Леной и Витей вошли в зал и прошли на свои места в партер.

— Прямо идиотом чувствуешь себя в этой дурацкой вертихвостке, — ругался доктор, принуждённый нарядиться во фрак. И действительно, его фигура довольно нелепо выглядела в этом наряде.

Лена — молодая девушка, только что кончившая курсы, весело хохотала...

— Посмотрите, посмотрите, ради Бога, на себя, Иван Тимофеевич, — указывала она на зеркало. — Ну, на кого Вы похожи?

— На дурака, — сказал же я Вам. — Как раз на того дурака, кто выдумал эту великую несуразность...

— Да не размахивай руками, ведь не дрова рубишь, — шутил Никуличев.

— А, ну Вас к Богу. Нашли тоже, над чем зубы скалить.

Насколько нелеп был Колыбин, настолько элегантно выглядел Никуличев. Его высокая и стройная фигура прекрасно выступала в хорошо обтянутом фраке, а бледная маска лица с электрическим блеском глаз особенно резко оттенялась чёрным фоном сукна. Математически рассчитанные движения и гордо поднятая голова довершали общую картину.

Безликое чудовище успокоилось. Втянуло в себя свои щупальца и прилипло к креслам. Теперь оно лишь таинственно шушукало шипящим шёпотом. Но вдруг оно задвигало тысячами рук и неистово захлопало тысячами ладоней. На сцене появился Грисфельд...

Раздались первые аккорды рояля, и толпа замерла. Великие удары смерти поплыли по залу. Неумолимо, беспощадно трагические зовы врезались в уши, впивались в кровь, давили стальными обручами головы и мрачно, монотонно, и медленно вещали каждому: «Смерть, смерть, смерть...» Порой рождались новые звуки, пытались разорвать неумолимую цепь смерти и... никли бессильные, вялые, надломленные. И снова взметались победоносно чудовища смерти, наполняли душу трагическим ужасом, опустошали цветники жизни и злорадно хохотали над бесильной жизнью и над её детьми...

Великий артист завладел толпой. Он захватил её душу в свои тонкие пальцы, вытряхнул из неё, как из мешка, всё будничное и вдохнул в её сердце очищающее пламя великого трагизма. И душа человеческая покорно трепетала в тонких пальцах слабого и бедного человека. Пред душевными глазами Никуличева быстро пролетали видения, обрывки прошлого, замыслы будущего, сложное кружево чувств хлынуло в его душу, бурлило и клокотало в ней. «Смерть, смерть», — вещали звуки. Да, да, смерть. Но я бессмертен, я вечен. Я имею крылья, на которых я взлечу выше царства смерти, и никто их не надломит. А если надломит? А если ты банкрот? О, тогда я сам подам руку смерти.

Звуки исчезли. Чудовище взбесилось, заорало, захлопало и воспрянуло со ступльев.

Бледный кудесник поклонился и исчез.

В антракте толпа хлынула в фойе, в проходы и в буфетные залы.

Колыбин с Леной и Витей пошли, как выразился первый, «смотреть на мар-тышек», а Никуличев остановился при входе в буфет и, казалось, наблюдал за проходящими силуэтами.

— Дмитрий Николаевич! Как Вы сюда попали? — обратился кто-то к нему.

Учёный быстро обернулся и застыл.

Ну, что же Вы ничего не отвечаете, али не узнаёте, протягивая руку, с милой улыбкой упрекнула его молодая и стройная дама.

— Простите, Елизавета Александровна! — целуя протянутую руку, спокойно ответил Никуличев. — Я так был занят своими мыслями, и так неожиданно появились Вы, что на меня нашёл маленький столбняк; очень извиняюсь — продолжал он, здороваясь с её спутником-мужем, князем Воеводским, профессором философии права.

— Я так давно не видела Вас, что мне хочется немного поболтать с Вами. Может быть, Вы не откажетесь присесть с нами за столик и выпить чего-нибудь.

— Благодарю Вас, с большой охотой.

— Ну, рассказывайте, как Вы живёте и что делаете. Ведь я о Вас ничего не слыхала годов пять, а, может быть, и шесть.

В это время какой-то господин во фраке раскланялся с мужем.

— Простите меня, Дмитрий Николаевич. Я на минуту покину Вас с женой, — извинился Воеводский, вставая из-за стола. — Мне необходимо переговорить с Лихачёвым об одном деле.

— Я был всё время здесь, в Петербурге, — ответил Никуличев.

— Как же Вам не стыдно, Дмитрий Николаевич. Вы ни разу не навестили нас.

— Я вообще никого не навещал и нигде не бывал, — сухо ответил Никуличев.

— Но что же Вы делали? Чем занимались? После Вашего неудачного конфликта с учёными Вы, как будто, совсем бросили научную работу, — продолжала Воеводская, и в тоне её слышалась жалость к молодому учёному.

— Да, я порвал с университетом окончательно. Оказался негодным, — усмехнулся изобретатель. — Вообще оказался неудачником во всех отношениях: денег не нажил, славы — тоже, да и в любви не повезло, — при этом Никуличев как-то особенно взглянул на собеседницу и снова усмехнулся: — Зато Вас, Елизавета Александровна, я могу поздравить с успехами Вашего мужа.

— Мерси, он действительно быстро выдвинулся. Его книги вызвали шум, год тому назад ему предложили кафедру.

— Да, я слышал об этом и читал его работы.

— Каково же Ваше мнение о них?

— Ну, это не интересно. Я вообще малоавторитетный ценитель. К чему Вам моё мнение?

— А всё же?

— Говорят, что его книги — хорошие книги, ну, значит, хорошие. Иначе его не считали бы Колумбом нового направления, теперь особенно модного у нас.

— Вы так говорите, как будто не согласны с общим мнением?

— Да, говоря откровенно. Но ведь Вы знаете, я очень часто оставался в единственном числе, такова уж моя судьба.

— Я вижу, Вам неприятен этот разговор. Расскажите лучше, что Вы теперь делаете? И неужели Вы навсегда расстались с Вашими былыми планами?

— Что ж делать. Приходится, раз оказался банкротом, и это банкротство ведь Вы же отчасти санкционировали. Вот я и остался теперь скромным человеком, — продолжал Никуличев. Впрочем, нам пора в зал. Уже третий звонок.

— Надеюсь, Вы посетите нас. У нас теперь собрания по вторникам. Я и муж были бы рады Вас видеть. Даёте слово? — идя в зал с собеседником, говорила Воеводская.

— Очень Вам благодарен, но слова не даю, Елизавета Александровна. У Вас там слишком важные посетители, и мне, неудачнику, чувствовалось бы среди них плохо. Впрочем, — бросил он, раскланиваясь, и как-то странно глядя в глаза собеседнице, — года через два-три, быть может, мы и будем встречаться с Вами.

— Вы говорите какими-то загадками, — сказала Воеводская.

— Слова — серебро, молчание — золото, — отпарировал Никуличев и двинулся к своему креслу.

Глава 4

Я люблю вас, тихие часы ночного раздумья. Хорошо в такие часы сидеть в покойном кресле, думать о многом и ни о чём. Молчаливая память невидимыми пальцами перебирает отцветшие листья жизни. Тихо и неслышно мелькают они один за другим и пробуждают в душе неизъяснимое трепетание... О, бледные, пожелтевшие листья жизни! Как вы милы, как вы нежны и как дороги!

Возвратившись с концерта, Никуличев уложил Витю спать, а сам сел за письменный стол. Вытащил из ящика маленькую чёрненькую книжку и углубился в чтение.

— Итак, конец... — читал он пять лет тому назад написанные, тогда свежие, а теперь пожелтевшие слова. — Конец! Она любит его и выходит за него замуж. Она сама мне сегодня сказала об этом. Приехала ко мне весёлая, живая.

— Поздравьте меня, Дмитрий! — сказала она.

— С чем? — спросил я, — уж не выходите ли Вы замуж?

— Вы угадали.

— За Воеводского?

— Да.

— Вот как! Как же, — начал было я и вовремя оборвал себя. — Поздравляю от души! — говорил дальше и горячо жал я её руку.

— Вы, конечно, будете на моей свадьбе?

— Конечно, конечно. Впрочем. Ну, да, буду. Конечно, буду, — продолжал я.

Зачем она приезжала? Разве она не знала, что я её люблю? Разве не ей я поверял свои думы и раскрывал святое святых моей души? Разве не она когда-то поцеловала меня? И разве не ей я сказал однажды, что люблю её? Правда, я скоро был разбит и вышвырнут патентованными лбами из храма науки. Правда, потом пришёл Воеводский. Воеводский — князь, богат, красавец и вдобавок модный учёный. В нём было всё, и оно победило. Но пусть, пусть всё это так, зачем же, однако, приезжать ко мне с такой вестью? Наивность? Или же тайное желание

полюбоваться моими мучительными судорогами? Возможно, что и так. Но тогда, Ваша светлость, княгиня Воеводская, Вы не увидите этих судорог. Не правда ли, я очень спокойно встретил Вашу новость? Разве я не был рад? Разве не был весел? Разве мы не проболтали с Вами мило полчаса? Разве хоть одна судорога страдания промелькнула на моём лице? Нет, Елизавета Александровна. Вы ошиблись в Ваших расчётах. Я выглядел прекрасно, и Вы, кажется, ушли даже недовольной. Ожидаемого спектакля Вам я не дал, но для себя мою роль я сыграл превосходно. О, стальная пружина воли! Ты несколько минут держала на тонких нитях нервов тысячеудовую тяжесть страдания. Держала и... не треснула!

Теперь её нет. Больше играть незачем. Теперь я один и пишу вот на этой бумаге эти простые слова: «Мне больно, мне очень больно, мне ужасно больно. Конец. Конец всему».

Впрочем, так и надо, так и следует. Я заслужил это, ибо зарвался. Поднявшись из нуля, из низов на вершины духа, я возгордился. Предъявил жизни счёты на славу, на богатство и на любовь. Да ещё чью? Миллионерши, красавицы, поэтессы и большой умницы? Как я это смел? Как я забыл, что я просто плебей без гроша в кармане, богатый только великим самомнением! Как я смел бороться с г. Воеводским, имеющим всё, я, не имеющий ничего кроме самомнения да десятка статей. Мне ли тягаться с ним и мне ли предъявлять жизни такой счёт? Вот и получай щелчок. И поделом. Так и следует. Остаётся поставить крест и сказать: «Finita la comedia!» Помнишь: «Если жизнь не удалась тебе, так смерть зато удастся». И поделом. Поделом? Давай рассуждать спокойно. Ты хочешь конца? — Да. — Но ведь конец никуда не уйдёт? — Да. — Что он тебе даст? Что ты этим докажешь? — Ничто. Только своё бессилье. — И он ведь всегда будет в твоём распоряжении? — Да. — Если так, то не следует ли поискать новых, более лучших выходов? Нельзя ли попробовать ещё раз взлететь, несмотря ни на что, а не кидаться очертя голову? Твоя воля — в твоей руке. Твои мысли — в твоём распоряжении. Не правда ли? — Верно. — И ведь от этого ничего ты не теряешь? — Верно. — Так отчего же не попробовать? — Трудно. Ишь, ведь, что сказал: «Трудно»... А ты бы хотел, чтобы жизнь тебе ковры устилала: «Не ушиби, мол, дитятко, своей ноженьки». Тебе ли так думать? Разве не ты всю жизнь руками, ногами и головой пробивал заборы жизни и побеждал их! Не ты ли перескакивал пропасти и переходил чрез горы? Не твои ли ноги шли по колючкам и ухабам жизни и не твоя ли душа сосала богатые сосцы горя! Разве не привык ты к ним? — Пожалуй...

— Так что же ты медлишь? Решай...

— Да, я решил. Я играю ва-банк и ставлю на карту мою жизнь. Может быть, я выиграю. Только что я говорил себе: «Смирись». — Нет, — говорю теперь, — не смирюсь. Я соберу всю мою волю, сожму её в одну бомбу, начиню порохом моей мысли и этим отвечу на щелчки жизни. Я заставлю уплатить мне мой счёт. Берегитесь, Вы, патентованные черепа учёных кретинов — я разнесу Вас вдребезги. Берегись и ты, княгиня Воеводская. Я начинаю мстить. Мне ведь терять нечего. И этим я силён. Как бы не пришлось пожалеть тебе о твоём выборе. Как бы не пришлось не тебе, а мне смеяться над тобой! Быть может, придёт день, когда ты придёшь ко мне иной, покорной и будешь просить у меня любви. Предупреждаю, ты её не получишь. Быть может, далёк день моей победы, но мне ли грустить

об этом? Если я не проиграю, он придёт. Теперь я на дне — ниже лететь нельзя. Остаётся быть на вершине!

— Да, я, кажется, сильно любил её,— оторвавшись от чтения, думал Никуличев.— Из этих пожелтевших слов, в ту памятную ночь после её визита, видно, что я был на границе жизненного краха и полного банкротства. А теперь? Теперь линия жизни поднялась высоко, высоко. Долина смерти осталась позади. Он перешагнул её, теперь она не страшна ему... Но чего это стоило? Шести лет нечеловеческого труда, невероятных усилий и множества бессонных ночей, когда душа горит огнём незримых слов, когда подушка и тюфяк кажутся невыносимыми, когда усталое тело не может найти места, ворочаясь с боку на бок. Когда среди ночи он вскакивал, как сумасшедший, садился за стол и работал до иступления, до того, что голова валилась на книгу и он засыпал на несколько часов тревожным сном обессиленного человека. В эти пять лет он ушёл от мира, отгородился великими заботами от его соблазнов и работал, работал и работал. Было одно оружие — мысль. Только ею он мог победить мир, не дававший ему места на жизненном пиру. И он победил. Разве не он распутал запутанную сеть причинных законов человеческого общества? Разве не у него в столе хранятся кипы исписанных листов его великой книги, которая пока не ведома миру, но которую он победит мир? Разве не он при помощи Колыбина совершил великое изобретение, каких не много знало человечество? Да, теперь его бомба готова и близок день, когда он бросит её в руку жизни. Только брызги полетят кругом. Кто исчислит те перевороты, которые он вызовет? Ни один залив жизни, ни один ручеёк не останется спокойным. О, он знает это.

— Ещё немного терпения,— думал он,— и день этот настанет. Он уже чувствует его веяние и его головокружительный аромат. А любовь? Она умерла. Бедная любовь маленького человека к ещё более маленькой девушке. Сейчас она кажется ему старым, когда-то виденным сном. Пламя научного творчества вытравило её из души. Да и если бы не вытравило, разве нет у него средства уничтожить её? Разве не он изобрёл ключи для настраивания души на любой тон для уничтожения одних чувств и созидания других? Но всё же, жаль этого исчезнувшего сна, как порой бывает жаль маленькие голубенькие колокольчики, истоптанные и смятые тяжёлыми ногами проходящих. Впрочем, взглянул он на часы, пора кончить мечтательство. Нужно спать. С завтрашнего дня он должен приняться за оборудование и постройку своей лаборатории. Ещё год, два — и его задача будет доведена до конца. Щёлкнула кнопка электрической лампы, и тихая ночь вошла в комнату.

Часть вторая

Идущий и не устающий

(Записки Никуличева)

Глава 1

А Иван Колыбин был прав, когда решительно потребовал, чтобы я уехал из города на месяц или, по крайней мере, недели на две. Только здесь я почувствовал свою усталость. За последний год лаборатория отняла у меня страшно много сил. Приходилось самому вникать в каждую мелочь, неинтересную, но необходимую. Дело требовало моего присутствия и я, несмотря на усталость, оставался. В конце концов пришлось покориться. «Умород-умородом», но и он не всесилен. Главное сделано, и я уехал. Лаборатория почти готова... В общем, я хорошо сделал, что уехал. Давно уже не видал я снежной пустыни, тишины деревни и лунного сияния северной ночи. Как здесь тихо! Как здесь покойно! Как будто река жизни остановилась и заснула!

Живу я в одиноком домике у одного знакомого. До ближайшей деревни целая верста. Выйдешь вечером, и какое чудо кругом! Бесконечным полотном раскинулась снежная равнина, горят миллионы алмазов внизу и тысячи звёзд на небе, вдали тёмной полосой тянется лес, и всё молчит. Только изредка донесётся лай или вой собаки, и снова всё молчит...

Немного странно чувствую себя я здесь. Кажется, будто до сих пор я тащил какую-то ужасно тяжёлую телегу и только теперь освободился от неё. Ну, что же, хорошо. Коли нужно — будем отдыхать. Только что вернулся я с прогулки и сижу в своей комнате. Рядом, милая Вера — сестра моего друга — играет на рояле любимую «Фугу» Баха. Делать мне нечего, кругом покой. Простые, но прекрасные аккорды навевают сладкую грусть. Чудится в них отзвук потерянного рая и проблемы грядущего. Встаёт прошлое. И невольно хочется писать — не трактат, не исследование, а просто что-то вроде романа из своей жизни.

Вот и пишу. Отчего бы не побаловать себя? Отчего бы не отдать отчёта в своей жизни в момент, когда она приходит к зениту? Да, кстати, и биографы скажут спасибо. Они страшно любят такие вещи.

Попробуем поэтому вылепить звенья своей жизни и связать из них цепь. Отдыхать, так отдыхать уж всюю!

Если бы спросили меня, что является в мире величайшим чудом, я бы кратко ответил: «Жизнь». Я не знаю иного чуда, не знаю ничего сложнее, прекраснее и могущественней жизни. Теперь, когда я мысленно перелистываю страницы прошлого, я испытываю довольно странное состояние. Сравниваю своё теперешнее «я» с прошлым «я» и нахожу весьма мало общего между ними. Что, в самом деле, общего между мной и тем четырёхлетним ребёнком, образ которого мне памятен и никогда не забудется! Как будто мало, но всё же есть.

Первые листы моей жизненной книги затеряны. Я их не помню и забыл. Потеряны многие и из последующих страниц, зато как свежи и ярки некоторые. Первая сохранившаяся картина такова...

Зимняя вьюжная ночь. Маленькое село на севере. Вьюга бесится и взметает целые пласты снега, крутит, вертит и бросает его в окна, двери и на крыши неуклюжих изб. На улице никого. Все попрятались по углам и спят на тёплых полатах и печках. Только в одной избе горит огонь. Лучина дымит, коптит, то вспыхнет, то гаснет... Вспыхнет лучина — разлетаются тени, и сквозь дым виднеется какая-то женщина, недвижно лежащая на столе с странно застывшим лицом и закрытыми глазами.

Около стола стоит четырёхлетний ребёнок и теребит маленькой ручонкой платье женщины.

— Мама! Мама! Встань же! — жалобно просит он.

Ответа нет... Только тени пугливо мелькают в полусвете, то отлетая от бледного лица, то окутывая его своей вуалью...

— Мамочка, встань же! — плачет ребёнок. Ему и холодно и обидно, что мать молчит.

— Экой ведь какой, — сердится тётка Анисья, отводя мальчика от стола. — Сказано же тебе — не беспокой маму. Мама сегодня будет молчать, она умерла. — Ребёнок слушает и как только освобождается от «бабки», снова подходит к столу и начинает теребить умершую.

— Мама, а, мамочка?

Открывается дверь и входит старший брат ребёнка, восьмилетний Петя.

— Петька, поиграй хоть ты что ли с ним, а то чистая беда — всё к Пелагеюшке лезет! — обращается Анисья к вошедшему.

Петька отводит ребёнка от стола.

— Не тронь её, Митя. Пусть мама лежит. Она умерла, — грустно говорит он. — Поиграй лучше лучинками. Хочешь я тебе звезду из них слажу?

Ребёнок проворно усаживается около святца и начинает перебирать лучину. Тихо. Только лучина шипит временами, да вьюга плачет на улице.

Сегодня всё непонятно ребёнку. Как странно ведёт себя мама. Подойдёшь бывало к ней раньше, она и обнимет, и погладит, и всегда что-нибудь скажет, а сегодня отчего-то целый день лежит и молчит. Да и всё сегодня что-то необычно. Почти с самого утра беспокойство мало-помалу входило в его душу и чем дальше, тем больше и больше росло. Утром зачем-то приходило много баб и мужиков, отчего-то печально смотрели они на маму, лежавшую на столе и плакали. Почему-то называли его и брата «сиротами», а разговаривая, то и дело говорили: «Царство небесное покойнице». Потом пришла бабка Анисья и зачем-то стала обмывать маму. Обмыла и положила её на стол, и с тех пор мама не двигается и молчит. Петька отчего-то целый день тоже плачет.

— Что такое случилось? — перебирает ребёнок лучины и думает. Чем дальше думает, тем страшнее и страшнее становится ему. Пугливость и тоска, нараставшая за целый день, делаются сильнее и сильнее. Не отдавая точного отчёта, всё яснее и яснее чувствует ребёнок, что случилось что-то печальное, страшное и ужасное. Он не знает, что представляет собой это страшное, но знает, что оно «там» в углу, где-то около «мамы». Тихонько поворачивает он голову в сторону мамы и быстро отворачивает. Ему и хочется посмотреть на маму и отчего-то страшно. Шея как будто застыла и окоченела. Хочет повернуть голову и не может.

— Лучина догорела и упала в корыто. Стало темно. Ужас и страх, нараставшие в душе ребёнка, окончательно воцарились в ней и сковали всё его тело.

Слабое, нежное тело ребёнка вдруг начало тихо дрожать не то от холода, не то от страха. Чем дальше, тем дрожь становилась сильнее и сильнее. Потом всё тело как-то скорчилось и застыло.

— Ма-а-ма, — пронёсся в избе раздирающий крик, и что-то тяжёлое стукнулось об пол.

— Господи, господи! Вот беда-то! — зашептала Анисья, поднимая ребёнка с полу и укачивая его. Вспыхнула лучина и осветила мертвенно-бледное лицо ребёнка с пеной на губах и плачущего Петю.

— Ну же, мой бедненький! Ну же, мой хорошенький! Экая беда! Экое горе! — шептала бабка. — И отца-то, как на грех, ведь нет. Хоть бы скорей приехал что ли, вот беда-то!

Петька плакал, снег царапался в окна, и на руках Анисьи лежал ребёнок, за которого боролись жизнь и смерть.

Жизнь, однако, к счастью или к несчастью победила. Синяя бледность мало-помалу улетала с лица, уступая место краскам жизни. Дыхание становилось ровнее и яснее и, наконец, ребёнок открыл глаза. Пустые глаза новорождённого, недоумённо смотрящие на мир и не видящие его. Но вот они остановились на умершей, что-то промелькнуло в них, маленькое тело снова вздрогнуло и слышался жалобный плач.

Новое существо родилось в мире, уже не без сознания, а с сознанием. Этим существом был я, а умершей — моя мать.

Таково было рождение моего сознания из небытия. Таков был первый урок, данный мне жизнью. Такова была первая памятная «радость» детства!

Первое, что я своим умом осознал в мире, была смерть. Да, после этого я знал её и знал хорошо. Недаром долго я вздрагивал при одном этом слове. Это она была тем ломом, который пробил во мне лёд бессознательного бытия; это она была тем акушером, который помог родиться сознанию из чрева бессознательного.

И теперь, когда я вспоминаю это и пишу об этом, мне жаль этого ребёнка, которому «добрые феи» поднесли такой «дорогой подарок», но я и рад, вместе с тем, за него. Нет, ему нечего завидовать тем детям, у которых было безмятежное и светлое детство. Кто хочет быть пахарем жизни, тот с первых дней должен вынести ужас смерти. Если не вынесет, значит, не годен. Если вынесет — ничто не грозит ему; он всё выдержит и всё стерпит.

Да здравствует же смерть, родящая великую силу жизни! Пусть другие, не обречённые, наслаждаются беззаботным детством! Вы же, обречённые, смело идите навстречу смерти! Трусые не бывают вертоградями.

— Тут холодно, ступайте на печку и ложитесь спать, — суя по куску хлеба нам в руки, посоветовала добрая бабка.

Мы пошли и прижались друг к другу. Во всю ночь мы не сказали ни слова, хотя и не забылись ни на одну минуту. Думали ли мы о чём — не помню. Помню только вой собак и свист вьюги, да таинственный страх, исходивший «оттуда», от кого-то похожего на маму, но чужого, милого, но ужасного, ласкового, но мёртвого.

Такова первая картина моей жизни.

Глава 2

Наутро приехал отец. Он был «серебряник» или как значилось на вывесках: «золотых, серебряных и чеканно-малярных дел мастер» Никуличев. Накануне смерти матери, не ожидая такой быстрой развязки, он уехал верст за тридцать в соседнее село. Священник этой церкви известил его, что у него в церкви есть работа. «Надо выкрасить всю внутренность храма, вызолотить и высеребрить ризы на священных иконах и, кроме того, сделать две новые — на икону Покрова и Николая-Угодника,— писал он ему.— Ежели ты, Николай Павлович, согласен работы взять, так приезжай в воскресенье на ряды; будет староста, и всё мы обладим».

У отца здесь дело уже шло к концу. Чистка иконостаса была закончена, оставалось только высеребрить паникадило, да два подсвечника. Через неделю всё равно надо было уезжать отсюда и искать новой работы. При таких обстоятельствах предложение отца Устина было очень кстати, и отец в субботу вечером уехал, обещавши вернуться в понедельник утром. Хотя он и мало надеялся на выздоровление матери, но и не ждал такой быстрой развязки. Жизнь, однако, не считается с желаниями человека, а сидеть у постели умирающей имеют право только сильные мира сего, которым мудрые феи подарили ящики золота в день их рождения. Отец уехал, а мать умерла.

Маму похоронили. Ясно рисуются церковь, гроб, зажжённые свечи, много знакомых баб и мужиков, и отец, нарядившийся в свой праздничный пиджак. Что-то пели, что-то говорили, кое-кто плакал, но мне не было до этого дела. Я был равнодушным, посторонним зрителем, для которого все эти церемонии были чуждыми.

Гроб заколотили, поставили на сани, меня с братом посадили на гроб и повезли. Какое мне дело до гроба и до того, что там лежало! Я знал одно — там не было мамы, а была похожая на неё смерть.

Пришли домой и забрались на полати. Думали о чём? Не знаю. Сложна душа человека, и быстро выветриваются из неё отпечатки пальцев жизни. Потом пришли поп, псаломщик, староста и кое-кто из мужиков, ели, пили и под конец были все пьяны, а отец так пьян, каким я его ещё никогда не видел. Сначала он плакал, а потом замолчал и начал пить. Молчал и пил.

...Скоро мы переехали в соседнее село, и потекла более или менее однообразно моя жизнь в течение ряда лет. Поживши в одном селе, переезжали в другое, из другого в третье. Была работа — были сыты. Не было работы — голодали. И голодали молча, без протеста. «О праве на жизнь» и «о праве на труд» не слышали ещё тогда мы.

Теперь, когда вспоминаю я эти годы и кратко стараюсь развернуть ленту моей жизни, странное настроение охватывает меня. Вот в эти минуты, когда я пишу эти строки, когда за окном поёт знакомая вьюга, а рядом слышатся аккорды Шопена, я чувствую какое-то тихое умиление. Кажется, будто душа моя помолодела вдруг и стала нежной, детской, совсем детской. Как будто растаяла какая-то скорлупа, выросшая на душе, и, вместе с ней, всё наносное, чужое и внешнее. Теперь я чувствую себя совсем ребёнком и готов, право, даже плакать сладкими слезами умиления.

Откуда такая радость? Не знаю. Но знаю, что сейчас мне радостно и знаю, что я готов благословить мою дорогу жизни и, если бы можно было, снова пройти её всю.

О, в ней не было ни уюта, ни ласки матери, ни тёплой постели и игрушек, ни бонн, ни учителей! Но зато моей семьёй был народ, уют давал многогранный мир, а учителями были я сам, мир и его нужда.

Золотушным нужны люльки и мази, но им зато всю жизнь приходится сосать кисло-сладкую ложку пошлости. А вы все, живые и обречённые, бывшие, сущие и будущие! Бегите от тёплых кроватей! Бросайте прочь сладковатые пахнущие пелёнками соски! Ступайте на широкую дорогу и идите, куда глаза глядят! Если нечего есть — грызите землю; если негде спать — ложитесь на дороге; если хотите учиться, выбирайте учителями опасность, нужду и своё разумение. Не бойтесь, найдёте свой путь! Много опасностей — много и радости! Не Вам завидовать «радостям» светлого детства. Оставьте их на долю золотушных, расчёсанных и приглаженных сосателей сладкого молока и детской муки «Нестле». Пусть себе смакуют печенье Геркулеса и овсянку, а выросши — гнилой рокфор, да устрицы. Глаза их слепы, как глаза кротов, уши их глухи и заткнуты ватой, а вкус? «О, мы — эстеты», — говорят они и бьют в бубны на всех улицах и перекрёстках.

Бедные «эстеты», склоняющие всю жизнь одно слово «любовь», с неизбежным дополнением — «на постели». Вы так близоруки, что весь мир уходит от Вас! Вы так переоценили голландское какао и рокфор, что всё неисчерпаемое богатство жизни, вся красота, которой насыщена каждая частица вселенной и каждый момент времени — всё это проходит мимо Вас и Вы мимо них!

Ну, так проходите же! А мы — обречённые, мы шире раскроем глаза, чтобы любоваться ими, сильнее напряжём слух, чтобы не упустить ни один аккорд жизни, будем голодать, чтобы прекрасным был чёрствый кусок хлеба!

Теперь я вижу ясно, как я был счастлив и как много хорошего было в моей «бедной жизни».

Правда, было кое-что, что мне не нравилось. Например, я ужасно не любил растирать краски. А растирать нужно было, особенно в первое время, когда на более интересное я ещё не годился. Засадит, бывало, отец за растирательную доску, насыплет горошины белил или куски медянки, нальёт масла, сунет в руки большой гладкий камень и командует: «Живо! За работу!»

Начинаешь растирать. Трёшь, трёшь — конца не видно. Кончишь порцию — идёт другая, и так без конца. Мало ли краски нужно для целой церкви.

Но и тут бывали развлечения. Когда уже особенно надоест работа — не вытерпишь: схватишь лопатку с краской, да и мазнёшь бывало брата, а ненароком кого-нибудь и из приятелей мальчишек.

За вызовом следовал такой же ответ. На ответ — новое нападение. Кончалось дело или хорошей оплеухой отца, моментально усаживавшего нас за работу или... полным «живописанием», как называли мы это.

«Что-й-то ты сегодня такой «живописанный», словно Егорий-мученик», — подтрунивали мы друг над другом. А сколько прелести было в чеканке риз и в окрашивании церкви. Рисунок с иконы снят и накамфарен на гладком листе меди. Вычищенная медь ярко горит под лучами солнца на смоляной доске. Предварительные приготовления кончены. Можно приниматься за чеканку. Яркие лучи солнца весело играют на листе меди. Весело и нам. Садимся за стол и

начинается творчество. «Тук, тук», — стучают три молотка по чеканам. Удары красиво звенят и переливаются друг с другом. С каждым ударом творчество идёт всё дальше и дальше. Сначала неясно, а потом всё яснее и яснее обрисовывается фигура святителя. Отец отчеканивает какую-нибудь складку, брат — омофор, а я усыпаю его жемчугами и сапфирами, отчеканиваю бахрому и кисточку. Лишний удар — и всё ярче и ярче рождается на чистой доске живой святитель со всеми складками, со всеми мелочами. Работаешь и сам дивишься своему творчеству.

Красиво звенят чеканы и молотки. Один удар вторит другому. Перебои следуют за гармонией.

«И-иже херувимы», — запеваёт отец. «Тайно образующие», — подхватываем мы. Голоса сливаются с ударами, молоток и чеканы аккомпанируют пению, медь блестит, смола так хорошо пахнет, а солнце светит ярко, словно любитесь своим отражением.

«Трисвятую песнь припевающие», — поют голоса.

Радость творчества охватывает нас. Чувствуется, что Дух Божий носится над нами и светит нам «светом тихим святых славы».

Глава 3

Вчера я был в церкви. Бедная сельская церковь. Темно, горят две-три свечки. Горят, пугливо обвеваемые тенями, летающими под сводами и в углах церкви. Было пусто. Гулко и сиротливо отдавались голоса священника и дьячка.

Словно кого-то дорогого увидел я снова. Строгие лики показались снова живыми. Аромат ладана навевал мечты о потерянном и забытом рае, а в неясных отзвуках слов, перебрасываемых сводами, ожила вечно новая и вечно старая тайна души человека. Воскрес снова тот таинственный мир, которым когда-то жила душа ребёнка.

В ранние зимние утра, когда заря ещё только розовеет над полосой леса, когда дым из изб прямыми столбами восходит к небу, я любил ходить в церковь, такую же безлюдную и сумрачную, как и вчера. Переступая порог, я входил в новый мир, мир святых ликов и великих подвигов, духа и ладана, в мир, где человек рождается и где умирает... Тихо горят свечки. Неясно доносятся слова, тени пугливо прячутся по углам, а я, стоя в углу, жадно упивался веяниями этого мира и уходил в неведомые области Божьего царства. Чудились подвиги мучеников — и лики их казались живыми. Вот архидьякон Стефан, побиваемый камнями. Вот Георгий, храбро убивающий дракона, а рядом с ним — великий Пахомий, ушедший от мира в далёкую египетскую пустыню.

Странно. Казалось бы, не должно быть у меня тёплого чувства к церкви, к этому застывшему кладбищу суеверий и изжитых истин. Разве не боролся я в годы юности против всей церковности и попов? Разве не подвергся за это гонениям? Да, всё это было и осталось. По-прежнему не верю я ни в один из догматов и по-прежнему считаю необходимой борьбу с суевериями. Но всё же я люблю церковь и весь мир Бога, как дивный венец поэзии, созданный миллионами душ, ищущих неба.

Сколько слёз человеческих и горьких вздохов застыло в этих сводах, лампадах и иконах! Сколько глубочайших молитв и чистейших порывов окаменело в этих обрядах! Сколько здесь чуда и красоты! Мир духа святого носится здесь над человечеством и окрыляет его на дальнейшие достижения!

Этот мир раздвигал тесные границы дня для ребёнка и уводил его за грани житейской суеты.

— Да исправится молитва моя! — звучали тихие слова. И детская душа отзывчиво вторила им.

— Мир вам! — говорил кто-то. И вечный мир наполнял юную душу.

За окнами кудрявились берёзки и любовно осеняли белые кресты на могилах. Падали косые лучи солнца и горело золото духа святого на воротах царя царей.

— Свете тихий! Святая слава! — пели незримые ангелы, пришедшие на запад солнца, видевшие свет вечерний, — и тихий свет чудился в косых лучах вечернего заката и в тихом пламени светящейся лампадки. Рисовались белые туники мучеников, катакомбы, дикие пещеры, где когда-то молились гонимые, желанный покой усталой души, разбитой волнами жизни, вечный порыв в горных селениях и тихая ласка какого-то чуткого, нежного и доброго. А ласка так нужна человеку! Кто мог её дать мне? Мать? Увы, её не было. Временами хотелось кому-то доброму рассказать всё, пожаловаться на горести, попросить совета и участия, и я шёл сюда и находил всё, что не доставало для души заброшенного ребёнка. И в такие минуты особенно упивался я дивными словами прощальной поэмы: «Со святыми упокой иди же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Тихая печаль окрыляла душу и наполняла её чистым светом вечного покоя, белого, как свечка, пасхальной заутрени.

Нередко целые дни проводил я под тёмными сводами церкви на лесах, обмывая и обновляя дорогую святыню. Заберёшься на своды, обмакнёшь кисть в краску и начнёшь покрывать стены или иконостас. Гулко отдаются слова. Звучно льётся божественная песня, и быстро идёт работа. Временами заглядишься на какого-нибудь святого, вспомнишь его жизнь и на минуту забываешь обо всём. Рисуются грозный царь Диоклетиан, кругом него злые-презлые судьи, толстые с противными лицами, а перед ними мужественный, прекрасный святой. Ничего он не боится, а смело глядит в глаза идолопоклоннику и проповедует свою веру. До крови бьёт его палач, разрывает тело крючьями и щипцами, прижигает калёным железом, ломает его на колесе, зарывает в землю, а святой твёрд и непреклонен, как камень.

И долго, бывало, рисуются эти картины, пока отец или брат не разбудят криком: «Эй ты, маляр! Смотри, неладно намазал» или «Эй ты, блаженный, слетишь».

Фантазия исчезала, приходила явь, и рука снова весело принималась за работу. Оттого-то, должно быть, и люблю я до сих пор запах свежей краски, высоту лесов и глубокую бездну под ногами.

А хорошо летом на крыше церкви! Высоко-высоко стоишь над людьми! Солнце горячее, кругом синева, тёплая железная крыша приятно щекочет подошвы ног, вдали синей лентой вьётся река, временами пролетит ветер, а под ногами — бездна, немного жуткая, манящая вниз. Каждое движение должно быть рассчитано, каждый шаг измерен. Иначе — беда. Сорвёшься — и готов. И срывались... Работал однажды вместе с нами маляр Ферапонт. Красили мы церковь. В тот

день он был на шпиле, а я красил купол храма. День был ласковый, летний. Небо было тающе-синее. Кругом тихо. Солнце всюду разбросало золото, и само золото горело на главах церкви. Я мурлыкал какую-то песню, а Ферапонт подпевал мне. Вдруг — дикий крик. Взглянул — что-то чёрное падает вниз. Вот оно ударилось об один выступ, полетело дальше, грохнулось на крышу пролёта, медленно поползло по ней до края, и, наконец, тяжело и мягко ахнуло об землю. Помню, как застыл я и как тихая дрожь пошла по всему телу. Стоял, видел, как оно падало, видел, как покраснел белый выступ, как тёмно-коричневые пятна отпечатывались на крыше.

Нужно было слезать вниз, но руки и ноги стали твёрдыми, костяными. Никогда с таким трудом не спускался я по лестнице, и никогда так не кружилась у меня голова. Внизу я увидел окровавленный кусок мяса.

Теперь, когда приходится читать в газетах, как ежедневно обрываются с лесов рабочие, как рушатся леса и хоронят с собой несчастные жертвы, предо мной всегда встаёт та же картина, тот же красный выступ, тёмно-коричневые пятна и окровавленное тело на зелёной траве.

Да, судьба делает своё дело... Газеты пишут, а люди за кофе почитывают об этом, пережевывая булку с маслом. Я не прочь был бы послать их и посмотреть на это зрелище... Быть может, тогда не так спокойно бы жевали они свои бутерброды и немножко задумывались бы над такими «фактами».

Раза два или три и самому мне пришлось быть на краю смерти. Однажды красили мы в городе старый собор с высокой колокольней. День был такой же лазурный. Утром устанавливали лестницы, а после обеда начинали красить крышу колокольни. Занятые работой, мы не заметили, как надвинулась туча. Тревожно залетали голуби и галки. Пугливо начали визжать языки колоколов, качаемые ветром. Поднялся ураган и начал крутить. Мы к лестнице. Поздно... Треск... Лестницу сорвало... Кругом ад... Под нами аршинная, отлогая полоска крыши... За ней бездна. Руки судорожно вцепились в верёвку, обнесённую вокруг купола. Везде трещит... Внизу крутятся столбы пыли... Несутся обломки крыш... Сорвало шапку... Упала... Вот-вот сорвёт и нас.

Не знаю, каким чудом спаслись мы. Когда после бури нас сняли, у меня на ладонях была кровавая полоса живого мяса. Шла кровь, и не разжимались руки. Помню ещё, как одна хорошенькая девочка с матерью подошла ко мне и дала мне конфеты и цветы. Было радостно. На другой день пропечатали про нас в газете.

Это была первая печатная заметка о моей персоне. Я смеялся и гордился. И, пожалуй, имел право: во всяком случае большее, чем те «знаменитости», которые платят и душой, и материей за «рекламу», а потом сами же радуются дешёвой славе. Чудаки!

И много ещё других образов и переживаний, связанных с тою же церковью, встаёт сейчас предо мною. Есть между ними и грустные картины... Но зачем вспоминать их! Они отодвинулись куда-то назад и поблели... А радостные живыми стоят перед глазами и наполняют душу свежим ароматом, тем, который даёт силы и молодость. Новый мир, царство духа, великие примеры силы и стойкости, дивная поэзия тысячи людей, опасности и борьба с ними — вот то, что дала мне церковь и что вдохнула она в душу ребёнка. В той длинной и трудной дороге, которая

выпала на мою долю, мне пригодились эти капиталы. Они не раз были теми «моторами», благодаря которым я вырывался из цепких «лап жизни». Привет тебе, сельская, убогая церковь, застывший памятник горя и радости, молитвенных вздохов и проклятий сотен тысяч людей!

Глава 4

Так и жили. Была работа — было хорошо. Не было её — голодали. Часто надевали котомки и брели от села к селу иногда целыми неделями, пока не находили работы. Летом странствовать хорошо. Деревья зелёные, дорога тёплая, босые ноги идут легко. Станет жарко — выкупаешься в речке, захочешь пить — та же речка утолит жажду. Устанешь — ложись на цветистый луг и спи спокойно под тёплой лаской синего неба.

Зимой хуже. Холодно и невесело. Временами закрутит метель, засыплет дорогу, ничего не видно, и ноги тонут по колена. Зимой и люди сердитые. Зайдёшь в избу — глядят косо, подозрительно. Не сразу найдёшь ночлег, нередко ляжешь спать голодный. Денег нет, а просить стыдно. О милостыне нечего и говорить: приходилось голодать по два, а то и по три дня, но никогда мы не просили Христовым именем.

«Мы не нищие», — утешали мы друг друга. Была работа — всё было радостно. Днём работали, вечерами играли. Отец был ласковый, благообразный.

Не было работы — отец запивал и становился нервным, злым, временами страшным. Мы с братом делали, что хотели. Тут-то брат и познакомился с тем «ремеслом», которое привело его к тюрьме и пьянству. Где она теперь? В какой тюрьме тоскует его голова? Разбросал он свои силы, раскидал свои таланты. А ведь был у него и ум, была и воля. Но «механика» жизни всё измолочила. И всё стало дорожной, удушливой пылью. Давно уж разошлись наши дороги. Давно уж стал он «Иваном, не помнящим родства, меряющим вдоль и поперёк матушку Россию, от тюрьмы к тюрьме». Ах, милый друг! Откликнись! Ты мне нужен, и я тебе нужен. Нам надо встретиться. Быть может, я и тебе принесу пользу своим изобретением. Найду ли я тебя снова? Попытаюсь. Почему я не пошёл по той же дороге — не знаю. Объяснение для любителей — «случай».

Вот и другая тень — отец. Его образ двойится в моей памяти. Мне казалось тогда, что у меня два отца: один добрый и ласковый, другой — злой и пьяный. Когда один трезвый уходил, приходил другой на его место. И так чередовались они один за другим. Трезвого я любил, а пьяного боялся. От неудач он запивал и часто бил нас. Помню, раз он пришёл пьяный. Не знаю, чем его рассердили мы, но он вдруг начал ругаться и запер на крючок дверь избы.

— Не выпущу, — промычал он. Вид его был дикий, глаза как-то странно бегали, на губах ползала нехорошая улыбка.

Мы с братом пугливо забились в угол и притихли. Отец распечатал бутылку, сел за стол и пил рюмку за рюмкой.

Мы молчали, боялись пошевелиться.

— Что ж Вы молчите! — закричал он. — Посиживаете, да зубы скалите на отца, дьяволята. Отец, мол, пьяница, бездельник, морит нас голодом. Сам водку

жрёт, а нам есть нечего, а? Я вам дам, выкидыши проклятые! — ударил он по столу.

Я заплакал от страха.

— Реветь, подлец — вот я тебе сейчас покажу, как надо реветь! — и шатаюсь, стал он подходить ко мне.

Я бросился в другой угол, но он схватил меня и начал бить кулаком по лицу, голове, по чему попало. Брат бросился на помощь и ударил отца.

— А, стервец, бить родителя? — заорал отец и схватил брата. — Я с тобой расправлюсь сейчас. Убью как собаку!

На столе рядом лежал молоток. Отец потянулся к нему. Но брат вырвался из его рук, бросился к двери, отомкнул крючок и мы оба выбежали.

— Не отец ты, а свинья! — дразнили его мы под окнами.

— Вот как? — появился он на крыльце. — Ну так смотри же, стервец! — В его руках была гармоника брата. Яростно, вымещая свою злость, он стал колотить её о перекладину крыльца и разбил в мелкие куски.

— Играй, стервец, играй! Погоди, попадётся ты мне в руки, я тебе, поганец, покажу, как бить отца. Будь ты проклят! — хрипло ревел он.

На другой день он лежал в белой горячке. Такие сцены, хоть и не столь страшные, бывали не раз и раньше. Отрезвившись, он не мало мучился за свою дикость. Но напивался снова — и снова повторялось то же. Эта сцена была последняя. Наше терпение иссякло, и мы с братом решили зажить самостоятельно. Накупили жести, красок, забрали инструменты и пошли в люди, по деревням и сёлам. Чеканили ризы, золотили, серебрили, малярили и были сыты.

Только раз ещё, два года спустя, мне удалось видеть отца. Это было тогда, когда я учился в двухклассной школе. Был он тогда трезвый и ласковый. Привёз мне гостинцев, похвалил меня за хорошее учение, оставил пять рублей денег и уехал на работу вёрст за триста.

— Кажись, я вижу тебя, Митя, в последний раз, — грустно сказал он на прощанье. — Не хорошо что-то у меня на сердце. Смотри же, учись, в люди выйдешь. Коли жив буду и найду работу — пришлю денег, не найду — не осуди. Ну прощай, будь человеком, не пей, как я, а то сгинешь ни за грош, — перекрестил он меня.

Его предчувствие сбылось. Скоро с ним случился удар и он умер, один, без родных и без близких. И лежит теперь где-то там, на высоком берегу широкой реки, без креста и без памятника. Разбросала судьба по разным местам моих близких. Где-то в селе — могила сестры, в другом — матери, а в третьем — могила отца. И лежат они одинокие, никому неведомые. Где они? Кто их укажет теперь? — Никто... У судьбы есть своя логика. Мы, грядущие люди, должны быть беспочвенными и свободными от груза традиций и исторического наследия, и сама судьба идёт нам на помощь. Ничто нас не связывает с прошлым. У нас нет позади даже груза могил. Мы свободны от прошлого и власти мёртвых. Прошлое умерло с предками. И исчезло в безвестных могилах. Ветер занёс могильные курганы, бедные кресты сгнили от осенних дождей, а надписи стёрты весенними ливнями и зимними морозами. Остался только прах и пепел. И растут теперь там кудрявые берёзки. Шумят они в ветреные дни своими листьями, шурша неясно и тоскливо, и никому не скажут своей тайны. Спите же спокойно, милые!

При жизни Вам не приходилось спать. Теперь отдыхайте. При жизни Вы несли на себе бремя нужды и невзгод, по смерти — Вы тянете нас назад. Ваша задача выполнена. Нет худа без добра. И ирония судьбы бывает полезна и символична. «Вене», — скажем на это и поставим точку.

Глава 5

Когда и где я выучился читать — не знаю. В памяти встают только обрывки картин, рисующих то старого дьячка, медленно и спокойно водящего толстым, корявым пальцем по старому молитвеннику и монотонно повторяющим: «буки-аз-ба, веди-аз-ва», то ряд изб со множеством ребят, с чёрной доской, со счётами, которые я урывками посещал во время наших странствований из села в село. Впрочем, один факт помнится ясно. Мне тогда было лет семь. Отец, отправляясь на работу, оставил меня у моей тётки-крестьянки, жившей в маленькой деревеньке. От нечего делать я стал ходить в местную школу. Школой была изба одного крестьянина, где обучала грамоте бабка Ирина, умевшая читать и писать. В тот день задана была задача. Я быстро и легко решил её. Потом был урок русского языка. И на нём отличился я беглым чтением и толковым пересказом прочитанного.

«Молодец, Митька! — похвалила меня бабка.— Молодец. На тебе за это картинку», — протягивая бумажку, сказала она.

От радости я готов был прыгнуть к потолку. Не без гордости вышел я из избы, и, придя к тётке, торжественно приклеил «картину» рядом с образами. Картиной была конфетная обёртка. Изображала она грушу — тогда я не знал ещё, что это такое, внизу подписано было «Дюшес», «карамель фабрики Масленникова с-я в Ярославле».

Как живая стоит и теперь перед глазами эта картина. Хорошо запомнился и весь этот эпизод «общественного признания» моих талантов. Казалось бы, смешно приходиться в восторг от конфетной бумажки. Теперешняя молодёжь, куда более требовательная, вероятно, засмеяла бы меня. Но мальчику, для которого и такая бумажка была роскошью, позволительно радоваться. Да в конце-то концов, чем лучше его все те взрослые, которые с не меньшей гордостью напяливают на себя «жалованную шубу с плеча», ордена и медали, шпаги и кафтаны и прочие знаки достоинства. Чем они лучше конфетной обёртки? Разница только та, что я был ребёнком и действительно заслужил «награду», а они — взрослые, к тому же сплошь и рядом получающие их без всяких подвигов и заслуг. Если я заслуживал насмешки, то чего же достойны эти мужи совета, день и ночь мечтающие о Владимире или Станиславе, о надворном или статском советнике.

Эта сцена единственная, отчётливо сохранившаяся в моей памяти из полу-грамотного периода моей жизни. Дальнейший ряд сцен обрисовывают меня уже грамотным. По вечерам в свободные часы вижу себя с упоением читающим Четьи-Минеи, Гуака, Бову, песенники Кольцова, Жюль Верна, Пушкина, книги по истории, по естественным наукам, одним словом, всё, что попадёт под руки и что можно было добыть в странствовании из села в село. С какой завистью посматривал я в школе на книжные шкафы! «Как хорошо быть учителем,— мечтал я.— Книг —

множество. Всю жизнь читай — не перечитаешь». Была какая-то тяга к книге, тоска по ней. Этим, вероятно, и объясняется, что я попал на научную доро-гу и стал учиться. Впрочем, для «глубоких умов» и здесь нельзя обойтись без «случая», любимого или «счастливого случая». А «случай» действительно налицо.

Во время «самостоятельной» жизни в людях пришли мы с братом однажды в село Г. Посредине его бросилось в глаза большое новое здание. На наш вопрос: «Что это такое?», мы узнали, что это новая второклассная школа и что на днях будут приёмные экзамены.

Моё любопытство было возбуждено и в день экзаменов, не сказавши ничего брату, я пошёл в школу. Интересно было посмотреть, в чём состоят экзамены.

Большой стол, покрытый зелёным сукном, два учителя и священник — вот что я увидел, войдя в школу.

Экзамены начались...

Стою и слушаю, что спрашивают и что отвечают.

Вижу — вопросы простые. Я мог бы ответить на них. Не отдавая отчёта, подхожу и я к столу.

— Тебе что? — спрашивает меня священник.

— Я тоже знаю, — запинаясь, отвечаю я. — Спросите.

— Да кто ты такой?

— Димитрий Никуличев, сын Николаев.

— А где твоё прошение и документы?

Краснею, потею.

— Какое прошение? — спрашиваю я.

— Да, прошение о приёме и документы.

— Я без прошения.

— Так нельзя.

— Да, я знаю не хуже их.

— Мало ли что.

— Отец Иван, спросим его, вмешался один из учителей.

Они что-то пошептались между собой.

— Ну, а паспорт есть у тебя?

— Есть, — доставая его, ответил я.

— А метрика?

Метрики не было, да я и не знал, что это за штука. Пошептавшись немного, они решили проэкзаменовать меня. Отвечал я хорошо, бойко и правильно, хотя и глотал слова и готов был расплакаться.

— Хорошо, очень хорошо, — подбодрял меня «добрый» (как я прозвал его) учитель.

— Если хочешь учиться — учись, только достань метрику, — сказали мне после экзамена.

Слома голову, я вылетел из школы и помчался к брату.

— Меня приняли! — заявил я ему.

— Что ты, объелся что ли? Куда приняли?

— В школу. Буду учителем!

— Вот тебе и на. В какую школу? Расскажи толком.

Я, путаясь, передал ему в чём дело.

— Ишь ты, химик какой,— плюнув сквозь зубы, заявил он.— Что ж, коли приняли, валяй, учись. Метрику достанем. Значит, одному мне теперь придётся маячить. Ну, да ладно. Одна голова не бедна, а бедна, да одна,— с грустью в голосе заявил он.

Таков был «счастливый случай», поставивший меня на путь науки. Ему я был обязан тем, что был принят в школу без метрики. Виктор Гюго где-то говорит, что можно написать целое исследование о роли погон в истории человечества. С ещё большим успехом можно было бы заняться исследованием великой роли, которую играют в судьбах народов и царств разные «метрики». Временами достаточно одной «метрики», чтобы повернуть историческую колымагу на новую дорогу. Жизнь не раз убеждала меня в правильности этой мысли.

«Реестр входящих и исходящих бумаг» — неизбежный атрибут «царя вселенной». Можно вообразить человека без науки, искусства, религии, даже без штанов, но без «бумаг за номером таким-то» человечество немислимо. Бедное человечество!

Глава 6

Чётким рядом встают годы учения. Хорошие годы. Мир зелёных полей, бесконечного вечно шумящего леса, тихой глади широкой реки, озолоченной закатными лучами, мир простых людей с крепко сколоченной, но немудрёной жизнью с каждым днём стал раздвигаться и делаться шире, сложнее и бесконечнее. География знакомила с землёй и её городами. Книга по астрономии позволяла видеть невидимое, отстоящее на миллионы вёрст. Физика и химия учили тайнам строения вещества. История вооружала ум зрением во времени, учила читать прошлое, настоящее и будущее. И, наконец, великая литература вводила в тайники человеческой души, рисовала великие образы, стоящие по ту сторону добра и зла... Диккенс, Гёте, Байрон, Пушкин, Тургенев и Достоевский. Проходил день и... моё духовное зрение становилось острее и дальномётнее.

Жизнь стала казаться какой-то панорамой, сказкой. Вчера мир казался очень простым. Земля была доской. Небо голубым блюдцем, опрокинутым над нею. Вот и всё. Прочитана книга, и картина менялась. Старое представление падало и появлялось новое. Не сразу, не без борьбы и не без труда. «Привычное» очень живуче и не хочет уступать новому. Помню, когда узнал, что земля — шар и что не солнце вертится вокруг земли, а обратно, я никак не мог согласиться с этим. Пошёл даже к учителю. И только тогда, когда он дал мне дополнительные разъяснения и рассказал о Галилее и Копернике, мой ум принял это положение.

Но чувство и тут не сразу уступило.

«Вот диво-то», — повторял я в течение нескольких дней после этого.

То же испытал я, знакомясь с астрономией. Было какое-то чувство тягостности и растерянности. Мир, бывший столь простым до сих пор, вдруг оказался какой-то бесконечной машиной, живущей своей жизнью, состоящей из колоссальных тел, среди которых земля — песчинка. Нелегко было перескочить со старого мировоззрения на это, новое, трудно понятное и мало представимое. Ряд дней я ходил сам не свой. Удивлялся. «Ну и диво, вон оно что», — машинально повторял я.

Но прошло ещё несколько дней, и инерция была преодолена. Новое представление стало привычным, и сразу стало легко. Мир преобразился, и приятно было, что в нём есть какой-то порядок, что можно заранее вычислить и движение планет и комет, и солнца, и затмения и т.д.

То же приблизительно повторялось и с каждой вновь прочитанной дельной книгой. С какой-то жгучей радостью и не без жгучего любопытства раскрывал я новую книгу. «Что-то скажет она», — думалось мне. Душа настораживалась, приготовлялась к какому-нибудь удару со стороны книги — удару в виде новой мысли, опрокидывающей привычное мнение. Было от этого тревожно и в то же время весело.

Эти переживания покажутся, пожалуй, наивными теперешним школьникам. Они ведь всё это знают уже с молодых лет. Для них всё это лишь скучный урок, который надо вызубрить и ответить. Бедные люди! Им неизвестна радость познания. Дряблая душа их не звенит чутко в ответ на эти «раздражения». Вместо гулкового отклика она только скрипит, хлюпает, как болотная вода, под ногами прохожих. И вырастают поэтому серые болотные люди, жизнь которых стелется по земле, как дым костра в осенний туман.

Мои товарищи ученики были дети простые и в общем милые. Все они были крестьянскими ребятами. Если нельзя было назвать их очень далёкими, то нельзя было обвинять их и в той «скороспелой зрелости», которой больны дети города, в особенности барчуки.

Моя фигура первое время была незаметна среди них. Как и все, я играл с ними, чаще их сидел за книгами, но вожакom и героем не был. Таким вожакom с первого же дня сделался Антоновский — сын протоиерея, исключённый из духовного училища. Он был среди нас единственным аристократом и по происхождению, и по манерам, и по одежде и по богатству. «Рано созревший», более старший, щёголь и порядочный хвостун, он сразу же стал героем в глазах простых и наивных мальчиков. Очень скоро из героя он стал властелином, решения которого сделались законом. Это подчинение, в свою очередь, возбуждало его деспотизм, и он быстро вошёл в роль начальника и повелителя. Не мало способствовала этому и его «зрелость». Впитав в себя всю атмосферу духовного училища, он виртуозно плевался, отчаянно ругался и кстати и некстати рассказывал сальные анекдоты, весёлые похождения и стихи Баркова. Жили мы в общежитии и спали в одной спальне. Часы перед сном стали его часами. Усевшись на койке, окружённый учениками, каждый вечер он занимал их этой литературой. Не копия ли человеческой жизни эта картина? Не та ли же толпа и пустой шарлатан — герои человеческого романа? Имена их разные, но сущность одна и та же: та же толпа, создающая Бога из ничтожества и потом ползающая перед ним на животе, и тот же вечный канатный плясун, воображающий себя великим создателем. Когда же будет конец этой «суете сует»?

О, если бы скорее пробил этот час. Пора, давно пора. Не знаю почему, но с первого же разу он мне не понравился. И в дальнейшем не могло установиться симпатии между нами. Герои любят поклонников. Я не был им. В то время как другие с жадностью слушали его рассказы и животным смехом награждали его творчество, я сидел и читал книгу. В этом он видел бунт против него и его власти.

Не так ли же земные властелины видят бунт в каждом акте, непричастном к их «сальным» делишкам?!

В первое время Антоновский терпел этот бунт, но скоро его терпение лопнуло. В один из вечеров он по обыкновению ораторствовал на своей кровати; я же сидел на своём месте и читал «Давида Коперфильда». В спальне стоял шум и смех, но я, увлечённый книгой, не слышал ничего. Вдруг стало тихо.

— Таких умников не мешало бы поучить хорошенько. У нас, бывало, хорошую баню задавали им.

Я понял, что слова относились ко мне. Не обратив внимания, я уткнулся в книгу.

— Это не по-товарищески, — продолжал возбуждать Антоновский, — это против народа, Бога и человечества — говорят в таких случаях земные властелины. Ну-ка, ребята, давайте проучим его. Эй, ты, бродяга, кинь книгу!

— Не твоё дело.

— Кинь, говорят тебе, а не то я дам такую взбучку, что другой не захочешь.

— Отстань, жеребьячья порода, — выпалил я обозлённый.

В два прыжка Антоновский был рядом со мной.

— Ну-ка, повтори, что сказал.

— Что сказал, то сказал.

— Смотри, ребята, как я буду учить этого выкидыша.

Я был мальчиком не из слабых, но Антоновский старше меня четырьмя годами, был противником не по силам.

Удар, и я падаю на пол. Новые удары сыплются на меня один за другим. Публика хохочет. Со злости, не помня себя, я хватаю врага за ноги и впиваюсь зубами во что-то мягкое, должно быть, в икру. Липкая, сладковатая кровь ползёт по лицу и чувствуется на языке.

Вдруг удары прекращаются. Я вскакиваю на ноги и вижу — идёт схватка между Антоновским и коренастым мальчиком. Налетаю сзади и с двух сторон начинаем бить врага.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, если бы не раздалось магическое: «Учитель идёт». Через минуту мы все мирно лежали на койках.

— Дурачье, остолопы, — заговорил мой неожиданный заступник, когда ушёл учитель. — Бьют человека за здорово живёшь, а они и рады, скоты.

— Поговори у меня, уж я покажу тебе свиное рыло! — откликнулся Антоновский.

— Ну, брат, руки коротки. Видали мы таких балаболок как ты. Я ведь, братец ты мой, жилистый, а ты велик, да что толку-то! Ни ума, ни проку. Велика Федора, да дура, — со спокойным смешком ответил первый.

— Посмотрим, я тебе, раз мать твою так-то (последовала трёхэтажная ругань), покажу «кузькину мать».

— Полно, дурак. Обломаешь пальцы. Чисто жеребьячья порода. Поповское отродье, сразу видно — хвастлив и трусоват. Пустой ты, братец мой, человек. Не мели больше. Я хочу спать, — и он спокойно завернулся в одеяло.

Этот факт я привёл для того, чтобы показать первый случай защиты мной моей самостоятельности. Он же был и почвой нашего сближения на всю жизнь с Колыбиным. Коренастым мальчиком был он. С этого момента наши пути совпали

и разойдутся только после смерти. Лучшего товарища и в жизни и в науке я не мог желать.

Вместе кончили школу, вместе отправились в учительскую семинарию, вместе были арестованы, одновременно держали экзамен за гимназию и в одно время поступили в университет.

Дорогой милый друг. Приношу тебе товарищескую признательность в этих строках. Быть может, они попадут тебе, когда меня уже не будет. Прими их как посмертный привет и последнее пожатие руки.

Глава 7

Кончил школу и поехал вместе с Колыбиным в учительскую семинарию. Мы оба хотели быть народными учителями. И были бы, да несчастье помогло. Учились мы хорошо, но чем больше впитывали знаний, тем больше видели и понимали несправедливость окружающих нас порядков, чем больше понимали, тем глубже и сильнее развивался дух протеста и тем настойчивее росло желание хоть чем-нибудь помочь своим братьям, забитому мужику и рабочему.

Мы хотели быть учителями не за страх, а за совесть. И были ими... В семинарии организовали кружок «друзей народа», завязали сношения с местными крестьянами и рабочими двух фабрик и стали ходить к ним на беседы. Разразилось революционное движение и захватило нас. Беседы стали чаще, темы острее, настроение тревожнее. Тогда ещё не было во мне скептицизма к догматам социализма, к способам его достижения и к отдельным вожакам революции... Нет... Всё это тогда принимал я с энтузиазмом, веря во всё, как в непреложную истину, и умел заставить верить и других.

Работа наша шла недурно... Во всех местных деревнях были уже члены «друзей народа», наша деятельность раскинулась и по уезду.

Кончилось, как полагается, арестом. Колыбин и я в один из вечеров были арестованы на одном из собраний и препровождены в тюрьму. В первый момент было грустно, но «обречённые» привыкают ко всему. Быстро помирились и мы, и пользуясь «казённым содержанием», с усердием принялись за чтение и самообразование.

Милая, российская тюрьма! Позволь и тебе посвятить здесь пару тёплых слов. Немало жизней задушила ты в своих стенах. Немало свежих и сильных лиц исчахло за твоими решётками. Сколько ума и воли схоронила ты в своих казематах! Если бы собрать всю эту потерянную силу, дать ей простор и пустить её на простор наших полей, — каким благодатным дождём окропила бы она тихие, застывшие сёла, уснувшие деревни и зачахшие города. Но «механика жизни» имеет свои законы, а «пастыри народа» — свои аппетиты. Они безжалостны к людям, но милосердны к клопам. И отдают им на съедение всё лучшее, всё чистое, всё сильное... Недаром они усердные члены «Общества покровительства животным».

Но ты же, российская тюрьма, была и русским очагом науки. Сколько лиц входило в твои ворота тёмные и выходило посвящёнными. Сколько людей не могло учиться в университетах, и учились за твоими стенами, под звон кандалных

цепей. Сколько новых мыслей было продумано в тёмную ночь на твоих жёстких нарах! Какие волшебные дворцы свободы и счастья строились среди зловония «параша» и темноты карцера.

Нельзя не сказать снова: «У судьбы есть своя логика, а у российской — в особенности...» Ещё раз прав Кандид: «Всё идёт к лучшему в этом наилучшем из миров». И ад иногда может показаться раем.

«Вене» — скажем опять.

Много книг было прочитано и много дум было передумано под душными сводами «российского университета». В бессонные, длинные ночи воображение развёртывало свиток прожитой жизни, раскрывалась страница за страницей, и упиралось обычно в одну точку: «а что же дальше».

Об учительстве было нечего думать: «волчий паспорт», выданный из школы, достаточно ясно говорил об этом. Нужно было искать новых путей. Каких? Старое ремесло? — Нет, оно уже было не приемлемо. Оно снова ограничивало рамки осознанного мира. Косить и пахать? Но я был бобыль, без кола и двора, лишь по летам приезжавший к старой тётке-крестьянке и помогавший ей справляться с летней страдой.

Оставалось — идти начатой дорогой: учиться и учить других. К этому влекло меня, и это же было единственным выходом. Первым шагом к этому представлялось продолжение пропаганды среди народа, жизнь бродячего учителя-революционера. На этом я остановился и стал ещё усерднее читать и изучать всё то, что присылали нам с воли.

В тюрьме же познакомился я и с множеством других революционеров. Немало повелось перевидать их и потом.

И увя, как мало среди этого множества званных подлинно избранных. Сколько канатных плясунов и актёров, революции приходится и здесь на одного, подлинного бунтаря по духу и делу. Как быстро стираются дивные жемчужины мысли и духа в руках этих имитаторов, горланящих больше других, нахохленных, как дерущиеся петухи, и с быстротой молнии переменяющих костюм бунта на бляху и мундир пронырливого карьериста. Чувство неприязни, зародившееся тогда, позже выросло во мне в подлинное отвращение к этим маленьким инквизиторам — манекенам революции, наиболее беспощадным, бессердечным и... громче всех вопиющим о том, что они-то и есть настоящие революционеры, что ими-то и охраняются устои социализма и что они-то «по праву и справедливости» уполномочены подавлять всякую ересь и всякое инакомыслие в доктрине социализма и революции.

Не люблю я этих безголовых реакционнейших из всех реакционеров, шарлатанов. Бунтари духа и дела! Берегитесь этих бряцающих кимвалов! Сторонитесь их и боритесь, прежде всего, с ними. Они плодovиты, как клопы, и как клопы, загрязняют всё, к чему прикасаются. Срывайте с них маски. Они — горькая полынь в саду чистых лилий грядущего.

...Суда над нами не было. Просидели мы около года, и наконец, нас выпустили.

— Вы должны указать, где Вы будете жить, — заявил Колюбину и мне жан-дармский ротмистр.

— Не знаем... Быть может, в этом же городе, если найдём работу, — ответили мы.

— Ну, нет-с, голубчики. Ни здесь, ни в этой губернии Вам нельзя быть. В три дня Вы должны оставить её пределы.

— Где найдём работу, там и будем жить.

— Но где же?

— А мы почём знаем.

— Тогда оставайтесь в тюрьме.

— Покорнейше благодарим Вас, — ответил Колыбин. — Мне что-то неохота.

Долго бился с нами ротмистр, настаивая на том, что мы отданы под негласный надзор, а потому должны указать наше местожительство.

Так ничего и не добился.

— Ну, ладно, уходите. Но через три дня Вы должны известить полицию о том, где Вы будете жить.

— Не беспокойтесь. С удовольствием, — ответил я.

— Как же, известим, держи карман шире, — шепнул мне на ухо Колыбин.

С узелками под мышкой вышли мы из стен тюрьмы на улицу. Снова стали свободными гражданами, теперь уже вполне свободными, без школы и без начальства.

— «Направо бесконечность, налево — бесконечность, бесконечность впереди и позади, куда хочешь идти, великий странник!» — шутя обратился ко мне Иван.

— «Иду на вокзал, иду в школу, оттуда — в даль деревень», — в тон ему ответил я.

Нам было по 17 лет. С нами были молодость, воля и ум. О чём же было грустить. Поля родные — просторны, дорог в мир много, нужда и горе — испытаны... и мы весело зашагали к вокзалу.

Радостно встретили нас в семинарии товарищи, но начальство выгнало нас из здания.

«Чтобы ноги Вашей здесь не было», — заявил нам директор. «Не скоро и так выкуришь никуличевский дух из школы, — с усмешкой сказал он. — Но не мытьём, так катаньем я выкурю его. Марш отсюда».

Да, мы умели оставлять свой «дух» всюду. Оставили его и в тюрьме. Двое из молодых надзирателей за время нашего пребывания были перевоспитаны нами. Под конец сидения они контрабандой проносили нам и книги, и прокламации, и нелегальные газеты. Одно время тюрьма стала даже главным складом нелегальных изданий. В России всяко бывает. Бывают и такие анекдоты.

Без особенной тоски двинулись мы в соседние фабричные сёла. Иван в одно, я в другое. Где-то, в глубине души, копошилось опасение: «Скоро снова вляпаемся и снова попадём в тюрьму». Но... терять было нечего, и тревога засыпала. Была, правда, ещё мысль о старушке-тётке, которой нужно было помогать, о брате, который, подобно мне, давно уже мытарился по тюрьмам.

Щемящая грусть временами охватывала при этих мыслях. Но делать было нечего, и я отмахивался от этих тоскливых образов. В голову в качестве злой иронии приходили слова: «Кто хочет идти за мной, пусть оставит отца своего и мать свою, возьмёт крест свой и идёт за мной!» И мы оставляли, и действительно, брали свой крест и несли его.

Началось странствование из села в село, с фабрики на другую, с массовки на митинг, из кружка в другой. Изба, фабричный двор, лес, луг, улица, школа, квар-

тира сочувствующего интеллигента — таковы были места наших лекций и бесед. Питались тем, чем покормят. Спали, где придётся. Одевались в то, что дадут. И здесь мы были апостолами: не брали с собой ни сумы, ни денег, ни посоха, ни двух одежд. Ничего, кроме револьвера и патронов. Не раз были без сапог и нередко голодали. Денег своих не было, а состоять на службе у революции и получать жалованье из членских взносов было противно и неловко.

Около года странствовали мы в пределах двух губерний. Имена «Головни» и «Никанора» — наши псевдонимы — приобрели почётную известность среди фабрик и волновавшихся сёл. Образовалось множество ячеек, групп, кружков, комитетов, выросла связь между ними, наметилось центральное бюро, коротко говоря, настоящее генерал-губернаторство революции с чиновниками-агитаторами, пропагандистами, организаторами, в числе которых были и мы, в качестве первостепенных работников. Завелась и печать, и архив, своя почта и даже боевая дружина. Короче — всё, что нужно для управления губернией. Мы стали силой, и давали знать о себе полиции, хотя и не на предмет надзора за нами.

Много было пережито в этот год. Много сил ухлопали мы в нашу работу. Немало и опасностей пришлось нам испытать. Теперь кажется чудом, как шальная пуля или удар шашкой не ухлопали нас. Ещё большим чудом кажется, как не попали мы снова в руки охранителей. Всем существом ушёл я в работу и полон был глубокой радостью социального строительства. Чувствовал себя «фокусом сил», разрушающих старое и творящих новый храм счастья. Дышалось легко в душной избе, глаза смотрели ясно и твёрдо, тени не ползали по чистому лбу, и улыбка на губах была решительная, но ласковая и светлая. Радовал и внешний успех работы. Кружки росли, число «сознательных» быстро увеличивалось, организация клеилась. Но месяцев через пять обозначилась уже трещина, а ещё через два-три месяца я уже с горьким сожалением должен был сказать себе: «Что-то тут неладно. Мы делаем не то, что нужно, или вернее, не так, как нужно».

Кружки и «сознательные» росли, и это вначале радовало. Но по мере того, как вникал я в дело глубже, видел, что эти кружки — видимость; «сознательность» — только слабый налёт внешней культурности, а вся «организация» — нелепая копия порядков, которые мы сами же разрушали. Были единицы, чистые, глубоко впитавшие в себя дух грядущего, подлинные люди будущего. А масса, её душа, её нутро оставалось старым. Чувствовал я, что в ней потенциально хранится великая сила, бесконечно большая, чем силы отдельных героев, но эта сила ещё дремала, ещё скована была путами традиции, эти оковы были ещё крепки, как сталь. Наша работа оставляла только маленькие пятна ржавчины.

Инстинкты прошлого оставались нетронутыми и, как тело прокажённого, сквозили через лохмотья нового налёта из каждого поступка, из каждого движения. Старый зверь сидел прочно, и вся работа была ничем иным, как одеванием его в красивое, кисейное платье будущего человека.

«Каковы же итоги? — чаще и чаще спрашивал я себя. — Становятся ли люди лучше, благодаря нашей работе? Совершеннее ли делается их духовная организация? Больше и чище становится их альтруизм? Яснее ли работает их мысль?»

И увы, чаще и чаще должен был отвечать себе: «Нет, нет, и нет». «Экспроприация экспроприаторов», «обобществление орудий производства», «экономика — основной фактор», «борьба классов — закон истории», «нравственность

современная — отрывка капитализма», «свобода, равенство и братство», «в борьбе обретёшь ты право своё», «земля и воля», — эти и подобные лозунги они усваивали быстро и свободно. Но во что они превращались! В пустые наклейки, попугайски повторяемые из слова в слово, и нередко, на практике, выливающиеся в формы недалёкие от готтентотской морали. Невольно всплывала мысль: «Вчера они повторяли «православие, самодержавие и народность», — сегодня эти формулы, а завтра — опять новые, с той же лёгкостью и беззаботностью».

Когда же я ставил себе вопрос: «А что было бы, если бы теперь же водворился на земле тот строй, за который мы ратовали — изменилось ли бы хоть что-нибудь при этих людях, без полного их перерождения?» И с отчаянием должен был отвечать себе: «Переменились бы только вывески, а всё остальное ничуть не изменилось бы. То же взаимное пожирательство, та же грубость, глупость, эксплуатация, бедность и преступление, — всё это осталось бы целым и невредимым».

И минутами страшно становилось за себя, за них и за ту бесконечность работы, которая нужна для переделки человека.

Временами приходило отчаяние, и я целые ночи ворочался, сжав зубы и вцепившись ногтями в тело, чтобы не расплакаться.

«Мы переделываем костюм, а не человека. Таков был итог этого отчаяния. Основная задача должна быть обратной, нужно, прежде всего, возрождение человека, а внешняя организация дело не трудное, она сама собой явится». И не раз в эти минуты вспоминался «буржуазный» Спенсер с его социальной статикой.

Правда, кое-что изменяла работа и в «нутре», этого не мог я не видеть, но это «кое-что» было так незначительно, что тонуло в общей массе тёмных пятен и вновь появившихся ядовитых цветов.

«Если идти таким путём», — рассуждал я, — то нужно бесконечно много времени, чтобы получить сколько-нибудь значительные результаты. А раз так, — заключал я, — то остаётся или сидеть спокойно и созерцать медленное движение исторической колымаги, раздробляющей ежедневно тысячи жертв, т.е. уйти в страну безразличия, или же нужно найти новый кнут и безжалостно стегать им и возницу и лошадей истории».

Таков был конечный пункт этого душевного перелома. Быть может, он и не принял бы столь резких форм, если бы я видел массу. Придя к указанным выводам, я не винил народ. Ребёнка — не судят. Если он был такой, то это не его вина, а вина «механики». Мало того, личное общение с крестьянами и рабочими почти никогда не оставляло во мне горечи или обиды. Напротив, их искренность, их забота и любовное отношение ко мне меня трогали до глубины души. И до сих пор во мне жива горячая признательность к этим то загорелым, то слишком бледным лицам. Они делали всё, что могли. Если сразу не могли перескочить шлагбаум «механики», то это не их вина. Иная память осталась об интеллигентах — революционерах, о тех, кого можно было назвать начальством революционной губернии. Были и здесь прекрасные, чистые люди. Но они были розами среди бурьяна. Именно этот-то бурьян учителей революции и дал толчок моему скептицизму. «Они — учителя и творцы будущего, думал я, поэтому они должны быть и образцами грядущего человека». Но подойдя ближе к ним, что же я увидел? Увидел хитрых интриганов, себялюбивых, честолюбивых, глупых, не

способных даже видеть свою глупость. Большинство из них плохо ли хорошо ли, усвоив ходячие лозунги и прочие, патентованные труды теоретиков будущего, только и делали, что попугайски повторяли чужие мысли. И с каким самодовольством! И с какой усмешкой! «Так говорит Маркс на странице 276, 1-го тома». «А разве Вы не знаете, что сказал Каутский», — таковы были их аргументы.

Всё, что не согласовывалось с патентованными авторами, всё для них было ересью, глупостью, отступничеством, буржуазной мыслью. И если бы Маркс объявил буржуазным: $2 \times 2 = 4$, то они и это повторяли бы, как аксиому.

И невольно присутствуя на их спорах, я спрашивал себя: «Да чем же они отличаются от староверов или миссионеров, для которых текст писания та же *Ultima ratio*, вне которого нет ничего и никого? Увы, ничем», — отвечал я. «Что же в таком случае понимают они под свободой мысли. Неужели же только попугайское повторение слов, сказанных когда-то великим умом, которому как и нам, не чужды были ошибки, и который, конечно, не мог быть последним звеном в развитии бесконечной человеческой мысли».

— Увы, свободу мысли большинство видело как раз именно в этом попугайстве. Ум их жил тем же авторитетом, что и ум раскольников, только имена были разные. Всё вне признанного авторитета объявлялось вредным, бесцельным, «буржуазным». Вся история мысли едва ли не сводилась ими к Марксу, да ещё к десятку других патентованных ортодоксов. На всё остальное они готовы были надеть намордник и при случае не без издевательства принудить к молчанию. При таких спорах мне не раз рисовались образы древних инквизиторов и чудилось, что они ожили снова в этих чиновниках революции, отличавшихся от них только именами, да платьями. «И эти-то люди — образы будущего», — снова спрашивал я. И с горечью отвечал: «Если будущие люди таковы, если они так же глупы и бестолковы, — то я предпочитаю средние века. Лучше быть Торквемадой, чем этими жалкими карикатурами великого инквизитора».

Шемящая тоска заползала в сердце, и разбитый, с отчаяньем в душе, выходил я из собраний. Это впечатление возбуждали и остальные черты «чиновников» революции. Нигде не видел я больше самолюбия, интриг, взаимного надзора, зависти и прокурорства, как именно здесь. Более безжалостных прокуроров трудно было найти.

Помнится, один товарищ, прекрасный работник и светлая душа напечатал статью в распространённой газете. Хотя он излагал их же взгляды, хотя статья была написана дельно, достаточно было одного этого факта, чтобы учинить над ним суд и лишить его всех прав социалиста.

«Помилуйте. Он пишет в буржуазной газете. Это не терпимо», — возмущённо заявляли эти прокуроры революции. «И это образы терпимости? — спрашивал я. — Да чем же они отличаются от старых браминов, изгонявших из касты своего сочлена за то, что он купил молока или говорил с судрой?» И снова должен был отвечать: «Ничем!» Когда же я узнал, как согласовали они теорию с практикой, слова с делами, то был окончательно подавлен. Один пользовался общественной казной для того, чтобы покупать подарки любовнице, другой — имел 10-тысячную ренту, третьи — из социализма сделали дойную корову, извлекая и откладывая в свои карманы доходы с социалистического журнала, четвёртые — модничали им, как франты галстуком, пятые — сколачивали на нём популярность, шестые —

приобретали кресло и т.д., и т.д. Социализм для многих из них стал выгодной рентой. «И это все противники собственности? Защитники обобществления? Какая горькая ирония», — думал я. В них, едва ли не сильнее, чем в других живо всё прошлое. Поэтому-то они и любили «организацию», «входящие и исходящие», «президиумы и комитеты», «порядок и дисциплину», и прочие атрибуты государственных чиновников, вплоть до своих орденов и флагов. Потому-то часто с такой лёгкостью и перевоплощались они в карьеристов-чиновников, делались самыми злобными и безжалостными угнетателями народа. «Какую же картину будет представлять социалистическое общество, если оно будет состоять из таких членов. Самую нетерпимую, самую безобразную», — отвечал я.

«Нужно искать новых путей, — решил я в конце концов. — Это не то... Это бесплодное шатание на месте!»

Впечатления Колыбина были таковы же. В итоге мы подали «в отставку». Нельзя обойтись здесь также и без этой церемонии. Помилуйте, все чиновники подают в отставку. Не забуду никогда того заседания, которое посвящено было рассмотрению нашего заявления.

Как полагается, был избран президиум. Вопрос был включён в порядок дня.

«Чем же мотивируете Вы Ваш отказ?» — задал нам вопрос председатель.

Я в основных чертах стал излагать суть дела. Говорил прямо, откровенно, на чистоту. К концу речи саркастические улыбки чаще и чаще начали появляться на губах членов комитета. Раза три моя речь была даже прервана возгласами негодования.

Начался обмен мнений.

Много злых фраз было сказано тогда по нашему адресу. Особенно отличился молодой студент Барачевский, сын местного протоиерея.

«А, должно быть, надоела работа. Покоя захотелось нашим бывшим товарищам, — ехидничал он. — Да и то сказать, чего ради им подвизаться на ниве народной. Был «интеллигентский каприз» — пошли. Забава оказалась не столь интересной — отхлынули. Благо и мода начинает проходить, — злорадствовал этот пухленький юноша, до сих пор живший на иждивении папаши и слово «труд» знавший только понаслышке. — Что ж, идите. Скатертью дорога, буераком путь. Нам горе-вать нечего. Горькая трава из поля вон. Худшего я боюсь предположить. Не смею думать, что Вы в состоянии предать нас. А, впрочем, если предадите — не Вам напоминать о возмездии», — намекал он. «Да и нужно было ждать этого. Не раз и раньше замечал я весьма не ортодоксальное отношение к основным догматам социализма, вольное толкование текста, и ссылки на буржуазные авторитеты. Повторяю, — ораторствовал он, — этого нужно было ожидать. Идите в стан буржуазии и мелких собственников. Лучше иметь открытых врагов, чем ненадёжных друзей», — заключил этот комитетчик, не утвердивший ни одного кружка, не побывавший ни на одной фабрике, а исполнявший обязанности секретаря в комитете и ходивший в красной косоворотке с городскими барышнями. Я слушал молча. Временами до безумия хотелось схватить этого розовато упитанного юношу за длинные волосы и таскать его, приговаривая: «Молчи, молокосос. Бездельник. Барич. Ведь ты до сих пор палец о палец не ударил для дела. Ведь до сих пор ты жил, живёшь и будешь жить за чужой счёт. Ведь тебе не пришлось испытать и миллионной доли того, что пережили мы. Ведь

главная работа сделана именно нами, ведь ни одна пуля не просвистала мимо твоей головы. Ведь ты без сапог не убежал от полиции, не рисковал на каждом шагу собой». Но я закусил губы до крови, до крови впился ногтями в ладони и... не сказал ни слова. Горячий, порывистый, с этого времени я стал привыкать немного владеть собой. Пока не стал совсем «холодный», как теперь. Другие речи были мне оскорбительны, в них временами прорывалась даже нотка сожаления. Иначе отнеслись к нам старик Затворцев и рабочий Федоров. Первый человек, старого поколения, седой, с добрыми глазами, печально сказал: «Да, милые друзья: в Ваших словах много, много правды. Я понимаю Вас и одобряю Вас. И уж ни в коем случае не могу согласиться с Барачевским. Скажу прямо, мне стыдно за его слова. Ну, как же это можно так говорить; что же за вселенская смазь и закидывание грязью тех, кто сделал немало. Нельзя так, господин хороший,— подчеркнул он, обращаясь к Барачевскому.— Не годится. А уж Вам-то и совсем не пристало. Но что ж делать»,— продолжал он,— нужны новые пути, а где они. Откуда их взять. Ведь нет их. Потому-то и идём старой дорогой. Лучше хоть что-нибудь делать, чем ничего. Чую я, плохо пойдут наши дела после Вашего ухода. Знаю, милые, что не пойдёте Вы в стан врагов. За кого, за кого, а за Вас-то уж я ручаюсь. Знаю, что Вы попытаетесь найти новые пути. Не знаю, удастся ли Вам это, но дай Бог, дай Бог. Спасибо Вам и за то, что Вы сделали»,— растроганно заключил он.

— Спасибо Вам большущее и от меня и от всех рабочих, товарищи. Коли не умрём, так, может, и свидимся ещё,— крепко пожал нам руки товарищ-рабочий.

С смешанным чувством глубокой тоски и радости вышли мы из «комитета» и отправились на вокзал. Усталые, измученные, с истрепавшимися нервами мы поехали на родину. Дело было в июне. «Покосим, попашем, отдохнём,— решили мы,— а там увидим, что делать».

С чувством облегчения сели мы в поезд, убедившись предварительно, что за нами нет «слежки». Каждый из нас чувствовал, что кончилась одна полоса жизни, что наступает перерыв, за которым должна начаться новая. Какая? — точно мы не знали. Только смутно чувствовали, что перед нами стоит большая задача. «Удастся ли решить её?» — спрашивали мы друг друга. «Если удастся: победителя не судят, если нет — мы вычеркнуты из жизни». О «буржуазном покое» мы меньше всего думали. Мы снова рисковали. «Посмотрим, риск — говорят, благородное дело,— спокойно улыбнулся Колыбин.— Лучше позаботься ко о кипятке и хлебе. Я сегодня не ел целый день. А там — утро вечера мудренее».

Поезд свистнул и... одно действие нашей жизни кончилось, начиналось другое.

Глава 8

До сих пор я ни слова не сказал о той стороне своей жизни, которая зовётся «любовью». Если бы я писал роман, то роман вышел бы ужасно скучным. Да и как не быть ему скучным. В романе нельзя без любви.

Современные романы только ею и заняты. О чём в самом деле пишут современные поэты и беллетристы?

— Ни о чём, кроме любви. Есть исключения. Но они в счёт не идут. Они не типичны. Типичный же роман — любовный. И любовь теперь рисуется по-своему. Раньше тоже не мало воспевали её, но воспевали иначе. Формула же любви современных романов проста и не сложна: Любовь у них — это «путешествие с кровати на кушетку или на другие горизонтальные плоскости», и только этим начинается роман, этим же он и кончается. Отличие их друг от друга — характер сочетания элементов: «он, она», «он валит её на кровать», и она говорит ему: «Я хочу ребёнка», или я «хочу, чтобы ты взял меня». Один поэт предпочитает в качестве обстановки — будуар, другой — кабинет ресторана, третий — публичный дом, четвёртый — свежескошенное сено. Различаются поэты и по излюбленным героям: один предпочитает галантных пшютов, другой любит кровожадных героев с всклокоченной бородой, обросших волосами, пахнущих ядрёным луком и перегоревшей водкой, третий... и т.д.

Не совсем одинаково рисуют они и героинь: один поэт любит тощих, другой — толстых, один — рыжих, другой — брюнеток, а некоторые изображают даже «фиолетово-сиреневых».

Всех отличий, пожалуй, не перечислишь. Но всё это детали. Только — фон, обстановка. Суть же у всех одинакова. Это любовь по формуле: «путешествия X-а с Y-ом, Z-ом от кровати к кушетке etc.».

И пишут, и пишут об этом, ежедневно, ежечасно десятки, сотни, тысячи романов. Без отдыха пичкают почтеннейшую публику этим снадобьем. А она почитывает, да похваливает. Есть даже такие «читатели», что ищут мудрости в этих романчиках. «Они нас учат жить», — говорят эти наивные люди.

Бедная публика и бедный писатель, ставший протоколистом полового спаривания человеческих особей! Уж, отчего тебе, русский художник, заодно не добавлять в роман лекции по физиологии половой жизни, рецепты предупреждения беременности и гигиенических презервативов. Кто-то додумался и до этого, но не все ещё. Отчего уж не пойти тебе заодно на конский завод и не поучиться искусству спаривания лошадей. Поучившись ты мог бы написать оригинальную повесть и применить полученные знания к людям. То-то бы публика обрадовалась. Сколько «невежд» стало бы учиться по твоей книге. Сколько лиц написало бы тебе благодарные письма. Сколько юных сердец пошло бы по указанной тобой дороге искать «ключи счастья» и «идеалы красоты».

Как же не додумался ты до этого, глупый писатель! Пора, давно пора. Почитывай, почитывай, почтенная публика, романы! Хлопай и украшай лаврами их творцов! Радуйся, великий романист! Почивай на заслуженных лаврах, уважаемая сводня!

Стоп... Я начинаю ругаться. Это не хорошо. Слово «любовь» я узнал рано. Но что оно значило, едва ли отдавал себе отчёт. Видел, как парни и девки «любились», слышал, как говорили и пели про любовь, знал, что многие спят вместе, но... всё это казалось не настоящей любовью. Это было что-то иное, грешное и нехорошее. «Неужели же не знают они, что это грех? Неужели не боятся гореть в адском огне за беззаконие? Какие они глухие, неразумные. Если бы знали они, как это плохо, не делали бы «этого». Прочитанные «Чети минеи» давали знать себя. Раза два-три я даже пытался направить парней на путь истинный, но те подняли меня на смех и окрестили «праведником».

Любовь рисовалась мне совсем иной. Это было что-то таинственное, прекрасное, захватывающее всё существо, неведомо откуда приходящее временами страшное, временами дающее бесконечное счастье. Таковой она была в романах. Такой же представлялась она и мне. По романам знал её, по романам же и рисовал её образ. А так как в романах любят обычно взрослые, то я и думал, что раньше 20–25 лет влюбиться нельзя. Помню, как искренно хохотал я над одним товарищем в первый год учения в семинарии. Ему было 15 лет. Однажды он по секрету сказал мне, что «любит до безумия» русокудрую девушку, дочь учителя, любит и мучается, ревнует, и не знает что делать.

— Ну, давай, не мели чепуху, — оборвал я, рассмеявшись от души.

Тот оскорбился. «Свинья», — сказал он. «Я с тобой говорю по душам, как с другом, а ты глотку дерёшь. Чего хохочешь-то?»

— Ещё бы не хохотать. Ты так ловко разыграл влюблённого, что нельзя было не рассмеяться.

— Так я ломаюсь, по-твоему. Скотина, ты вот что.

— Неужто же не ломаешься?

— Поди к чёрту.

— Да разве пятнадцатилетние могут влюбляться? — спросил я.

— А по твоему семидесятилетние что ли. Откуда ты упал, с земли или с неба? Тон был искренен, и теперь настала моя очередь удивляться.

— Семидесятилетние — не семидесятилетние, но раньше 20 лет не влюбляются.

— Дурак! — спокойно заметил мой товарищ. Умойся и перекрестись.

Этот разговор заставил меня усомниться в моей теории.

Скоро жизнь разбила её на голову. Неслышно и незримо пришла любовь. Один раз пришла она, бесконечная и единственная, прекрасная в своей наивности и молодости. Пришла светлой, ясной, чудесной. Захватила душу, обвеяла её дивными ароматами, вдохнула радость и силы. И ушла... оставив кровавую рану, да горечь осенней полыни. Болела рана дни, недели, месяцы. И наконец, прикрылась придорожной пылью. Серым саваном окутала душу... надолго... навсегда. Остался лишь сухой, жёсткий рубец, да тихие воспоминания.

Ночевала тучка золотая
 На груди утёса великана.
 Одиноко он стоит, задумавшись глубоко.
 И тихонько плачет он в пустыне...

Много времени прошло с тех пор. Больше я не плачу. Боль сменилась тихой грустью. Теперь в минуты отдыха, в вечерние одинокие часы, приходит ко мне временами моя гостья. Прилетают воспоминания и кружатся в пугливых отблесках пылающего камина. Я сижу и слушаю их шёпот, и пью не пьянящую сладость прошлого. Я полюбил мою гостью и рад её видеть в редкие часы покоя. Вот всё, что осталось от моей любви.

Когда впервые попал я в город, мне удивительно красивыми показались девушки и женщины. Белые, нежные, изящные, одетые в дорогие платья, они были совсем не похожи на деревенских девиц.

— Какие красивые! — думал я, глядя на них. Словно игрушки. Точно на

картинках. И невольно любовался нежными лицами, ловил живую игру взглядов, схватывал улыбки, трепетно созерцал капризный извив косы.

Ведь они казались мне существами из другого мира, неведомого и недостижимого. Краснея и теряясь при встречах, я в тайне упивался этой красотой. Безотчётно и бездумно, как упивался видом закатно-горящей реки, белыми барашками на синеве неба, пурпуром осенних листьев ольхи. Это была поэзия Аполлона, жажда тихих сновидений.

Дионис, половой момент, отсутствовал в области сознания. Он ни разу не приходил в голову. Тянуло и только. Нравилось, наполняло душу трепетом, а почему, отчего? Об этом я не думал. Не думал и про любовь. «Ведь раньше 20-ти лет не влюбляются, какая же тут любовь».

В семинарии жил я уроками и малярством. Учился хорошо, поэтому учителя нередко рекомендовали меня в качестве хорошего репетитора.

Вскоре после поступления мне улыбнулся хороший урок. Местному богачу, предводителю дворянства, потребовался репетитор — готовить сына в первый класс гимназии. По предложению учителя я отправился к этому барину. Никогда мне раньше не приходилось бывать в важных домах.

В нескладном пиджаке, в заплатанных брюках и в истоптанных сапогах я явился к первому аристократу города. В силу ли минутного хорошего настроения, или благодаря хорошему отзыву учителя, не знаю, но почему-то меня не прогнали и даже посадили пить чай. Не забыть то нелепое состояние, которое охватило меня в этой обстановке. «Барин» шутил, «барыня» вежливо и ласково говорила со мной. Казалось бы, сиди, да посиживай. Но сидеть было не легко. Налитый стакан казался бочкой, которую не выпить. Я сидел, краснел, что-то отвечал, но, кажется, невпопад. Особенно смущала меня сидевшая напротив девушка с лучистыми серыми глазами, с бело-русскими волосами, тонкая, как одуванчик, и нежная, как утренний сон ребёнка. Случайно взглянув на неё, я поймал два-три смеющихся взгляда, которыми обменялась она с моим будущим учеником. Предметом смеха, конечно, был я. Да и как было не смеяться надо мной. Пиджак чёртовой кожи, сшитый деревенским портным, сидел нелепо, да вдобавок был ещё измазан кой-где краской. Болотные «бахилы», не выдавшие давненько дёгтя, порыжели. Пестрядинная рубаха мало походила на белоснежную сорочку. И при всём том репетитор? Не дворник, а репетитор, с неглупым лицом и словами? При таких условиях молодёжь не могла не смеяться. Я же сидел, словно пригвождённый к стулу. Не смел двинуть ни рукой, ни ногой. Сознавая нелепость своего вида, я ещё нелепее чувствовал себя, особенно под взглядами девушки. Пот лился ручьём, я бледнел, краснел и, в довершение всего, опрокинул стакан на чистую скатерть. Если бы я мог, я охотно провалился бы тогда в преисподнюю.

— Ничего, не беда, — ласково ответила барыня.

Звонким смехом разразились брат с сестрою. Не выдержав, я вскочил, что-то пробормотал, и убежал. Такова была первая встреча с Лизой.

Лучистые глаза, полные веселья и в то же время какой-то глубины, врезались с тех пор в душу. Образ молодой девушки, показавшейся сказочной феей, отныне был всюду со мной. Как живая стояла она перед глазами, прекрасная, как сама мечта, и как мечта — далёкая и недоступная.

После бегства я долго избегал встреч с нею. Отказывался и от чая. Приходил

исправно на урок, быстро проходил в комнату ученика и, кончив занятия, также быстро убежал.

Однажды встретился я с ней на улице. Она шла с каким-то красивым реалистом. Я смутился, споткнулся о мостки и чуть не упал. Звонкий смех снова был ответом на мою неловкость. Я же проклинал себя и принимал этот смех как должное. Да иначе и не могло быть. Ведь она была для меня существом иного порядка, как и вся обстановка, в которой она жила.

При одной мысли о ней какая-то щемящая грусть, сладкая в своей мучительности, охватывала душу. Я не смел думать, что я люблю её. Одна мысль о любви показалась бы мне кощунством. «Вот те, молодые изящные гимназисты и реалисты — они могут её любить. Они имеют на это право». А как осмелиться мне любить её мне, какому-то варвару, нищему с закрашенным пиджаком, с порыжевшими и ободранными «бахилами», не умеющему толком сказать с ней ни слова? Это было бы величайшим грехом и... потому я жил, любил, но не думал и не смел думать, что люблю её. Я мог только молиться и благоговеть перед ней. И я молился, а она при встречах от души хохотала над моей неуклюжестью.

Однажды, когда мы занимались с учеником, в комнату вошла Лиза. Я по обыкновению растерялся и покраснел.

— Я слышала, Вы хорошо решаете задачи, — улыбаясь, обратилась она ко мне. Не можете ли решить вот эту. Нам задали. Я билась, билась, ничего не вышло. Не могли решить и реалисты.

Какая-то пьяная волна радости хлынула в душу при этих словах. Да и могла ли быть какая-нибудь задача, которую я не взялся бы решить тогда. Я почти выхватил бумажку из её рук, что-то пробормотал и сел за стол. Зелёные круги плыли перед глазами. Я смотрел на бумажку и ничего не видел. Но скоро успокоился, и задача была решена.

— Пустая задача, — протягивая решение, похвастался я.

— Как, Вы решили? — удивлённо спросила она.

— Как видите. Хотите, объясню Вам, в чём секрет.

— Пожалуйста.

Я, краснея и волнуясь, стал объяснять ей ход решения. Возможно, что тогда мои глаза сказали бы ей больше, чем мои слова.

— Спасибо, — протянула она руку. Я трепетно пожал её.

В тот день я был невменяем. Ходил по земле, но чувствовал себя на небе. С этого дня Лиза чаще и чаще стала обращаться ко мне с такими просьбами. И не только за себя, но и за своих подруг и товарищей. И не только с задачами, но и с сочинениями и вообще со всеми затруднительными вопросами.

Мало-помалу уменьшалась и моя «дикость». Встречаясь с её кавалерами, я уже не чувствовал себя презренным плебеем. Обаяние лоска и внешности потускнело в моих глазах. Изменилось и их отношение ко мне. Раньше я не раз был предметом их остроумия и издевательства. Теперь эти шутки делались реже и реже. Особенно после того, как однажды я дал решительный отпор одному из этих вылощенных пшютов.

В один из вечеров барыня остановила меня.

— Куда Вы торопитесь, — сказала она. — Успеете ещё в свою конуру-то. Лучше пойдёмте пить чай.

Я согласился. В столовой уже сидела Лиза, её подруга и двое из их постоянных кавалеров. Оба они были выхолены, в чистеньких мундирчиках, и держали себя свободно. Раза два приходилось решать задачи и для них. Я стал здороваться и задел ногой за стул. Они рассмеялись. Я сконфуженный сел. Беседа о пустяках легко и плавно шла между ними. Я сидел и молчал. Досадно было за свою неловкость. Злило и то, что один из реалистов уже слишком, как казалось мне, бесцеремонно и бесстыдно обращался с Лизой. В его словах и жестах не чувствовалось совсем того благоговения к ней, которое наполняло мою душу.

Время от времени он презрительно щурил глаза и смотрел на меня. Глаза скользили по моему пиджаку, его рукавам с бахромой. Они, казалось, обыскивали меня и нарочно подчёркивали все изъяны моего костюма.

— Однако и репетитор у Вас, — довольно громко сказал он Лизе.

— Почему Вы ходите таким оборванцем? Разве не знаете, что это неприлично? — высокомерно обратился он ко мне.

Меня взорвало. Злость, ревность, досада за неловкость, стыд перед Лизой забурлили в душу силы.

— А почему Вы так глупы, что не можете решить задачи и заставляете решать меня? — неожиданно для себя выпалил я.

Удивлённые взгляды присутствовавших остановились на мне.

— Что? Да как Вы смеете говорить мне дерзости, мужик.

— Да, я мужик. А вот Вы так пустая финтифлюшка.

— Невежа. Оборванец.

— А Вы дурак!

Реалист вскочил, сжал кулаки.

— Да я тебя, грубиян.

— Попробуй, у меня ведь кулаки-то мозолистые, не твои, — забывши обо всём, разошёлся я.

— Господа, как Вам не стыдно, — вмешалась хозяйка. — Что Вы распетушились, как два петуха.

— Помилуйте, Марья Петровна. Не могу же я терпеть грубости этого мужика, — возмущённо сказал мой противник.

— Не хорошо, — сухо обратилась она ко мне. — Вы не умеете держать себя в обществе.

— Ну и пусть не умею, — горячо запротестовал я.

— А небось хорошо издеваться надо мной. Что я, болван что ли какой, дался им? По какому праву они зубоскалят надо мной? Чем лучше этот завитый, напوماженный модник, — с ненавистью выбрасывал я слова. Меня трясло от возмущения и злобы. Лицо пылало. Глаза горели.

— Ну, ну, успокойтесь, полноте, он не хотел оскорбить Вас, — успокаивала Марья Петровна. — Нельзя так держать себя, — снова наставительно подчеркнула она: — Нужно извиниться.

— Но, мама, ты несправедлива, — неожиданно вмешалась Лиза.

— Не Дмитрий Николаевич начал ссору, а Гога, ведь он первый начал издеваться.

— Что ж? Гога не сказал никакой дерзости.

— Как не сказал? А разве не дерзость сказать тебе, что ты одета неприлично?

— Не для всех, дружок. Одним это нельзя сказать, а другим — можно...

— Так по твоему, Дмитрию Николаевичу это можно говорить? — негодуя спросила Лиза...

— Ну, довольно. Прекратите, господа, вашу ссору. Гога, Вам налить ещё чаю? — дипломатично спросила Марья Петровна.

— Мерси.

— А Вам? — обратилась она ко мне.

— Нет, спасибо. Я иду домой.

Если бы признательность и благодарность могли быть измерены, то, вероятно, моё пожатие руки Лизы и мой прощальный взгляд были бы одними из наиболее признательных взглядов и пожатий от Адама до наших дней.

После этой сцены я несколько дней не ходил на урок. «Всё равно ведь прогонят, — думал я, — поэтому лучше уйти самому». Обидела меня и Марья Петровна своими словами. «Одним можно, а другим нельзя. Значит, мне можно говорить что угодно? Значит, её ласковость была чисто внешней?» Это чувствовал я и раньше. Теперь это было ясно. «Не пойду, — решил я. — Я не холоп».

Из семинарии я возвращался в свою конуру на окраине города и никуда не выходил эти дни. Дней пять спустя, часов около 4-х вошла ко мне хозяйка.

— Вас там спрашивают.

— Кто?

— Какая-то барышня и мальчик.

Я выбежал.

Около дома стояли Лиза и мой ученик. Я растерялся и не верил глазам.

— Почему Вы пропали, Дмитрий Николаевич? — ласково обратилась ко мне Лиза. — Мы уже думали, Вы захворали.

— Так, здоров, — пробормотал я.

— Отчего же в таком случае Вы не бываете на уроках? — пытливо заглядывая в глаза, спросила она.

— Так я думал, что урок кончен. Да и не хотелось, — откровенно заявил я.

— Мама и папа ждут Вас. Не обращайтесь на слова мамы. Она ведь хорошая, только не всегда верно думает. Не сердитесь. Так завтра будете?

— Хорошо. Буду.

— А Вы тут и живёте, — с любопытством оглядывая хибарку, сказала она.

— Да, тут.

— А можно посмотреть Вашу комнату?

— Я смутился, рад и не рад.

— Можно. Отчего же? Только Вам не понравится, Елизавета Александровна.

Мы вошли. Полутёмная конура с маленьким окном, на расстоянии пол-аршина от земли. Один стул. Простой стол. Груды книг в углу, на столе. Темно и сыро.

— Невесело у Вас, вредно.

— Ничего, Елизавета Александровна. Я привык.

— Ну, так завтра ждём.

И они вышли.

Около полугода занимался я с учеником. За это время я урывками виделся с Лизой. Иногда обменивался несколькими фразами. По-прежнему краснел и терялся

при встречах, но что-то новое уже вошло в наши отношения. Чувствовалось, что Лиза стала как-то иначе относиться ко мне. Она уже не смеялась звонко при моей неловкости. В её глазах я не читал уже насмешки, а напротив, видел в них какое-то сочувствие, смешанное с любопытством. Раза два-три мне даже почудилось в них что-то совсем необычное, что-то больше, чем простой интерес к «дикарю». Быть может, сыграла здесь роль и моя слава редкого ученика, сыграли, быть может, роль и наши беседы по литературе и научным вопросам.

«Чудак, дикарь» нередко оказывался более развитым, чем окружавшая её компания. Он часто говорил о вещах, никому не известных. Читал книги, которые читают только учёные люди.

Как бы там ни было, из «дикаря» я превратился в «самородка-философа», пусть чудаковатого, плохо одетого, но тем не менее, не заслуживавшего насмешек и презрения. Скоро урок кончился. Теперь я встречался с Лизой реже, только изредка на улицах. А тут началась работа «друзей народа». Стало не до любви. Казалось даже, что любить и влюбляться в такое время недопустимо. «Только балентрясы могут теперь заниматься любовными делишками. Им и книги в руки, а нам не до того», — говорили мы. Временами дорогой образ вривался в душу, но я гнал его, упрекая себя за свои мысли. Кружок «друзей народа» рос, захватил многих из гимназистов и реалистов, вошли в него и кое-кто из гимназисток, в частности, одна из подруг Лизы. С развитием кружка росла и моя фигура, как главного работника в этом кружке. Я сделался популярным среди молодёжи. Отзвуки этой «славы», должно быть, долетали и до Лизы.

— Отчего Вы не зайдёте к нам? — как-то раз остановила она меня на улице.

— Неудобно. Да и зачем? — идя с ней рядом, ответил я.

— А так, наши были бы рады, а я была бы Вам признательна.

Я с недоумением взглянул на неё. «Не сон ли это», — подумал я. Не верилось.

— Ну что Вы. Я ведь по-прежнему скучный и неловкий. Хотелось бы шутить, да не умею. Ваши едва ли будут довольны. Они ведь другого лагеря люди, а на Вас я нагоню только скуку. Завидую Гоге и всем Вашим знакомым.

— Надоели они все мне. Пустые, глупые. Мундир да пробор — вот и всё, что есть в них. Я теперь, Дмитрий Николаевич, много читаю. Не поможете ли Вы мне в выборе книг?

— Это с большой охотой, — ответил я. — Если сумею.

— Ну вот мы и дошли до нас. Зайдёмте.

Ругая себя за «слабость», я зашёл в предводительский дом и прошёл в комнату Лизы. Словно что-то нашло на меня, и в этот вечер я говорил много и долго. Говорили задушевно, тепло. Как будто давно-давно мы знали друг друга. Лиза слушала, временами возражала, а я говорил уже не краснея, не волнуясь, слова лились, а глаза впивались в чьи-то бесконечно дорогие очи, следили за милой улыбкой и любовались всем образом любимой девушки.

Почему-то хотелось поправить один шаловливый локон, капризно торчавший на чистой белизне щёчки.

На душе было чудесно, легко и хорошо.

С тех пор ещё несколько раз встречался я с Лизой и в этот и в следующий год. В это время революционная деятельность кружка уже стала известной. Не была она тайной для Лизы, хотя в своих беседах с нею я почти никогда не

касался этой темы. Не любил. Почему-то интуитивно опасался вводить в это дело женщин.

— Я дивлюсь Вам, — как-то сказала Лиза. — Вы ведь чуть ли не глава «Друзей народа». Почему же Вы ни разу не сказали мне о Вашей работе?

— Почему? Так.

— Быть может, не доверяете?

— Что Вы! Просто так. Да Вы и не спрашивали.

— А Вы не боитесь попасть в тюрьму?

— Не очень.

— Смотрите, не попадайтесь.

— А Вам разве не всё равно? — вырвалось у меня.

— Мне было бы очень жаль Вас, — тихо сказала она.

— Правда? — так же тихо спросил я.

— Правда!

И девушка как-то особенно тепло взглянула на меня. Мне хотелось встать, взять руку, нежно-нежно гладить её, и рассказать ей, как я люблю её, как давно полюбил и как благодарен ей за её слова. Но что-то держало, останавливало меня и вместо этого я только тихо ответил: «Спасибо. Теперь мне будет весело и в тюрьме».

— Храни Бог от такой беды. Вся Ваша жизнь была бы разбита.

— Ничего, Лиза... Простите, Елизавета Александровна. Ничего. Я ведь жилистый. Теперь и в тюрьме будет хорошо.

— Почему «теперь»?

— Так то есть, — смутился я. — Прощайте.

— Куда Вы?

— Домой. Прощайте. Спасибо, — быстро, выходя, пробормотал я.

Скоро я был арестован. В тюрьме несколько раз я получил от неё и её подруг послышки. О, если бы знала она, какую радость вызвали во мне эти послышки и две открытки, подписанные буквой Л... Исчезали стены, грязный ночник и параша, счастье уносило меня за пределы тюрьмы, далеко-далеко, на простор жизни и солнечного неба.

Спасибо тебе, милая девушка, теперь, увы, умершая и чужая для меня!

...После тюрьмы, до Петрограда, я только раз ещё встретил её.

...Это случилось во время моего революционного бродяжничества. Я прибыл в одно фабричное место, где не было ещё ни митингов, ни агитаторов. Был базарный день. Крестьяне и рабочие, бабы и мужики толпились на площади. На фабрике было только двое «сознательных». Выступить было опасно. Но я выступил.

В самый разгар базара я взобрался на лоток, выкинул красный флаг и начал говорить. Народ кучками стал собираться и слушать. Слушали издали. Ближе не подходили. Не доверяли и боялись.

Чем дальше говорил я, тем слушателей становилось больше и больше. Всё ближе и ближе подходили они. Чаще и чаще стали раздаваться сочувственные возгласы.

Вдруг вижу, подходит ко мне пристав. Подошёл вплотную. Толстый, противный.

— Вы кто такой?

— Не ваше дело.

— А у Вас есть разрешение от полиции на устройство собрания.

— Дурак,— улыбаясь, отвечаю я.— Если бы было разрешение, я давно сидел за толстыми стенами.

Кто-то смеётся. Чувствую, что я на волоске. Некому заступиться. Я один. Симпатии многих на моей стороне, но от симпатии до защиты далеко. «Была не была, всё равно».

— Ваш паспорт?

— Не для Вас. Смотрите, добрые люди,— обращаюсь я к публике.— Вот перед Вами один из тех, кто сосёт Вашу кровь и живёт на Ваш счёт,— демагогически продолжаю я и затем начинаю говорить об опричниках, об угнетателях народа и т.д.

— Прошу Вас прекратить,— резко обрывает он меня.

— Вишь, какой добрый,— иронизирую я.— Вот что, милый человек, хотите слушать, то слушайте и не мешайте, если же хотите мешать, то... — и я медленно, глядя ему в глаза, направляю руку в боковой карман.

Моментально пришедший в голову приём оказался удачным. Пристав испугался, и быстро повернувшись, зашагал прочь.

— Я с тобой справлюсь! Подожди,— угрожающе бросил он. Толпа хохотала. Я спрыгнул с лотка и, пробираясь сквозь толпу, направился к реке. Это был единственный путь спасения. Я знал, что пристав сейчас вернётся со стражниками и тогда мне несдобровать. Быстро прошёл мимо маленького леска, поднялся в гору и побежал ровной широкой полосой полей. Вот и река. Вот и лодка, припасённая на худой конец. Отчаливаю и начинаю грести изо всех сил. Река широкая, не сразу доберёшься до того берега. Только бы добраться: там большой лес, а в лесу спасенье.

До берега остаётся саженой пять, десять. Вижу, стражники уже на берегу. Стоят и что-то говорят. Вдруг дымок, и гулкий выстрел раскатывается по тихой реке. Что-то сухо треснуло в лодке. Другой выстрел. «Господи! Берег! Скорее берег!» — шепчу я. Третий... Четвёртый... Кажется, благополучно. Наконец вот и берег. Выпрыгиваю и бросаюсь в кусты. Слава Богу. Спасён и даже не ранен. Горячая радость охватывает всё тело. Ноги становятся упругими, как стальная пружина. Поднимаюсь по отлогому берегу — и я среди вековых нахмуренных елей, болотных трав и мягкого, водянистого мха. Иду прямо. Вода хлюпает под ногами. Тучи комаров собираются над головой. Но радость пьянит тело. Хочется вздохнуть всей грудью. «Чего напали? Вы ведь не стражники», — отмахиваюсь я от комаров. Болото кончилось, и я в основном бору. Прямые, высокие сосны тысячами колонн поднимаются к синему небу. Внизу белый ягель. Верхушки сосен купаются в лучах солнца, и золотым кружевом пятен играют колонны. Я в дивном готическом храме. Хочется молиться, молиться кому-то неведомому. И с этой молитвой в душе шагаю дальше.

Часа через три я вышел к какому-то селу. Рядом с ним виднелась чья-то хорошая усадьба.

— Земляк! Какое это село? — спрашиваю встречного мужика.

— Есиплево.

— А чья усадьба?

— Мозжухинская.

— Спасибо,— распрощался я с мужиком.

Вот как, значит, это усадьба Лизы. Возможно, что она и сама тут. Вспыхнуло безумное желание увидеть её, хотя бы мельком, хотя бы издали.

— Нет, не следует идти,— шепнул какой-то голос.

Но порыв смял, заглушил его, и я быстрыми шагами двинулся к большому каменному дому с колоннами.

«Была не была, всё равно».

— Здесь теперь Елизавета Александровна? — спрашиваю сторожа усадьбы.

— Здесь, а чего надобно?

— Мне бы повидать её.

— Как сказать?

— Скажите что... Никуличев очень бы хотел её видеть.

Минуты через две показался лёгкий и тонкий силуэт любимой девушки.

— Простите, Елизавета Александровна. Шёл мимо, узнал, что Вы здесь, и захотелось повидать. Вы не сердитесь?

— Дмитрий Николаевич? Это Вы? Вот неожиданность. Откуда это Вы упали?

— А вот упал.

— Ну идёте в дом, расскажите там.

— Подождите, кто у Вас в доме?

— Мама да брат. Папа в городе. А что?

— Да так. Не совсем удобно идти в дом-то. Видите, в каком я виде.

— Боже мой! Вы весь мокрый. Ну идёте же скорее. А то простудитесь,— теребя за рукав, потащила она.

Я пошёл. Вода хлюпала в сапогах.

— Сейчас дадут чаю, а я пойду поищу, не найдётся ли что-нибудь, чтобы переодеться Вам.

Марья Петровна встретила меня, вопреки ожиданию, радушно и задушевно.

Через десять минут мы сидели на террасе и пили чай.

— Ну теперь рассказывайте, откуда и как попали сюда? — обратилась ко мне Марья Петровна.

— Так, случайно. Шёл я в гости, в город. Там живёт у меня приятель. Узнал случайно, что здесь Ваша усадьба и решил побеспокоить,— спокойно врал я.

Не знаю, верили ли мне или нет. Но это мало интересовало меня. Вечер был тихий. На краюшке неба горела золотая полоса зари. Вдали сталь реки лизала жёлтые пески. Тишина и мир. Старая усадьба. «Дворянское гнездо», и Лиза. «Не сон ли?» — мелькало в голове. Но дорогой силуэт девушки был рядом. Близко.

— Вот и хорошо, что заглянули. Погостите у нас несколько деньков. Успеете ещё к своему приятелю,— ласково сказала мне хозяйка.

— Спасибо. Не могу.

— Чего там не могу. Останетесь и только. Мы Вас не пустим,— капризно заявила Лиза.— И думать не смейте,— погрозила она пальчиком.— А теперь марш в сад. Пойдёмте, я покажу Вам нашу усадьбу.

Мы отправились.

— Сознайтесь, Вы ведь всё ввали за столом,— неожиданно обратилась ко мне Лиза, когда мы пришли в глубь сада.

— Да.

— Я так и знала. Я ведь знаю, кто такой «Головня»! Если не секрет, расскажите мне. Откуда Вы сейчас и где Вы пропадали после тюрьмы?

Вечер был дивный. Милый голос звучал участливо. Нашёл порыв откровенности, и я рассказал Лизе, как я живу и как попал к ним.

— Да, нелегко Вам, — грустно сказала она. — Трудна Ваша работа. Много сил нужно для неё, а у меня вот их нет. Я бы тоже пошла, да боюсь. Слабенькая я. Маленькая. Не гожусь. Вот и почитываю книжки, да пописываю стишки, — тихонько вздохнула она.

Стало тихо. Бывает такая тишина, когда молчание говорит больше, чем всякое слово.

— О чём Вы думаете? — легонько касаясь моей руки, спросила Лиза.

— О чём? Не знаю. О многом. Мне всё вот кажется сказкой. Один сегодняшний день разве не сказка? Давно ли был митинг, бегство, выстрелы, лес и вдруг — покой, стародворянское гнездо, и Вы, хорошая Лиза. Простите, что так зову Вас, — и моя рука трепетно коснулась её руки. Она не отняла её. Я тихо поцеловал милую дорогую руку. Лучистые глаза ласково смотрели на меня, как будто ждали чего-то, что нужно было сказать давно, давно...

И я не выдержал. Тихо, с паузами, зазвучали слова любви. Раскрывалась заветная тайна души. Яблони и тополя шуршали своими листьями. Светлое небо молчало, дорогая девушка была близко, её волосы касались моего лица, и её рука трепетала в моей руке.

— Как хорошо, что Вы попали к нам, — тихо сказала она, и её губы коснулись моих губ. — Теперь я не выпущу Вас скоро. Вам надо отдохнуть. А там «Христос Вас храни», — перекрестила она меня. — Пойдёмте домой.

Как давно я не спал в такой комнате. В окно глядится светлое-светлое небо, задумчиво грезят белые берёзки и трепетные тополя. На колокольне сторож медленно отбивает полночь. Покой. Не верится, что где-то есть революция. Не сон ли она? Каким-то недоразумением кажется револьвер, чернеющий на белой подушке. «Не сон ли всё это?» — снова спрашиваю я себя. Благословен будь этот час трепета!

Ранние лучи солнца разбудили меня. С удивлением осмотрел я комнату, вспомнил вчерашнее, и стало радостно. Потянулся на кровати и хотел снова задремать.

«Барин стал», — вдруг промелькнула острая мысль.

Дорвался, и работа долой. В усадьбе... девушка... влюблён... счастлив, и... живи да в ус не дуй. А работа? Она подождёт. Да не лучше ли уж совсем её бросить? Опасно и не удобно, грязно. «А тут и чистая постелька, и любимая девушка, и удобство», — продолжал сверлить какой-то иронический голос. «Но ведь я только день-два, а там снова за работу?» «Знаем мы эти день-два. Лиха беда начало, а там коготок увяз — всей птичке пропасть. Так было и так будет».

«Компромисс, компромисс», — нелепо звучало в мозгу. Почему-то вспомнился Андрей из «Тараса Бульбы». Покой был нарушен. Светлое настроение вспугнуто. А голос сверлил и сверлил, задевая всё новые и новые струны души, рисовал картину революционного упадочничества и, наконец, поставил вопрос так, что оставаться тут — значило бы отказаться от всей работы, ущемить совесть и обрезать чистоту идеала.

Тихо, стараясь не разбудить никого, я оделся, сел за стол и набросал записку.

«Дорогая Лиза, я ухожу. Хотел бы, но не могу остаться. Спасибо Вам за привет и доброе отношение. Спасибо Вам, хорошая Лиза за всё, за всё. Вы со мной были всегда и будете всегда. Грустно, что жизнь сурова, ещё раз сердечное спасибо. Прошу извинить, что ушёл, не простившись. Так легче.

Дмитрий».

Было грустно, грустно. Писал и словно отрывал что-то дорогое от сердца.

Написал, тихонько спустился по лестнице и вышел из дома. Смотрел, проходя мимо окон Лизы, не шевельнёт ли занавеска, не покажется ли она. Случись так, и быть может, не хватило бы сил уйти. Но занавеска не колыхнулась, и никто не откликнулся. Сердито надвинув кепи, я решительным шагом двинулся тропой к лесу. Шёл, шептал нежные слова, рисовал себе лучистые глаза, глубокий, мягкий голос, грустил и радовался, что долг выполнен. «Хорошо, — говорил я себе. — Ты поступил правильно».

Прошёл версты три, подошёл к речке. Солнце жарко и радостно палило. Разделся, выкупался и пошёл дальше. Через четыре часа я был в городе. Началась снова старая работа.

Не раз в минуты перерывов в работе, во время переходов и переездов вставало предо мной то же чистое, прекрасное лицо, тонкий силуэт на фоне неба и улыбка Лизы. Чем темнее было в душе, тем светлее и ярче рисовался дорогой образ. С тихой радостью и теперь вспоминаю я встречу с моей любовью. Пусть печально оборвалась она. Пусть. С какой радостью, однако, я пережил бы её снова! И как был бы рад, если бы ещё раз на мой закат печальный блеснула она улыбкою прощальной! Увы, это невозможно. И не нужно. Быть может, и теперь, как тогда, я снова ушёл бы, быть может, и теперь сказал бы я: «Хочу, но не могу. Ждёт работа». Быть может. Но грустно.

Довольно об этом. Не нужно ворошить пыль на старой могиле.

Питирим Сорокин

Новые грани творчества Питирима Сорокина

В архиве Института русской литературы РАН (в Пушкинском Доме) находятся уникальные документы, связанные с творчеством Питирима Сорокина.

Вниманию читателей представляются лирические стихотворения Питирима Сорокина, сохранившиеся в Пушкинском Доме, причём, публикуются только завершённые произведения, а сами рукописи содержат наброски и черновые варианты. Рукописи представляют собой две подписанные рукой Сорокина тетради — «Рифмованная ерунда», а также отдельные листы с набросками. Самое раннее стихотворение датируется 1910 годом, а последнее — 1915 г., причём, большая часть из них была написана в 1912 году. Для исследователей творчества Сорокина — это вполне объяснимо, так как именно это время было временем расцвета его юности. 4 августа 1910 г. П. Сорокин был принят в студенты Санкт-Петербургского университета, а в 1914 году завершил своё обучение, получив диплом I степени, и был оставлен по настоянию выдающегося русского правоведа Л.И. Петражицкого при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. В отличие от многих студентов юридического факультета Императорского университета, к этому времени за плечами Питирима Сорокина уже были тяжёлые годы детства, учёба в Хреновской церковно-учительской семинарии, активная политическая деятельность в партии эсеров по распространению революционных идей среди рабочих, крестьян и учащихся, арест в 1906 г., исключение из школы, необходимость конспирации, переезд в Санкт-Петербург, учёба на Черняевских курсах и в Психоневрологическом институте.

Во многом, лирика Питирима Сорокина носит автобиографичный характер, отражает события его жизни, его мечты и стремления, чему подтверждением являются не только стихотворения, сохранившиеся в ИРЛИ, но и его опубликованные стихотворения. Так, например, в вологодской газете «Эхо» осенью 1913 года он опубликовал небольшой поэтический цикл. Два стихотворения были посвящены его лучшим друзьям, одно — Петру Зепалову, а другое — Николаю Кондратьеву.

Можно с уверенностью сказать, что поэтическая лирика Питирима Сорокина открывает ещё одну блестящую грань его наследия и будет интересна не только сорокиноведам, но всем читателям журнала.

*Марина Ломоносова, кандидат
социологических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории социологии)*

В саду любовных менуэтов...

Я дремлю в саду на острове Калипсо,
Убаюканный напевами свирели...
Лунным сном горят лампы из оникса...
Шелестят про что-то тихо иммортели...

Молчаливо дремлет ландыш белолонный...
Вереницею гирлянд скользят наяды...
В синей мгле застыли белые колонны...
Министрели распевают серенады...

На пруде мечтает лебедь белоснежный...
Тень маркиза ожидает тень инфанты...
Где-то слышится неясно шёпот нежный...
Бьют вдали на башне старые куранты...

Я дремлю в саду любимых менуэтов...
В том саду, куда ушёл я от сражений...
Преодо мной скользят немые силуэты
*** и влюблённых привидений.

ноябрь 1912

* * *

Я люблю тебя любовью странною,
Как печаль увядших детских грёз...
Ты пришла нежданно-нежданно
В мир тоски, невыплаканных слёз...

Я не знаю, кто ты и откуда...
Может быть, ты отблеск моих снов,
Извлечённых мною из-под спуда
Пережитых далей и годов...

Может быть, ты бред разлива вешний
Иль истома заводи лесной...
Может быть, ты пыл порыва грешный,
Или луч печали неземной.

Илайяли

Вкруг меня бесконечные дали
Голубым небосводом упали...
— Где ты, где? — отзовись, Илайяли...
Но молчат неподвижные дали...

Я грущу в мировом карнавале —
В этом пошлом весёлом курзале...
— А гондола моя на канале
Ждёт напрасно тебя, Илайяли.

В полу сумрачных снах кафедрала,
В металлическом звоне хорала
Я бесплодно искал Илайяли...
Мне ответили: «Мы не видали».

В искромётном капризе бокала,
В переливчатом блеске опала
Мне всё чудилась ты, Илайяли...
Но они... и они мне солгали...

Я раскрыл мировые скрижали
С роем звёзд на синеющей стали...
Но немые слова не сказали...
Где искать мне тебя, Илайяли..

И живу я среди тихой печали...
И всё жду, что придёт Илайяли...
Но немые безмятежные дали...
Только слышится эхо: «Едва ли»!

Октябрь 1912

Fatall

(Песнь торжествующей любви)

Наши души велением Рока
Сплетены в неразрывную нить.
Оборваться ей не дано срока,
Суждено без конца её вить...
Пусть слова твои жёстки, как камни...
Пусть уныло звучит: «Никогда».

Разве вспыхнувший взор не сказал мне
Глубоко затаённое: «Да».
Пусть другому себя продала ты,
О не верь никому! Это ложь...
Покупают лишь тряпки за золото,
Да продажную женскую дрожь...
Заковал твоё сердце я в латы,
Вместе с ним заковал и своё.
И ключа не найдёшь никогда ты,
Ключ утерян на счастье твоё.
Так веди же в чертоги, царица!
Ты моя... и ты больше ничья...
Я твой крест, а ты белая жрица
На могиле креста, у ручья...

22 февраля 1914 г.

Вечер. Ночь.

Зачем?

Зачем ненужные Вам строки?
Зачем тревожить их покой?
Они бледны и одиноки,
Как грязь на ризе золотой.
Зачем ненужные Вам строки?
Ведь вы в забаве роковой
Любви своей одни лишь крохи
На стол мой бросите рукой?
Зачем ненужные Вам строки?
Вас на пиру уж ждёт другой.
Мои слова для Вас далёки,
Как отблеск осени глухой.
Зачем ненужные вам строки,
Как листья осени зимой.
Они печальны, одиноки,
О, не тревожьте их покой...
Пускай ненужные вам строки
Не расцветут в полдневный зной.
Свои признанья и упрёки
Я схороню в душе больной.

Pro domo sua

В полумгле утерянного рая,
В предрассветном сумраке зари,
Лишь костёр горит и догорая,
Тихо шепчет счастью: «Озари».

Бросил жизнь свою я в лотерею
И, быть может, ставку проиграл.
Может быть, увял я и старею,
Но любить любовь я не устал.

И в часы печальных размышлений,
И в часы раздумья и тревог
Преодо мной проходит ряд видений
И уходит в сказочный чертог...

Вот и ты — последняя отрада,
Свет тихих, радостных лучей!
У порога близкого Заката
Утоли печаль моих очей!

В мире книг, в том мире, где живу я,
Нет твоей улыбки золотой,
Ни цветов, ни слов, ни поцелуя...
Здесь молчит и царствует покой.

И в часы сомнений я жалею,
Что не взял я многое, что мог...
И тогда твой образ я лелею,
Как звезду лелеет астролог.

25 октября 1914 г.

Арт-факт

Ирина Котылева

Котылева Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Коми в области культуры (1997), в Национальном музее Республики Коми работает с 1995 г., с 1999 по 2004 г. была зам. директора по науке, с 2005 г. – директор НМРК. В 1989 г. закончила Сыктывкарский университет по специальности «история», в 1996 г. – Екатеринбургский университет по специальности «искусствоведение». В 2005 г. обучалась в Академии менеджмента в Нижней Саксонии (Германия). Автор более 50 статей по истории и культуре региона.

Выставка Анжелы Размановой «ПУТЕШЕСТВИЕ или как зыряне Кандинского околдовали»

От простого любопытства
к удивлению...
Углубившись, к осмыслению...
Об исключительности места
И его странной миссии
В жизни Кандинского и моей...
Анжела Разманова

Под звуки импровизаций на саксофоне на тему картин Василия Кандинского в исполнении Сергея Летова, специально приехавшего на открытие выставки, 18 мая 2013 г. в выставочном зале Национального музея Республики Коми открылась выставка сыктывкарской художницы Анжелы Размановой «ПУТЕШЕСТВИЕ или как зыряне Кандинского околдовали».

Выставка стала важной составляющей проекта «Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г.».¹ В отличие от альбома «Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г.», издание которого происходило в рамках данного проекта, выставка не столько представляла материалы о путешествии будущего великого художника по Вологодской губернии, а в первую очередь стала своеобразной формой воплощения в художественной форме размышлений Анжелы Размановой о путешествии Василия Кандинского, его размышлений о культуре зырян и об

¹ Проект реализуется на средства гранта, предоставленного в рамках благотворительной программы «Музеи Русского Севера» ОАО «Северсталь». Автор и руководитель проекта «Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г.» И.Н. Котылева

искусстве в целом. В представленных картинах и инсталляциях и размышления художницы об отдельных фрагментах из путевого дневника В. Кандинского, и «ответы-вопросы» к её положениям, представленных в его статьях, написанных для журнала «Этнографическое обозрение» сразу после поездки. Одним из ключевых вопросов, на который пытается найти ответ не один исследователь творчества Кандинского и над которым размышляла художница, был вопрос: «Как поездка к зырянам предопределила художественные поиски художника-новатора, предопределившего развитие мирового искусства в XX в., как зыряне Кандинского околдовали?».

При всех субъективно-личностных алгоритмах, заложенных А. Размановой в каждом созданном художественном объекте, в основе концепции выставки — путешествие В. Кандинского в 1889 г.

В. Кандинский, являясь студентом Московского университета и получив средства от Московского Общества Естествознания, Антропологии и Этнографии, начал поездку по Вологодской губернии 28 мая (по старому стилю). Маршрут поездки реконструируется благодаря его записям, которые он вёл во время поездки. В Вологду он приехал 29 мая. Пробыв в Вологде два дня, он переехал в уездный городок Кадников, где остановился на несколько дней и совершил поездки в соседние деревни. По пути в «зырянские земли» он проехал города Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Яренск. 18 июня Кандинский приехал в г. Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). Уже из Усть-Сысольска он выехал в село Усть-Кулом, которое в представлениях Кандинского было «центром зырянского края». Из Усть-Кулома он выезжал в ряд зырянских селений (когда в тарантасе, а иногда и верхом на лошади). Возвращался Кандинский в Великий Устюг из Усть-Сысольска (выехал 25 июня) через уездный город Лальск (первоначально он планировал сразу ехать в Усть-Сысольск через Лальск). 27 июня он прибыл в Великий Устюг.

В своих воспоминаниях 1918 г. Кандинский даёт живое и красочное описание путешествия: «Охваченный чувством, что еду на какую-то другую планету, проехал я сначала по железной дороге до Вологды, потом несколько дней по спокойной, самоуглублённой Сухоне на пароходе до Усть-Сысольска, дальнейший же мой путь пришлось совершить в тарантасе через бесконечные леса, между пёстрых холмов, через болота, пески и отшибающим с непривычки внутренности «волоком»... Днём было жгуче-жарко, а почти беззакатными ночами так холодно, что даже тулуп, валенки и зырянская шапка, которые я получил на дорогу через посредство Н.А. Иваницкого, подчас оказывались не вполне достаточными, и я с тёплым сердцем вспоминаю, как ямщики иногда вновь покрывали меня съехавшим с меня во сне пледом. Я въезжал в деревни, где население с жёлто-серыми лицами и волосами ходило с головы до ног в жёлто-серых же одеждах или белолицое, румяное с чёрными волосами было одето так пёстро и ярко, что казалось подвижными двуногими картинами».

Пометки, сделанные Кандинским в «Вологодской записной книжке», и ссылки на разнообразных авторов в статьях, написанных им для «Этнографического обозрения» и посвящённых культуре зырян, свидетельствуют, что Кандинский, как начинающий этнограф, тщательно готовился к поездке, изучил работы целого ряда авторов, писавших о зырянах. Во многом Кандинский, планируя своё

исследование, ориентировался на существующую методологию, которая определяла этнографические исследования в тот период. Его в первую очередь интересовали сохранившиеся отголоски языческой культуры, свидетельства древних верований. Результаты исследований В. Кандинский представил в статье «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям)» и рецензии на книгу Г.С. Лыткина «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык», опубликованные в журнале «Этнографическое обозрение» в 1889 г.

Тексты Кандинского стали для Анжелы Размановой протообразом, первоисточником, предвзвучием для формирования и развития своего художественного текста: как основы для конкретных работ, так и для выставки в целом. Высказывание Кандинского, который, анализируя двадцать лет спустя свои ощущения во время путешествия, выразил их следующим образом: «То, что я ехал совсем один, давало мне неизмеримую возможность беспрепятственно углубляться в окружающее и в самого себя», — во многом предопределило ход формирования выставки.

Во многом идея самой выставки родилась из другого высказывания В. Кандинского, который в 1918 г. в статье «Ступени. Текст художника», анализируя свой путь становления как художника, отметил, что «...особенно сильными впечатлениями моего студенческого времени, также определённо сказавшимися в течение многих лет, были: Рембрант в петербургском Эрмитаже и поездка моя в Вологодскую губернию, куда я был командирован Московским Обществом Естествознания, Антропологии и Этнографии». Вспоминая увиденное во время поездки 1889 г. и свои ощущения и переживания, Кандинский пишет: «В этих-то необыкновенных избах я и повстречался впервые с тем чудом, которое стало впоследствии одним из элементов моих работ. Тут я выучился не глядеть на картину со стороны, а самому *вращаться в картине*, в ней жить. Ярко помню, как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — всё было расписано пёстрыми, размашистыми орнаментами. По стенам лубки: символически представленный богатырь, сражение, красками переданная песня. Красный угол, весь завешанный писанными и печатными образами, а перед ними красно-тепящая лампадка, будто что-то про себя знающая, про себя живущая, таинственно-шепчущая скромная и гордая звезда. Когда я, наконец, вошёл в горницу, живопись обступила меня, и я вошёл в неё. С тех пор это чувство жило во мне бессознательно, хотя я и переживал его в московских церквях, особенно в Успенском соборе и Василии Блаженном. По возвращению из этой поездки я стал определённо сознавать его при посещении русских живописных церквей... Вероятно, именно путём таких впечатлений во мне воплощались мои дальнейшие желания, цели в искусстве. Несколько лет занимало меня искание средства для введения зрителя в *картину* так, чтобы он вращался в ней, самозабвенно в ней растворялся». В преддверии выставки А. Разманова неоднократно в ходе бесед, обсуждения будущего проекта вновь и вновь обращалась к этому высказыванию Кандинского, определяя его как ключевое для понимания всего его творчества. Нельзя сказать, что выставка стала воплощением идеи Кандинского «введения зрителя в *картину*», но одной из предпосылок было попытаться приблизиться к переживаниям Кандинского, просто задуматься о пути, который он прошёл. (Хотя, думаю, что найдутся те, кто скажут,

что ответ надо искать в работах Кандинского. Отчасти соглашусь, но каждый имеет право на свои размышления, свой путь).

Тема Путешествия/Пути, как реально осуществлённого Кандинским, так и как глубинный архетипический образ, нашедший воплощение и в культуре зырян, стало определяющей для структуры выставки. Само продвижение В. Кандинского по Вологодской губернии было обозначено на выставке через чётко определённые разделы и ряд фотографий конца XIX – начало XX вв., представлявшие города, которые посетил Кандинский: Вологда, Кадников, Тотьма, Великий Устюг, Сольвычегодск, Яренск, Усть-Сысольск, Лальск. Особая роль в представлении темы Пути была отведена предметам из традиционной культуры, которые представлялись или самостоятельно, или в сформированных инсталляциях из предметов из традиционной культуры и авторских произведений Анжелы. Ряд предметов, представленных на выставке, происходят непосредственно из мест, где побывал Кандинский, что рассматривалось организаторами выставки как важная эмоциональная составляющая выставки. При этом куратор выставки и художник осознавали, что соседство живописных произведений с предметами народной культуры может «перетянуть» восприятие к вещам более архаичным, но именно это соединение позволяло выстроить игру между разновременными и разнохарактерными текстами.

Своеобразным символом выставки стала и живописная работа А. Размановой «Лодка», которая в определённой степени «встречала» зрителя и «вводила» его в выставку. В созвучии с полотном «Лодка» (цветовом и ритмическом) предстал холст «Лестница в небо», неизбежно подталкивая зрителей к размышлениям, что есть путь в многоаспектном плане. Заданная тема дополняется рядом рисунков на стекле на тему сновидений. В ассоциативной взаимосвязи к этим работам выступает диптих «Осколки красного или 45 вёрст», работы из которого с одной стороны отсылают к записи Кандинского о его поездке 45 вёрст верхом на лошади в Усть-Куломском уезде, одновременно, взаимосвязаны с темой сновидений/видений/бесконечных бдений и встреч с неизвестным путешественника, впервые встретившегося с неизвестной культурой, другим языком, с неведомым пространством.

Введённые в выставку полотенца, домотканые половики, пояса, полосы пестряди (так никогда и не ставшие сарафаном и рубахой) отсылали и к архетипической образности пути, дороги, так и в какой-то степени отсылали к тексту Кандинского с описаниями северных нарядов, убранства домов. Особое место в ряду этих образов было отведено саням (реальному объекту из культуры зырян конца XIX в. – начала XX в.). Для Анжелы Размановой на выставке был особенно важен этот объект, позволяющий выявить путь именно как движение человека от рождения до смерти, одновременно, создающий цитату из дневника Кандинского об особенностях похоронных обрядов в Усть-Сысольском уезде. Одновременно, именно сани вводили зрителя в особое смысловое пространство выставки, где были представлены работы Размановой, особо значимые в контексте данной выставки. Работа «Между небом и землёй» особо проявляется именно в этом контексте, её звучание обретается как «переход» к работам «Зыряне», «Керки», «Разговор с Ортом». В определённой степени цветовое решение этих работ взаимосвязано с описанием Кандинского, но в то же время и отражает самостоятельное выражение размышлений А. Размановой о культуре зырян, и осмыслениях

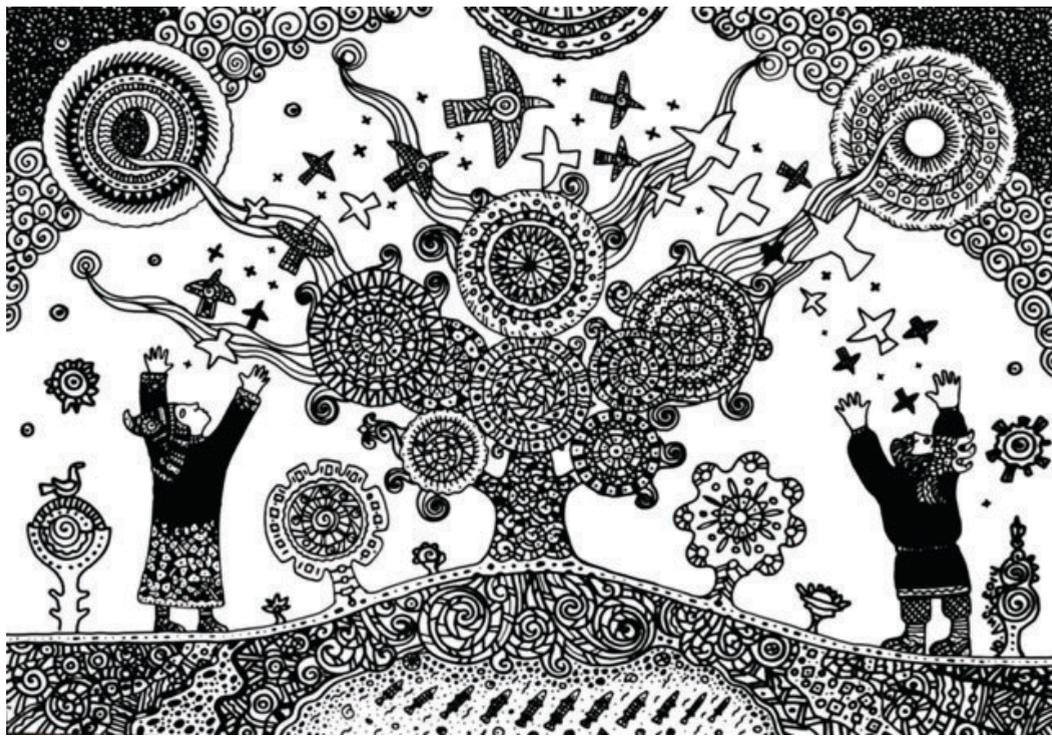
цвета в контексте общих тенденций развития изобразительного искусства в XX столетии.

В этом плане особо показательны работы «Керки» и «Разговор с Ортом». Темы данных работ навеяны непосредственно текстами Кандинского. Работа «Керки» связана с фрагментом из дневника путешественника, где он описывает посещение коми изб («керка» в переводе с коми — «дом, изба»). Картина «Разговор с Ортом» взаимосвязана с фрагментом из статьи Кандинского «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям)», где Кандинский-исследователь описывает верования коми-зырян в орта: Что касается собственно орта, то сами выражения «он худ как орт», «чистый орт», как нельзя лучше указывают на то, что орт есть нечто материальное. Данный каждому человеку при рождении (в некоторых местностях говорят, что орт бывает лишь у близких уже к смерти людей), орт перед смертью этого человека является его родным всегда ночью, принимая образ именно этого близкого к смерти человека. Местами же верят, что орт является не родным его, а ему самому, причём *щиплет его до синяков*, — новое доказательство его материальности. Такие появления бывали за три года до смерти. По смерти же человека, добавляют в этих местностях, уходит с ним и орт, но куда — неизвестно. По более распространённому верованию, орт является в образе покойника и после смерти человека ещё 40 дней, а затем пропадает. Эти-то появления и после смерти могли бы дать право видеть в орте поклонение предкам, но зыряне отличают посещение орта от посещения самого покойника. Это отличие рельефно выступает в обычае вывешивать на все 40 дней полотенце, чтобы орт и покойник утирались по утрам: орт замечает это полотенце, а покойник нет. Наконец, против смешивания орта с покойником громко и резко говорят пророческие явления орта человеку, о которых я сказал выше».

Обе данные работы решены в чёрно-синей гамме, что в первую очередь соотносится с цветом глубокого вечера, преддверия ночи, нечто таинственного, отличного от светлого дня. Ощущение предчувствия, преддверия усиливается от введения в композицию красных всполохов, линий, что вносит определённое напряжение. По размышлениям Размановой в работе «Разговор с Ортом» чёрный в большой степени — это Космос, это единение всех цветов, а человек встречается в первую очередь с самим собой.

Со статьёй Кандинского «Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Национальные божества (по современным верованиям)» связаны и работы «Ельник», «Бог чудов», «Зырянский ангел». Эти работы также не являются иллюстрациями к тексту Кандинского, это скорее импровизация на тему, при этом зачастую в сложном соединении и личностных переживаний А. Размановой от её встреч с народной культурой (иногда конкретными объектами). Представление данных работ в рамках инсталляций в перекличке с предметами из традиционной народной культуры предполагало подключение зрителей к игре образов, к сложному диалогу разновременных и разнохарактерных текстов, к путешествию к протоОбразу, первоРитму, предЗвучию.

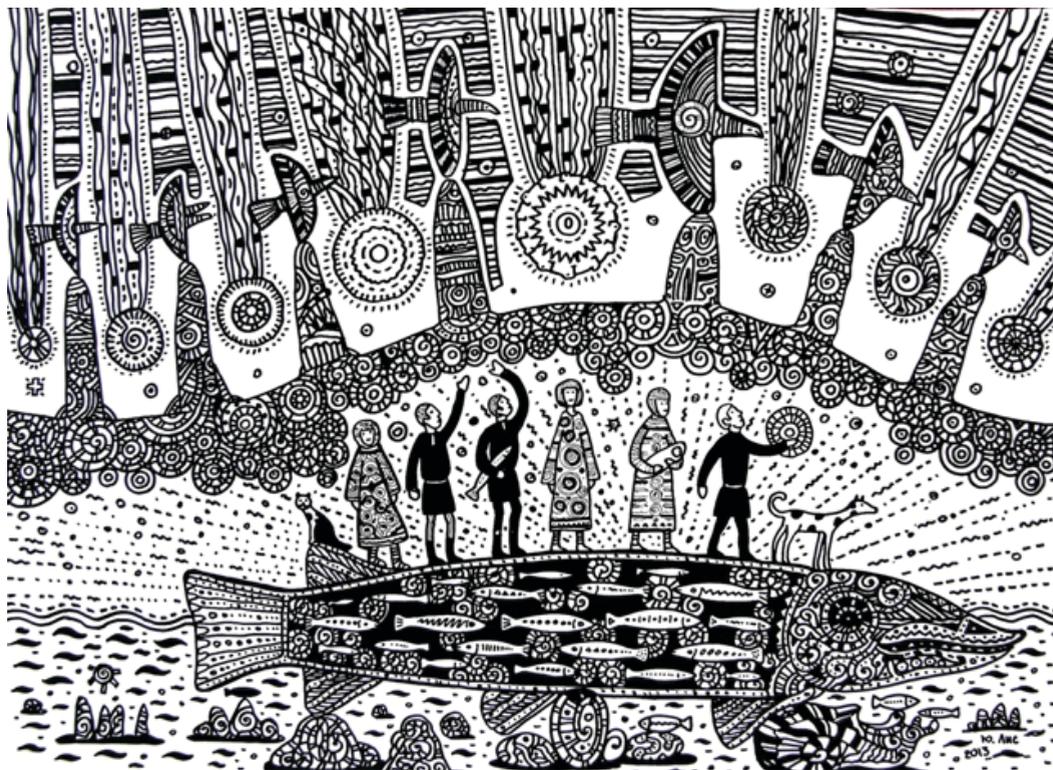
Конечно, эта игра могла быть более полной только при знании текстов Кандинского, что не всегда соответствовало готовности зрителя. Как отмечает сама А. Разманова, иногда создаваемый образ начинал какую-то свою игру, и рождалось

Лисовский Ю. Дуга общения. 2014 г. Бумага, маркер.

Вслед за художником, зрителям предлагалось вступить в игру по «прочтению» первичных образов, провести свою «археологию архетипа». В определённой степени импульсом для формирования выставки стал триптих Павла Микушева «Чудское», созданный на основе археологических артефактов — бронзовых литых антропологических фигур, в которых мужское-женское предстаёт как часть мифологической картины мира. Исследование, расшифровка современных произведений в контексте архетипической модели «мужское-женское» предполагает многообразие подходов, каждый из которых будет связан с той или иной степенью знакомства работ по культуре (особенно исследования древних и традиционных символов, текстов, обрядов) и психоанализу, и просто с личностным опытом.

На наш взгляд, одной из доминирующих смысловых линий на выставке стало проявление женской архаической символики, что может показаться парадоксальным, но на самом деле абсолютно закономерно в контексте архетипических моделей. Особое место на выставке было предопределено работе Павла Микушева «Знак женщины», созданной на основе вышивки на традиционном женском головном уборе замужних зырян. Композиционное и цветовое решение данного живописного полотна неизбежно заставляет задуматься о семантической наполненности головного убора женщины, который она впервые одевала после свадьбы, т.е. после изменения её статуса, когда предназначение как продолжительницы рода декларировалось явственно и многомерно. Древняя женская архаическая символика обыгрывается в работах Ирины Федосовой «Северное сияние» и «Саше»,

Лисовский Ю. Когда гора идолов и птиц улетают на юг. 2014 г. Бумага, маркер.

при этом смысловая значимость этих символов в работах скрывается за декоративностью самих произведений, но и в традиционной культуре семантическое спрятано в декоративном. Декоративность работ художницы скрывает эмоциональность личностных переживаний, что само по себе перекликается с архаическим народным искусством, когда всё личностное «закрывается» установленным вековым символическим порядком.

Не думается, что столь сложные переплетения архаического и личностного сознательно предполагались И. Федосовой, но так или иначе это стало основой метафор в её работах. Та же тенденция проявляется и в работе Анжелы Размановой «Ночные вазы». Следует отметить, что игра с темой ступы, которая представлена на выставке как один из символов женского в коннотации с темой с пестом как символического выражения мужского (данная пара обыгрывается и в фольклоре, и в традиционной свадебной обрядности), была сразу подхвачена художницей, когда обсуждался выбор работ на выставку. Заранее запланированное представление в рамках выставки женское-мужское через образный ряд ступа-пест удачно дополнилось скрытой коннотацией работы А. Размановой или, и это один из интригующих вопросов, которые рождались на выставке, работы современного художника обогащались выявленной коннотацией.

Семантическая взаимосвязь мужское-женское стала основой для работы Денисовой Анастасии «Прочная нить», в которой единение мужского и женского

предстаёт как объединённая композиция антропоморфных образов, проявленных архаических символов (особенно хорошо вычитывается мужской) и материалов: металл, шерсть, лён. Многоуровневая взаимосвязь с архаической семантикой делают скульптурную композицию А. Денисовой сложным многозначным текстом, метафоричность которого сопоставима с фольклорными текстами.

В отличие от работы Денисовой, которая сопряжена с фольклорным текстом подсознательно, полотно Павла Микушева «Плачь невесты» сознательно выстроено художником на фольклорном материале, который в мифопоэтической форме представляет взаимообусловленность мужского и женского. На выставке текст плача был представлен в пересказе П. Микушева:

«Душа превратится в птицу,
Отправится к морю на север.
Там она станет рыбой,
Плавающая в волнах синих.
Рыбак приплывёт на лодке,
Поймает меня он в сети,
Хозяином будет моим он».

Мифопоэтический текст лежит и в основе гобелена Валерии Остаховой «О Кудым Оше». Два материала обыгрываются в работе: шерсть и металл, — которые отсылают к традиционному мироструктурированию. В современной пластической форме художница создаёт метафору всего жизненного пути легендарного героя коми-пермяцкого эпоса Кудым-Оша: Кудым-Ош («*Медведь с устья реки Ку*») родился в семье чудского вождя-жреца, матерью которого была колдунья Пэвсин (*Одноглазая*), зачавшая сына от семени медведя; Кудым-Ош как глава рода он получил соответствующие знаки отличия: жезл и четырёхугольное изображение медведя, которое постоянно носил на груди; герой разъезжал верхом на лосе и его не могло убить ни одно оружие, если стрела всё-таки попадала в него, он мог излечить рану, прижавшись к земле.

Тема героев обыгрывается В. Остаховой и в работах «Охотники на привале» и «Рыбак». Иронично и сложно работы одновременно отсылают к современным анекдотам и мифопоэтическим текстам, смотря, что каждый хочет и готов увидеть. Прочтение современного искусства всегда зависит от того, что зритель готов увидеть, прочесть, о чём он готов говорить с художником.

Парадоксальностью, своеобразной художественной пластикой и неожиданным представлением темы удивляла и работа В. Остаховой «Про любовь». Металлический лист почти квадратной формы (как парафраза «Чёрный квадрат» Малевича?) с прочерченными линиями и сквозными отверстиями (с улыбкой: «следы от пуль»?) заставляет зрителя по-новому смотреть тему «про любовь», особенно в сопоставлении с другой работой с выставки на ту же тему — лист с изысканной графикой Овсянкиной Кристины «(Любовь). Говорите с деревьями». Оба данных произведения логичны в контексте всей темы выставки и утончённые интеллектуалы наверняка вспомнили работу З. Фрейда «Три очерка по теории сексуальности». Важным дополнением, на наш взгляд, в проявленном образном и смысловом ряду между работами-полюсами Остаховой и Овсянкиной стало полотно Павла Микушева «Свадьба рыбы и медведя», подталкивающее как к ироничному

замечанию, так и сентиментальному умилению. Вся работа Микушева пропитана мифопоэтическим, что становится залогом её многоуровневости и образного богатства.

Мифопоэтическое предопределяет образное решение работ Лисовского Юрия и их эмоционального воздействия. Графические листы, представленные на выставке, очень удачно поддержали заданную тему. Работы «Мы любили стоять под крылами деревьев», «Небесная лодка», «Когда гора идолов и птиц улетают на юг», «Пространственная дуга общения» подсказали необходимость введения в экспозицию детали оленьей упряжи. Не только тема мужское-женское предопределяет коннотацию этнографического предмета и графики Лисовского, но и тема пути: пути жизненного, продвижения в пространстве, проникновения разных миров и энергий. И вновь работа современного художника подталкивает нас к более вдумчивому отношению к памятникам традиционной культуры, приоткрывает нам сокрытые смыслы на первый взгляд в простых и понятных вещах. Вспоминаются и положения К. Юнга, представленные в его книге «Отношения между Я и бессознательным» и предопределившие развитие и психологии и гуманитарных наук.

В произведениях современных авторов тема «мужчины и женщины» может выступать как проводник древних архетипических моделей, так и «зеркалом» личностных переживаний. Тема «Мужчина и женщина» в том или ином прочтении представлена в творчестве каждого художника, поэтому предполагалось, что именно это будет способствовать развитию проекта как части сотрудничества художников и музеев стран Баренцева региона. На Российско-норвежском Форуме была представлена виртуальная версия выставки, участниками которой было предложено стать художниками стран Баренцева региона. Виртуальная выставка «Мужчина и женщина: археология архетипа» представлена на сайте Национального музея Республики Коми, участниками её может стать любой художник, приславший изображения своих работ на электронный адрес музея nmrk@list.ru.

Одной из работ, которая была предложена для виртуальной выставки, стал миниатюрный офорт Алеханова «Секс — движущаяся сила общества». В изысканном исполнении автор представляет сразу несколько сложно переплетённых тем: подчинённость или соподчинённость мужчин и женщин; отношение мужчины к женщине; место женщин в мире и их роль. В определённой степени эта работа перекликается с диптихом А. Размановой, представленным на выставке. Диптих состоит из двух работ: «Курица не птица» и «Баба — птица», — и является авторским переложением известной пословицы «Курица — не птица, баба — не человек». Данные работы Алеханова и Размановой подталкивают к размышлениям о возможности создания новых выставок или других форм художественных высказываний на тему мужское-женское, в том числе, и с более сконцентрированным вниманием на тему гендерного доминирования.

Бесконечная дискуссия, как рождается произведение искусства и по какому пути идти при его анализе: по Фрейдю или по Юнгу, — продолжилась в блужданиях по выставке «Мужчина и женщина: археология архетипа». Тем и интригует эта дискуссия, что она бесконечна, как бесконечна и сама тема.

Обзоры. Новости. Письма

Издания Центра «Наследие» имени Питирима Сорокина

Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина был создан в 2010 г. постановлением Правительства Республики Коми с целью сохранения, изучения, пропаганды и включения в социально-культурную жизнь Республики Коми творческого наследия П.А. Сорокина, а также других выдающихся представителей науки и культуры, связанных своими корнями с Республикой Коми.

За время своего существования Центр провёл большую работу по реализации основных задач, в том числе через издательскую деятельность. Центр выпускает одноимённый научный журнал — «Наследие», в котором публикуются работы российских и зарубежных учёных по всем направлениям научного наследия П. Сорокина — социологии, культурологии, истории, этнографии, социальной философии. В статьях журнала исследуются научные теории самого П. Сорокина, отражается их связь с актуальными проблемами современности, рассматриваются биографические факты учёного через призму социально-культурной среды XX века. К настоящему времени вышло три номера журнала, готовится увидеть свет четвёртый номер.

Крупным проектом Центра стало издание книги П. Кротова и А. Долгова «От войны к миру. У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина»¹. Издание содержит исследование научной и гражданской позиции П. Сорокина, а также его жены Е. Сорокиной в отношении эпохальных событий начала и середины XX века. Книга снабжена богатым документальным материалом: перепиской, документами Фонда помощи воюющей России, газетными статьями того времени.

Следующее издание — «Вымская земля — родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры» под редакцией доктора исторических наук Э.А. Савельевой². Книга посвящена истории Вымской земли с глубокой древности до современности. В ней представлены очерки по истории археологического изучения края, описаны исторические события в средние века и новое время, представлена богатая своеобразная материальная и духовная культура вымских коми.

К 125-летию со дня рождения П. Сорокина Центр «Наследие» подготовил несколько изданий. Книга П. Сорокина «Кузь туй вуджём» представляет собой перевод на коми язык известного автобиографического романа учёного «Долгий путь»³. Перевод был осуществлён с английского языка на русский группой переводчиков (В.А. Черных, Г.В. Федюёва, О.И. Уляшев).

Книга В.М. Терехихина «Питирим Сорокин: суждения и афоризмы»⁴ содержит

¹ Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. — Сыктывкар, Вологда, 2011. — 400 с.

² Вымская земля — родина Питирима Сорокина. Очерки истории и культуры. Отв. ред. и составитель Э.А. Савельева. — Сыктывкар, 2011. — 415 с.

³ Кузь туй вуджём. Олантуй йылысь роман: Комиёдома английскоййысь. — Сыктывкар, 2013. — 355 с.

⁴ Питирим Сорокин: суждения и афоризмы / Автор-составитель В.М. Терехихин. — Сыктывкар: ООО «Анбур», 2013. — 272 с.

суждения, афоризмы, мудрые мысли, изречения и заветы потомкам П.А. Сорокина. Идеи интеллектуального наследия учёного, представленные в издании, позволяют получить относительно целостное представление о его творчестве.

К выходу в свет готовится очередной журнал «Наследие», посвящённый 125-летию П. Сорокина, первый том собрания сочинений П. Сорокина, в котором помещены его ранние произведения 1910–1914 гг. В ближайшей перспективе Центр «Наследие» сосредоточится на продолжении крупного проекта по изданию собрания сочинений выдающегося учёного. На очереди подготовка следующего тома, куда войдёт работа П. Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», а также статьи 1921–1922 гг. Также в рамках собрания сочинений готовятся к изданию его литературное произведение роман «Предтеча», книга «Листки из русского дневника» с описанием и анализом российских событий в январе 1917 – сентябре 1922, опубликованная в 1924 г. в США.

*Кузисанова О. Ю.,
директор Центра «Наследие» имени П. Сорокина.*

К 175-летию Ивана Куратова

* * *

175-летний юбилей первого коми поэта, основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова республика отметила достойно. В библиотеках, в школах были открыты выставки о жизни и творчестве И.А. Куратова, большой праздник поэзии прошёл в его родном селе Куратово Сысольского района, в день его рождения, 18 июля, был митинг с чтением стихов у памятника поэту в Сыктывкаре и вечер поэзии в Литературном музее им. И.А. Куратова.

Но к нашей общей радости в этом году Куратовский праздник поэзии расширил свои рамки, перешагнув за границы республики: делегации писателей, работников культуры проложили литературные маршруты по Куратовским местам, побывали в с. Яренск Архангельской области, в г. Вологде и Алматы (Казахстан).

В Яренске И.А. Куратов учился в духовном училище с 1850-го по 1854-ые годы. В то время Яренск был уездным городом, входившим в Вологодскую губернию. Ныне это районный центр Ленского района Архангельской области.

Обучаясь в духовном училище, 13-летним пареньком Иван Куратов начал слагать первые стихи. Вот как сам он писал о начале творческого пути: «Гугов (псевдоним И.А. Куратова) начал писать с 13 лет, т.е. тогда, когда с трудом ещё мог сдавать простейшие уроки на русском языке; но он писал по-зырянски, причём употреблял стефановскую азбуку (по Савваитову), чтоб не подвели его под розгу, вычитавши воспеваемую им любовь...» Но стихи этих лет не сохранились.

В настоящее время в Яренске память о первом коми поэте сохранена, на одном из домов имеется мемориальная доска с датами жизни.

*У мемориальной доски И.А. Куратову
в с. Яренск.*

В день приезда делегацию из Республики Коми, а в составе делегации были писатели Елена Габова, Елена Козлова, Татьяна Канова, Александр Суворов, радиожурналистка Галина Ведерникова, сотрудники Литературного музея И.А. Куратова и работники культуры Сысольского района, встречали глава и заместитель главы Ленского района, глава сельской администрации, а также работники культуры села Яренск.

После возложения цветов и митинга около мемориальной доски делегация познакомилась с историей села и достопримечательностями края, посетила краеведческий музей,

который располагается в бывшем Преображенском соборе, а также резиденцию Матушки-Зимы. Затем была творческая встреча писателей с интеллигенцией села, со старшеклассниками Яренской школы в библиотеке. Следует особо подчеркнуть роль библиотеки села, библиотекаря Угрюмовой Марины Алексеевны за бережное отношение к памяти первого коми поэта И.А. Куратова. В библиотеке была возвращена выставка, посвящённая 175-летию основоположника коми литературы, изданы буклет, альбом.

Разговор во время встречи был и об И.А. Куратове и о современной литературе, звучали стихи, созданные 150 лет тому назад и совсем недавно.

Подобные встречи не проходят бесследно, каждая такая встреча обогащает человека духовно.

Мы уезжали из красивого села Яренск с успокоенной совестью: тут помнят и чтут И.А. Куратова, а мы должны быть благодарными тем людям, которые сохраняют эту память.

*Елена Козлова, председатель
правления Союза писателей РК*

* * *

В начале мая писательская делегация в составе Андрея Попова, Валерия Вьюхина, Любови Ануфриевой, Елены Афанасьевой ездил в Вологду. Город нас встретил дождём, а на следующий день дул порывистый ветер. Было холодно, неуютно. Но от волнения, что находишься в незнакомом городе, ходишь по местам, связанным с именем нашего коми поэта, Ивана Алексеевича Куратова, встречаешься с людьми, читаешь им свои стихи, рассказываешь о своей родине, становилось на сердце теплее.

Тепло стало и от встречи с нашими земляками, представителями землячества Республики Коми в Вологде, с вологодскими писателями, с преподавателями

У мемориальной доски И.А. Куратову в г. Вологда.

«Нимтём поэма» (Безымянная поэма), «Пама», стихотворная сказка «Микул» и переводы. Интересно было узнать, что студенты Вологодского государственного университета на занятиях по краеведению изучают жизнь и творчество Куратова, ими написаны исследовательские работы. На встрече, организованной в университете, они с любопытством слушали стихотворение Куратова, прочитанное

мною на коми языке, расспрашивали нас о Коми республике, о мифах, интересовались коми языком, просили показать тексты, рассказать, чем графически отличается наш язык. Когда мы с Любой читали свои коми произведения, они улыбались, конечно, непривычно слушать чужой язык. Но на лицах была радость. И нам было легко с ними, хотелось читать и читать. Очень

С вологодскими писателями (слева направо): А. Цыганов, А. Попов, В. Вьюхин, А. Ехалов, М. Карачёв, Е. Афанасьева, О. Фокина, Л. Ануфриева.

университета, которые пришли на митинг, посвящённый памяти нашего поэта, к зданию Вологодского университета, где раньше размещалась духовная семинария. На стене здания университета установлена мемориальная доска Куратову. Возле неё все и собрались. Сказали добрые слова об Иване Куратове. Мы с Любовью Ануфриевой прочитали его стихи, было радостно оттого, что звучат произведения на коми языке, а Валерий Вьюхин читал своё стихотворение — посвящение поэту.

Иван Куратов начал писать стихи с 13 лет, в период учёбы в Яренском духовном училище, а в Вологде его талант окреп, здесь начал он переводить и произведения русских и западноевропейских поэтов. Конечно, сохранилось мало произведений этого периода — около двадцати стихотворений, в том числе «Коми кыв» (Коми язык), «Съылан менам, съылан» (Песня моя, песня), «Морт олём» (Жизнь человека), отрывки из поэм

понравились им стихи наших поэтов Валерия Вьюхина и Андрея Попова. «Ещё почитайте!» — думаю, это самая большая похвала для поэта.

Интересно прошла встреча с читателями и в Вологодской областной библиотеке.

В этой поездке мы много узнали об истории Вологды. А показал нам достопримечательности города Михаил Иванович Карачёв, председатель Вологодской писательской организации. Он нас провёл по старинным местам, мы посмотрели дома — памятники архитектуры, церкви, собор. Посетили историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, где собраны старинные иконы со всей России. Поклонились нашей Зырянской Троице, иконе Святой Троицы XIV века, согласно преданию, написанной святителем Стефаном Пермским, имеющей надпись на коми-зырянском языке. Побывали на квартире у вдовы Василия Белова, посетили могилу Николая Рубцова, его музей, встретились с вологодскими писателями: Ольгой Фокиной, Робертом Балакшиным, Алексеем Ехаловым. Мы подарили им привезённые книги, журнал «Арт», а они нам — книги и литературную газету «Вологодский литератор», которая начала выходить в этом году.

Впечатлений от поездки было много. Хотелось, конечно, чтобы и вологодские писатели приехали к нам на творческие встречи, или на поэтическую эстафету.

*Елена Афанасьева, литературный
консультант Союза писателей РК*

* * *

Об этой поездке мечтали 25 лет. Последний раз писательская делегация Республики Коми была в Алматы в прошлом веке в 1989 году. Ещё в былинное время, когда билет в автобусе стоил пять копеек. Да и до Алматы, которая тогда называлась Алма-Ата, ну всего лишь чуть-чуть подороже было.

Народный поэт Республики Коми Владимир Тимин рассказывал с большим вдохновением о поездке 25-летней давности. Самое главное, что он подчёркивал, это казахское гостеприимство. Точнее казахстанское, так как в нём принимали участие люди разных национальностей, в том числе и русские. Халат, подаренный Владимиру Тимину в Алма-Ате в 1989, ныне украшает Литературный музей И.А. Куратова.

В этом году исполнилось 175 лет со дня рождения основоположника коми литературы Ивана Куратова, который провёл в г. Верном (Алматы) последние годы своей короткой жизни.

15 мая 2014 года в Алматы из Сыктывкара вылетела делегация в составе министра национальной политики Республики Коми Галины Габушевой, председателя правления Союза писателей Республики Коми Елены Козловой, народного поэта Республики Коми Надежды Мирошниченко, главного редактора журнала «Арт» Галины Бутыревой, начальника Управления культуры г. Сыктывкара Олега Елфимова, начальника Управления культуры Сысольского района Галины Стодольской и поэта Андрея Попова.

Встречал нас литературно-художественный журнал «Простор» во главе с его редактором, известным русским поэтом Валерием Михайловым. Очень отраднo,

Делегация из Республики Коми в Алматы.

также является секретарём правления Союза писателей Казахстана и секретарём правления Союза писателей России, был организатором и ведущим встреч делегации нашей республики с общественностью г. Алматы. Встречи прошли в Союзе писателей Казахстана, в редакции журнала «Простор», в Национальной библиотеке Казахстана, в гимназии № 4 имени А.С. Пушкина.

Особенно удалась встреча в Национальной библиотеке, которая, по словам Риммы Артемьевой, поэтессы из Алма-Аты, стала «уникальной перекличкой времён и культур». На ней почти все выступающие подчёркивали, что Иван Куратов был не только поэтом, но и человеком неравнодушным, настоящим гражданином. Стихи основоположника коми литературы в переводе на казахский язык представил Ибрагим Иса, казахский поэт, переводчик.

Русская гимназия имени А.С. Пушкина г. Алматы находится рядом с улицей Ивана Куратова. Отраднo, что такая улица сохраняется, никаких попыток переименовать её не было. Учащиеся гимназии занимаются изучением творчества Ивана Куратова, пишут рефераты о его жизни и творчестве.

Недавно они даже провели небольшое социологическое исследование, и оказалось, что четверо из двадцати опрошенных жителей улицы знают, кто такой Иван Куратов. Неплохой результат для бывшей столицы Казахстана. Но и он будет улучшен, гимназисты решили, что будут рассказывать, в честь кого названа улица, всем её жителям.

Но вот алматинский домик Ивана Куратова не сохранился. Сейчас здесь по адресу Куратова, 2 стоит двухэтажный дом, построенный в 60-х годах прошлого века. Когда-то на нём висела мемориальная доска, но сейчас она отсутствует. И судьба её, увы, неизвестна. Но безусловно, мы будем думать, как в ближайшее время сделать всё, чтобы памятный знак о коми поэте снова висел на прежнем месте.

Билет до Алматы ныне стоит гораздо дороже, чем в советское время, но прошедшая поездка показала, что Республика Коми должна как можно чаще обозначать себя в этом городе, который также, как и мы, гордится Иваном Куратовым.

что в Казахстане, стране дружественной, но уже самостоятельной, продолжает выходить на русском языке такое издание. В нём печатаются самые интересные авторы всего постсоветского пространства. В пятом номере «Простора» непосредственно к нашему приезду была опубликована статья о творчестве И.А. Куратова заместителя редактора «Арта» Павла Лимерова и переводы на русский стихов первого коми поэта.

Валерий Михайлов, отметим,

*Андрей Попов, зам. председателя
Союза писателей РК*

Нам пишут:

Здравствуйте, уважаемые сотрудники журнала «Арт»!

18 июля этого года в селе Большелуг Корткеросского района собрались друзья, родственники, коллеги и просто почитатели таланта первой коми поэтессы Александры Мишариной, чтобы почтить её память.

Прошёл год, как не стало Александры Петровны.

Собравшиеся вспоминали последние годы жизни поэтессы, читали её стихи.

В своё время мне довелось перевести на русский язык несколько её стихотворений. Александра Петровна поощряла мои опыты. В свою очередь она переводила мои собственные стихи на коми, и я никогда не забуду это наше творческое содружество. Это она познакомила меня, русского человека, с поэзией своих коллег: Владимира Тимина, Николая Щукина и многих других.

Александра Петровна иногда, уже больная, сетовала, будут ли вспоминать её, когда её не станет... Жизнь продолжается, и мы, односельчане, рады, что продолжается и поэзия Александры Мишариной.

Вот и в день годовщины её смерти в доме поэтессы снова собрались не только мы, её земляки, но и приехали гости из Сыктывкара. Председатель Союза писателей Республики Коми, детская писательница Елена Козлова с тёплым чувством и благодарностью вспоминала свои первые шаги в литературе, которые были замечены и поддержаны Александрой Петровной, в то время уже известной поэтессой.

Гости из Сыктывкара и большелугцы договорились об установлении на могиле Мишариной памятника, и мы уверены, что своё слово они сдержат. Если можно, в знак уважения, напечатайте стихотворение А.П. Мишариной в моём переводе «Эг и тӧдлы».

Не заметила

Ещё далеко до рассвета,
Но не нежусь я в постели.
Мои мысли, словно птахи,
по бумаге разлетелись.
И стихи мои, как дети,
из души моей родились.
Я теперь за них в ответе.
Я теперь за них в ответе.
И молю, чтоб пригодились.
И хочу, чтоб долго жили,
радуя собой в печали...
Я за них ведь перед веком
Своим сердцем отвечаю...

С уважением, Нина Васильевна Симпелева,
пенсионерка, с. Большелуг,
23.07.2014 г.

2014 год — год Культуры

* * *

Большим событием в жизни республики стал V Российско-Норвежский культурный форум. Писатели, работники учреждений культуры, библиотекари двух северных стран обсудили самые различные проекты, касающиеся издания и продвижения литературы в общество.

* * *

Год оказался богатым и на другие значительные события для Союза писателей Республики Коми. Союз отметил своё 80-летие. Сегодня в нём 43 прозаика, поэта и драматурга. Документы ещё 12 литераторов сегодня на рассмотрении в Москве, — возможно, уже в нынешнем году многие из них также станут членами Союза писателей.

* * *

В майском номере журнала «Юность» (Москва) впервые за все годы его существования опубликован столь широкий спектр произведений авторов из нашей республики. На презентации журнала в Национальной библиотеке РК гость из Москвы, известный критик Лев Анненский дал им довольно высокую оценку.

На очереди презентация августовского номера журнала «Наш современник» (Москва), где также опубликовались наши поэты и прозаики.

Большая подборка произведений писателей Республики в этом году выходила в журнале «Простор» (Алматы).

В свою очередь журнал «Арт» (Сыктывкар) знакомит своих читателей с поэтом из Казахстана Валерием Михайловым.

* * *

В Национальном музее Республики Коми 14 августа открылась выставка «История телевидения в Республике Коми: из прошлого в будущее».

Телевидение — одно из выдающихся изобретений XX века, символ технологического прогресса. Республиканское телевидение отмечает полувековой юбилей. За несколько десятилетий Коми телевидение получило широкое общественное признание. Оно стало одним из ведущих средств массовой информации, выступило инициатором многих мероприятий, помогавших развитию экономики, культуры, нравственному воспитанию общества. История телевидения Коми неотделима от истории республики, это её телевизионная летопись.

Выставка знакомит с историей телевидения в Республике Коми, показывает, как менялось содержание и качество телевидения от десятилетия к десятилетью, каким будет его завтрашний день.

На выставке представлены материалы из собрания Национального музея Республики Коми; фотографии и документы из архива телекомпании «Коми гор»; телеаппаратура 60–90 гг. XX вв. (телекамеры, телевизоры); призы и памятные подарки, полученные сотрудниками телекомпании — участниками и победителями Всероссийских и международных телефестивалей; материалы из личных архивов работников сыктывкарской студии телевидения разных лет.

Проблемы аксиологии в произведениях Г.И. Спичака

Проблемы аксиологии, сохраняющие актуальность на протяжении многих веков, несомненно, не теряют приоритетного значения в начале третьего тысячелетия. Опыт второй половины XX в. — периода разрушения тоталитарных систем и смены идеологических ориентиров — доказывает, что главной и непреходящей ценностью остаётся понятие личности — умеющей различать добро и зло, временное и вечное, истинное и ложное. Данная ценность не может быть принесена в жертву концепциям, декларирующим общезначимые нравственные принципы и на деле отрицающими приоритет понятий «этика», «доброта», «человечность». На протяжении творческой деятельности об актуальности и значимости данных нравственных категорий, о необходимости внимания к вопросам развития современной личности стремится напомнить хорошо известный читательской аудитории Республики Коми писатель — Г.И. Спичак.

Специфика художественных приёмов, особенности стиля писателя отражают характерные черты его индивидуально-авторской картины мира. Стиль прозы Г.И. Спичака афористичен, демонстрирует интенцию автора к созданию аллегорий, обобщений. Заголовки произведений писателя вплетены в интертекст мировой культуры и прочитываются на её фоне: например, «Метель», «Белеет парус...», «Потерянный рай». Интертекстуальны сюжеты его произведений: в частности, рассказ «Метель» вступает в отношения корреляции с фольклорными произведениями народов Севера, с творчеством коми писателей, таких как К.Ф. Жаков. Создавая литературный текст, Г.И. Спичак обращается к рассмотрению абстрактных, обобщённых понятий. Герои его произведений нередко персонифицируют в себе качества определённых художественных типов, что отражается в самих названиях рассказов («Бандит», «Сапёр», «Казак»). Новаторство писателя проявляется, прежде всего, в интенции максимально приблизить созданную им художественную реальность к современности. Несмотря на склонность к созданию обобщённых образов, стиль произведений Г.И. Спичака максимально прост, его экспрессивно-выразительные средства конкретны, понятны и доступны читательскому восприятию. Следует отметить активное использование стихии разговорной речи, в том числе в собственно-авторских рассуждениях Г.И. Спичака, что ещё более приближает повествование к читательской аудитории.

Сюжеты рассказов данного писателя представляют собой проекцию определённой этической проблемы на повседневную действительность. Размышляя о современной реальности, художник в то же время абстрагируется от неё, создаёт символические образы-понятия, выходит на уровень философских обобщений.

На протяжении творческой деятельности данный писатель выстраивает определённую ценностную парадигму и демонстрирует её читателю. Г.И. Спичак убеждён: в любой исторический период утверждать приоритет определённой аксиологической системы можно лишь условно. В человеке всегда остаётся нечто, что не изменяется, несмотря на перемены, происходящие в обществе. По мнению данного художника, поведение личности детерминировано двумя важнейшими факторами: первый — это требования собственного «эго», второй — восприятие себя как

части универсума. Несомненно, два главных вектора, определяющие поступки человека, — не всегда различимы. Отрицать их действие невозможно, вместе с тем, определить внутренний мотив поведения значимо для любой личности. Внутреннее содержание человеческой жизни, след, который мы оставляем на земле — главная проблема, над которой размышляет Г.И. Спичак. Что остаётся после смерти человека, задаёт вопрос писатель, и сам отвечает: его дела, поступки, память о нём. «...Одни умерли, а всё равно, как будто живы, весь человек не может умереть... Так в обыкновенном мире сизая дымка висит и мир этот сказочным делает. А другой жил, помер, а за ним тоже, конечно, туман... Но чёрный. Как ночью на реке...: не просто чёрный, а будто выдран «с мясом» кусок мира и... пусто» («Чёрные туманы»).

В эпоху, когда идеология превалировала, отмечает писатель, значимость определённых ценностей искусственно подчёркивалась и утверждалась одной частью общества за счёт другой. Проблема несовпадения интересов личности с идеологическими концепциями высвечивается как одна из центральных в творчестве Г.И. Спичака. Персонажи рассказов Г.И. Спичака в трудные времена верили, что придёт время, когда «за... лозунги-словесы» «не спрячешься» — люди оценят каждого по его делам («Агницы»). Проходили десятилетия — складывалась новая общественная ментальность. Действительно, многие прежние лозунги не выдержали проверку временем. Произведения Г.И. Спичака помогают преодолению догматических заблуждений и стереотипов советской эпохи. В центре внимания писателя — не вожди или известные исторические герои, а простой, незаметный человек, который и ордена получает не на парадах, а на фронте, в окопах, за тяжёлый военный труд («Внуки»).

Мы — свидетели уникальной, но отчасти трагической эпохи, говорит Г.И. Спичак. Несомненно, она потребовала меньше человеческих жертв, чем эпоха первой половины XX в. Но перемены, которые мы наблюдали, были не менее значимы, чем те, которые пережило более старшее поколение. Распад государства, смена экономической системы показали, что общество в целом и отдельный человек не были готовы к тем глобальным проблемам, которые возникли в связи с изменениями, происходившими в стране. Несформированность системы общественных институтов, отсутствие чёткой законодательной базы, сложности экономического развития — всё это, несомненно, способствовало обострению проблем внутри государства, «когда сыпался СССР, и стреляли не только на больших и малых войнах по всей южной границе когда-то большой и дружной страны...» («Однажды в России»).

Изменения во всех сферах жизни государства были насущной потребностью времени, подчёркивает писатель. Вместе с тем, невозможно было предвидеть, по какому сценарию будут развиваться события. В 90-е годы, отмечает Г.И. Спичак, значительная часть общества внутренне не была готова к распаду Союза. Писатель приводит следующий факт: в 1965 г. в Усинске в школе на 60 учеников приходилось 38 национальностей («Усинск. Эссе»).

Страна, отмечает Г.И. Спичак, в 1990-е гг., несомненно, не была готова к переделу границ. Вместе с тем, данный процесс имел, не в последнюю очередь, экономические причины. Мы видим, что в настоящее время наряду с процессами дезинтеграции в мире совершаются процессы интеграции — страны стремятся к объединению по вполне понятным экономическим мотивам. Сегодня необходимо

обратиться к опыту XX столетия, подчёркивает писатель, чтобы трагические события, которые имели место ещё так недавно, не могли повториться.

Г.И. Спичак отмечает: в конце 1980-х – начале 1990-х гг. проблема пересмотра границ рассматривалась как нарушение целостности и суверенитета страны. Беловежские соглашения, провозглашение суверенитета России — всё это произошло лишь впоследствии. Вместе с тем, вполне очевидно, отмечает Г.И. Спичак, что «сорняки ненависти» между народами не должны сеяться, вырастать и приводить к человеческим жертвам. Столкновение различных идеологий порождает противостояние между людьми, подчёркивает писатель.

Г.И. Спичак — очевидец тех процессов, которые происходили в 1990-е гг. в Приднестровье и продолжают оказывать определённое влияние на ситуацию сегодняшнего дня. Да и сам приднестровский конфликт, несомненно, вызвал немало вопросов, споров, разноречивых суждений. Взгляд на события с противоположной стороны, с молдавского берега, мог быть диаметрально противоположен тем представлениям, которые владели защитниками независимости Приднестровской Республики. Необходимость перехода на латиницу, близость культур и языков, делающая необходимым процесс интеграции, вопрос о вступлении Молдовы в объединённую Европу, — всё это определяло сознание другой стороны участников конфликта. По словам писателя, сегодня интеллигенция, осмысляя опыт прошедших десятилетий, говорит: события и тогда, и во многих других случаях могли развиваться по иным сценариям. Нет таких решений, к которым не могли бы прийти политики, подчёркивает Г.И. Спичак. По словам писателя, сегодня, имея за плечами опыт XX столетия, общество должно более взвешенно подходить к аналогичным проблемам.

Сам художник говорит следующее о событиях, очевидцем которых он оказался: «это была странная война», в которой выстрелов можно было ожидать с любой стороны. В этой войне, как и во всех межнациональных конфликтах того периода, несомненно, осталось ещё много непроявленного. Вот один из примеров, рассказывает Григорий Иванович. В Дубоссарах в доме по улице Ломоносова, 47 была убита семья Мунтян — мать, отец, бабушка и две дочери. До сегодняшнего дня вопрос о том, кто является виновником их гибели, остаётся невыясненным, открытым. До настоящего времени известны разные версии произошедшего. И в той обстановке не могло быть иначе, подчёркивает писатель. Несомненным остаётся лишь одно: факт гибели значительного числа людей, каждый из которых отстаивал лишь свою половину правды — забыв о той вечной Правде, которая не зависит от политических лозунгов, оставаясь неизменной на протяжении тысячелетий: «Они шли и стреляли. Будто забыли, что несколько веков подряд говорили на одном языке, пели Богу одни молитвы... два берега расстреливали друг друга, как будто свинцом можно переложить вину или огнём обрести искупление. Здесь и в этот час скорее лопнули бы небеса, чем кто-то из них сказал бы другому: «Прости, брат!» И небеса лопнули...»

Произведения Г.И. Спичака дают импульс к размышлениям не только о сегодняшнем состоянии общества, но и о внутреннем состоянии современного человека. Персонаж одного из его рассказов, возвратившись из горячей точки и переосмысливая прожитую жизнь, «увидел Сонность, Жадность, Равнодушие как Зло — Страшное дело» («Фугас»). Немало в произведениях Г.И. Спичака сюжетных положений, когда действующие лица оказываются перед нравственным

выбором: спасти свою жизнь ценою чужой гибели или пожертвовать собственной. Так, в одном из рассказов человек убивает, чтобы не погибнуть самому. Но затем обнаруживает, что оказался виновником гибели молодой женщины, воевавшей на противоположной стороне. Тяжесть этого поступка он пронесёт через всю жизнь. И сможет ли жить дальше, будет ли счастлив, помня о том, что совершил, размышляет писатель.

В таких рассказах как «Девять белок», «Чёрные туманы» художник однозначно осуждает убийство живого существа, человека или зверя. Можно напомнить рассказ «Охота на тёмных птиц», где всё наше современное общество аллегорически охотится за тёмными птицами — неведомыми тенями, но при этом гибнет реальный человек: бабка, «одна в этом тихом и светлом утре, неожиданно лопнувшим под грохотом пальбы и запахами горячего металла и горького жжёного пороха, металась как над каким-то вселенским горем: что же вы, люди, делаете? «Мый нё тьянкёд лоёма?» («Охота на тёмных птиц»). Человек, подчёркивает художник, может быть более жестоким, чем дикая, нетронутая цивилизацией природа. И не случайно диссонансом, разрушающим гармонию жизни природы, становятся звуки выстрелов, «когда расстреливают человека и тишину» («Выстрелы над старицей»).

Писатель акцентирует внимание на многомерности действительности. Он создаёт мозаическую картину реальности, в которой добро и зло переплетены между собой. Г.И. Спичак размышляет о дуалистической природе человеческой личности. «Битва внутри — она, конечно, у каждого из нас» («Казак»), утверждает писатель. Подчёркивая необходимость пробуждения в современниках истинно человеческих качеств, писатель отмечает: в сегодняшнем обществе «идёт последняя Мировая война. Между Человеком — Образом и Человеком-Функцией» («Афоризмы»). Писатель стремится актуализировать в общественной ментальности христианские нравственные ценности, отчасти забытые в советский период.

В центре произведений Г.И. Спичака всегда оказываются весьма неоднозначные вопросы. Они доказывают, что действительность многогранна. Каждый человек в отдельности не может охватить её в своём сознании: и это вполне объяснимо, ведь человеческое сознание — это лишь часть многомерной, сложной и многоаспектной картины мира. «...В другом времени старые загадки и старые противоречия обнаруживают в другом ракурсе другую правду. Правду иного Времени» («Время», 2001). Заглянуть за грань видимой человеку реальности, узнать, каковы пределы человеческого познания — над этими вопросами размышляет художник нового, XXI века («Цитала. Украденный посох»).

Вместе с тем, представляется очевидным, что в наступивший век человечество входит, неся с собою груз вражды между народами, груз войн, амбициозных стремлений. На пороге третьего тысячелетия писатель размышляет о том, что никакие приоритеты, ценности не могут быть нравственны, если они утверждаются ценой человеческой жизни. Уникальность опыта последних десятилетий XX в. несомненна. Он дал возможность увидеть непрочность любых созданных человеком идеологических систем, доказал значимость экономических факторов в жизни общества и вновь заставил задуматься о значимости отдельной человеческой судьбы — именно о данных вопросах напоминает в своих произведениях Г.И. Спичак.

А.В. Кречетова